

ПОСТАНОВЛЕНИЯ ПРЕЗИДИУМА, РЕШЕНИЯ И ОПРЕДЕЛЕНИЯ СУДЕБНЫХ КОЛЛЕГИЙ ВЕРХОВНОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ПО ГРАЖДАНСКИМ ДЕЛАМ

Предметом предварительного договора является обязательство сторон только по поводу заключения будущего договора и не может включать обязанностей одной из сторон о предварительной оплате основного договора о купле-продаже

*Определение Судебной коллегии
по гражданским делам Верховного Суда РФ
от 10 ноября 2015 г. № 78-КГ15-29*

(Извлечение)

В. и Г. обратились в суд с иском к ООО “НеваИнвестПроект” и ООО “ЛАД” о возложении обязанности совершить определенные действия и взыскании денежных средств.

Решением суда первой инстанции иск удовлетворен частично, на ООО “НеваИнвестПроект” возложена обязанность заключить с истцами договор купли-продажи жилого дома и земельного участка на условиях предварительного договора купли-продажи, с ООО “НеваИнвестПроект” в пользу истцов взысканы проценты за пользование чужими денежными средствами, компенсация морального вреда, а также государственная пошлина. На истцов возложена обязанность проинформировать перечисление денежных средств на счет продавца за исполнение договора купли-продажи недвижимого имущества.

Апелляционным определением решение суда первой инстанции отменено, по делу принято новое решение об отказе в удовлетворении исковых требований.

Судом установлено, что 9 января 2007 г. между ООО “НеваИнвестПроект” и ООО “ЛАД” заключен генеральный инвестиционный договор,

по условиям которого ООО “НеваИнвестПроект” поручает, а ООО “ЛАД” обязуется осуществить выбор земельного участка и поэтапно произвести строительство малоэтажного жилого комплекса и объектов инфраструктуры. В силу раздела 14 генерального договора результаты застройки подлежали передаче в собственность ООО “НеваИнвестПроект”.

Пунктом 2.3.4 указанного выше договора ООО “НеваИнвестПроект” было предоставлено право по своему усмотрению уступать другим юридическим и физическим лицам полностью или в части права на финансирование строительства объекта.

Впоследствии между ответчиками было заключено агентское соглашение, по условиям которого ООО “НеваИнвестПроект” являлось агентом ООО “ЛАД” по привлечению покупателей объектов недвижимости и заключению предварительных договоров купли-продажи, а также основных договоров купли-продажи и актов приема-передачи объектов недвижимости.

18 мая 2012 г. В. и Г. заключили с ООО “НеваИнвестПроект” предварительный договор купли-продажи жилого дома и земельного участка, предметом которого являлось заключение в будущем основного договора купли-продажи земельного участка и жилого дома. При этом предварительный договор заключен ООО “НеваИнвестПроект” от своего имени.

Согласно п. 2.2 предварительного договора основной договор купли-продажи стороны обязуются заключить в течение 15 рабочих дней с момента государственной регистрации на имя продавца права собственности на жилой дом и исполнения покупателями своих обязательств в соответствии с приложениями к предварительному договору.

Свои обязательства по договору истцы исполнили надлежащим образом, денежные средства были перечислены ООО “НеваИнвестПроект” в полном объеме.

Согласно приложению к предварительному договору срок заключения основного договора определен 25 января 2013 г. При этом в указанном приложении содержится ссылка на то, что названный срок может быть изменен на более поздний в связи с задержками сроков исполнения своих функций государственными, муниципальными и иными органами и службами, в том числе регистрирующими органами.

10 июля 2013 г. истцами в адрес ответчика направлена претензия с требованием исполнить принятые на себя обязательства — заключить основной договор купли-продажи. Претензия получена ответчиком и оставлена без удовлетворения.

14 января 2014 г. в адрес истцов ООО “НеваИнвестПроект” направлено уведомление о прекращении действия предварительного договора на основании абз. 2 п. 4 ст. 429 ГК РФ.

Денежные средства, полученные ООО “НеваИнвестПроект”, возвращены истцам 20 февраля 2014 г. на основании платежного поручения.

Судом установлено также, что на спорный жилой дом и на земельный участок, на котором расположен дом, зарегистрировано право собственности ООО “ЛАД” — 17 декабря 2013 г. и 10 марта 2014 г. соответственно.

Разрешая спор и частично удовлетворяя искивые требования В. и Г., суд первой инстанции исходил из того, что между истцами и ООО “НеваИнвестПроект” заключен предварительный договор, по которому истцы надлежащим образом исполнили принятые на себя обязательства. При этом суд сослался на отсутствие у ООО “НеваИнвестПроект” предусмотренных п. 4 ст. 429 ГК РФ оснований для расторжения предварительного договора, поскольку срок заключения основного договора купли-продажи, подлежащий, по мнению суда, исчислению с момента государственной регистрации права собственности на объекты недвижимости за ООО “ЛАД”, не истек.

Отменяя решение суда первой инстанции и принимая новое решение об отказе в иске, суд апелляционной инстанции согласился с выводами суда первой инстанции о том, что договор, заключенный между истцами и ООО “НеваИнвестПроект”, является предварительным договором, однако при этом указал, что поскольку государственная регистрация права собственности на объекты недвижимости не является неизбежным событием (п. 2 ст. 190 ГК РФ), то срок действия предварительного договора, заключенного между В. и Г. и ООО “НеваИнвестПроект”, истек 25 января 2013 г. После указанной даты обязательства сторон по предварительному договору прекратились в силу п. 6 ст. 429 ГК РФ. В связи с этим суд апелляционной инстанции не согласился с выводом суда первой инстанции о наличии оснований для удовлетворения исковых требований о возложении на ООО “НеваИнвестПроект” обязанно-

сти заключить основной договор купли-продажи на условиях предварительного договора.

Суд апелляционной инстанции сослался также на то обстоятельство, что обязанности по заключению с истцами основного договора купли-продажи не имелось и у ООО “ЛАД”, поскольку между ним и истцами отсутствовали какие-либо договорные отношения.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ, рассмотрев дело 10 ноября 2015 г., не согласилась с выводами судов первой и апелляционной инстанций по следующим основаниям.

В соответствии с п. 2 ст. 307 ГК РФ (здесь и далее статьи Гражданского кодекса РФ приведены в редакции, действующей на момент возникновения спорных отношений) обязательства возникают из договоров и других сделок, вследствие причинения вреда, вследствие неосновательного обогащения, а также из иных оснований, указанных в данном Кодексе.

В силу пп. 1, 2 и 3 ст. 421 ГК РФ граждане и юридические лица свободны в заключении договора. Стороны могут заключить договор, как предусмотренный, так и не предусмотренный законом или иными правовыми актами. Стороны могут заключить договор, в котором содержатся элементы различных договоров, предусмотренных законом или иными правовыми актами (смешанный договор). К отношениям сторон по смешанному договору применяются в соответствующих частях правила о договорах, элементы которых содержатся в смешанном договоре, если иное не вытекает из соглашения сторон или существа смешанного договора.

Согласно п. 1 ст. 429 ГК РФ по предварительному договору стороны обязуются заключить в будущем договор о передаче имущества, выполнении работ или оказании услуг (основной договор) на условиях, предусмотренных предварительным договором.

Предварительный договор должен содержать условия, позволяющие установить предмет, а также другие существенные условия основного договора (п. 3 ст. 429 ГК РФ).

Таким образом, предметом предварительного договора является обязательство сторон только по поводу заключения будущего договора.

Однако заключенный между истцами и ООО “НеваИнвестПроект” договор, поименованный предварительным договором купли-продажи жилого дома и земельного участка, не являлся предварительным договором по смыслу ст. 429 ГК РФ. В соответствии с условиями данного договора стороны предусмотрели не только обязанность заключить в будущем договор купли-продажи недвижимого имущества, но и обязанность В. и Г. внести денежные средства на расчетный счет продавца, т.е. произвести предварительную оплату основного договора купли-продажи.

Это судебными инстанциями учтено не было, что повлекло за собой неправильную квалификацию возникших отношений между сторонами и, соответственно, неправильное применение норм права.

Кроме того, Судебная коллегия отметила следующее.

Согласно чч. 1 и 2 ст. 327¹ ГПК РФ суд апелляционной инстанции рассматривает дело в пределах доводов, изложенных в апелляционных жалобе, представлении и возражениях относительно жалобы, представления.

В случае, если в порядке апелляционного производства обжалуется только часть решения, суд апелляционной инстанции проверяет законность и обоснованность решения только в обжалуемой части. Суд апелляционной инстанции в интересах законности вправе проверить решение суда первой инстанции в полном объеме.

Вне зависимости от доводов, содержащихся в апелляционных жалобе, представлении, суд апелляционной инстанции проверяет, не нарушены ли судом первой инстанции нормы процессуального права, являющиеся в соответствии с ч. 4 ст. 330 Кодекса основаниями для отмены решения суда первой инстанции (ч. 3 ст. 327¹ ГПК РФ).

Согласно п. 24 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 19 июня 2012 г. № 13 “О применении судами норм гражданского процессуального законодательства, регламентирующих производство в суде апелляционной инстанции” судам апелляционной инстанции необходимо исходить из того, что под интересами законности с учетом положений ст. 2 ГПК РФ следует понимать необходимость проверки правильности применения судом первой инстанции норм материального и процессуального права в целях защиты нарушенных или оспариваемых прав, свобод и законных интересов участников гражданских, трудовых (служебных) и иных правоотношений, а также в целях защиты семьи, материнства, отцовства, детства; социальной защиты; обеспечения права на жилище; охраны здоровья; обеспечения права на благоприятную окружающую среду; защиты права на образование и других прав и свобод человека и гражданина; в целях защиты прав и законных интересов неопределенного круга лиц и публичных интересов и в иных случаях необходимости охранения правопорядка.

Судам апелляционной инстанции необходимо учитывать, что интересам законности не отвечает, в частности, применение судом первой инстанции норм материального и процессуального права с нарушением правил действия законов во времени, пространстве и по кругу лиц.

В случае если суд апелляционной инстанции пришел к выводу о необходимости проверить обжалуемое судебное постановление суда первой инстанции в полном объеме, апелляционное определение в соответствии с п. 6 ч. 2 ст. 329 ГПК РФ должно содержать мотивы, по которым суд апелляционной инстанции пришел к такому выводу.

Суд апелляционной инстанции, рассматривая апелляционную жалобу В. и Г., требования которых были частично удовлетворены судом первой инстанции, указал на необходимость выйти за рамки доводов апелляционной жалобы и в интересах законности проверил решение суда первой инстан-

ции в полном объеме в связи с неправильным определением судом первой инстанции обстоятельств, имеющих значение для дела, и отказал в удовлетворении иска В. и Г. в полном объеме.

Между тем неправильное определение судом обстоятельств, имеющих значение для дела, как следует из перечисленных норм гражданского процессуального законодательства и акта их разъяснения, не является основанием для проверки обжалуемого судебного постановления с выходом за пределы требований, изложенных в апелляционной жалобе.

Указав, что допущенные судами нарушения норм материального и процессуального права являются существенными и могут быть исправлены лишь посредством отмены состоявшихся судебных постановлений, Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ отменила решение суда первой и определение суда апелляционной инстанций, направила дело на новое рассмотрение в суд первой инстанции.

ПО ЭКОНОМИЧЕСКИМ СПОРАМ

Антимонопольный орган не наделен полномочиями по проведению проверок законности действий судебного пристава-исполнителя в ходе исполнения вступившего в законную силу судебного акта

*Определение Судебной коллегии
по экономическим спорам Верховного Суда РФ
от 22 января 2016 г. № 309-КГ15-12204*

(Извлечение)

Антимонопольным органом в связи с поступлением в его адрес жалобы общества на действия судебного пристава-исполнителя в рамках возбужденного им исполнительного производства по исполнению определения арбитражного суда о принятии обеспечительных мер издан приказ о проведении внеплановой выездной проверки соблюдения управлением Федеральной службы судебных приставов по субъекту Российской Федерации (далее — управление) требований ст. 16 Федерального закона от 26 июля 2006 г. № 135-ФЗ “О защите конкуренции”.

Пунктами 8 и 10 данного приказа предусмотрено проведение осмотра помещений и рабочих компьютеров, истребование и анализ документов и информации. В частности, в перечень подлежащих представлению для проверки документов включены документы исполнительного производства, возбужденного по исполнению определения арбитражного суда первой инстанции об обеспечении иска.

Управление обратилось в арбитражный суд с заявлением о признании недействительным приказа антимонопольного органа.

Решением суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлением суда апелляционной инстанции и арбитражного суда округа, в удовлетворении заявленных требований отказано.

Суды исходили из того, что оспариваемый приказ принят антимонопольным органом в пределах предоставленных ему полномочий, в соответствии с действующим законодательством и не нарушает права и законные интересы управления.

Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда РФ 22 января 2016 г. отменила указанные судебные акты, удовлетворила заявление управления и признала недействительным приказ антимонопольного органа по следующим основаниям.

Целями Федерального закона “О защите конкуренции” являются обеспечение единства экономического пространства, свободного перемещения товаров, свободы экономической деятельности в Российской Федерации, защита конкуренции и создание условий для эффективного функционирования товарных рынков. Исходя из этого данный Закон распространяется на отношения, которые связаны с защитой конкуренции, в том числе с предупреждением и пресечением монополистической деятельности и недобросовестной конкуренции, и в которых участвуют российские юридические лица и иностранные юридические лица, организации, федеральные органы исполнительной власти, органы государственной власти субъектов Российской Федерации, органы местного самоуправления, иные осуществляющие функции указанных органов органы или организации, а также государственные внебюджетные фонды, Центральный банк РФ, физические лица, в том числе индивидуальные предприниматели (ст. 3 Федерального закона “О защите конкуренции”).

В целях исполнения возложенных на него функций антимонопольный орган наделен полномочиями, к числу которых согласно ст. 23 Федерального закона “О защите конкуренции” отнесены полномочия по проведению проверок соблюдения антимонопольного законодательства хозяйствующими субъектами, получению от них необходимых документов и информации, объяснений в письменной или устной форме.

Вместе с тем реализация предоставленных антимонопольному органу полномочий по проведению внеплановых проверок ограничена необходимостью соблюдения названных Федеральным законом “О защите конкуренции” требований, служащих гарантией прав и законных интересов проверяемого лица.

В обоснование приказа о проведении проверки службы судебных приставов антимонопольный орган сослался на положения ст. 16 Федерального закона “О защите конкуренции”. Однако из данной нормы следует, что предметом контроля со стороны антимонопольного органа являются такие действия органов исполнительной власти, органов государственной власти субъектов Российской Федерации, органов местного самоуправления, которые в результате согласованных действий или соглашения приводят или могут привести к недопущению, ограничению, устранению конкуренции, в частности к повыше-

нию, снижению или поддержанию цен (тарифов); экономически, технологически и иным образом не обоснованному установлению различных цен (тарифов) на один и тот же товар; разделу товарного рынка по территориальному принципу, ограничению доступа на товарный рынок, выхода из товарного рынка или устранению с него хозяйствующих субъектов.

Федеральный закон от 2 октября 2007 г. № 229-ФЗ “Об исполнительном производстве” и Федеральный закон “О защите конкуренции” регулируют различные правоотношения, в связи с чем имеют разные цели правового регулирования.

Так, в соответствии со ст. 2 Федерального закона “Об исполнительном производстве” задачами исполнительного производства являются правильное и своевременное исполнение судебных актов, актов других органов и должностных лиц, а в предусмотренных законодательством Российской Федерации случаях исполнение иных документов в целях защиты нарушенных прав, свобод и законных интересов граждан и организаций, а также в целях обеспечения исполнения обязательств по международным договорам Российской Федерации.

Таким образом, принятие судебным приставом мер принудительного исполнения в рамках исполнительного производства осуществляется вне рамок правоотношений, контроль над которыми осуществляет антимонопольный орган.

Исполнительное производство не может быть проверено на предмет соответствия Федеральному закону “О защите конкуренции”, поскольку никак не влияет на конкуренцию и положение хозяйствующих субъектов на рынке, иначе, чем это установлено требованиями вступивших в законную силу судебных актов, правом на пересмотр которых антимонопольный орган не наделен.

Предметом исполнительного производства в отношении общества, которое, по мнению управления, фактически проверялось сотрудниками антимонопольного органа, является применение обеспечительных мер в виде наложения ареста на денежные средства и иное имущество должника в пределах определенной денежной суммы.

Исполнительное производство возбуждено на основании исполнительного листа, выданного арбитражным судом первой инстанции, т.е. необходимость наложения ареста на денежные средства и иное имущество должника, а также сумма, в пределах которой арест должен быть осуществлен, определены судом.

В данном случае судебный пристав-исполнитель действовал на основании ст.ст. 16, 96 АПК РФ, а также ст.ст. 2 и 5 Федерального закона “Об исполнительном производстве” и осуществлял принудительное исполнение вступившего в законную силу судебного акта, имеющего обязательный характер. Таким образом, его действия в рамках указанного исполнительного производства не связаны с монополистической деятельностью и не влияют на состояние конкуренции, ни-

как не затрагивая права и законные интересы иных лиц, кроме сторон исполнительного производства.

Поскольку ст. 3 Федерального закона “О защите конкуренции” ограничивает сферу применения данного Закона и не распространяет ее на отношения, связанные с исполнением решения суда, то при издании приказа о проведении внеплановой выездной проверки антимонопольный орган вышел за пределы своих полномочий.

В случае несогласия общества с действиями судебного пристава-исполнителя оно обладало правом на обжалование действий должностных лиц службы судебных приставов в соответствии с Федеральным законом “Об исполнительном производстве” и нормами Арбитражного процессуального кодекса РФ.

ПО АДМИНИСТРАТИВНЫМ ДЕЛАМ

1. Пункт 10.2 приказа Генерального прокурора РФ от 26 апреля 2012 г. № 181 “Об обеспечении участия прокуроров в гражданском процессе”

**признан не противоречащим
федеральному законодательству**

*Решение Верховного Суда РФ
от 11 августа 2015 г. № АКПИ15-720,
оставленное без изменения определением
Апелляционной коллегии Верховного Суда РФ
от 14 января 2016 г. № АПЛ15-584*

2. Пункт 2, абз. 7 п. 7, п. 8, п. 47

Положения о признании помещения жилым помещением, жилого помещения непригодным для проживания и многоквартирного дома аварийным и подлежащим сносу или реконструкции, утвержденного постановлением Правительства РФ от 28 января 2006 г. № 47,

**признаны не противоречащими
федеральному законодательству**

*Решение Верховного Суда РФ
от 16 сентября 2015 г. № АКПИ15-956,
оставленное без изменения определением
Апелляционной коллегии Верховного Суда РФ
от 2 февраля 2016 г. № АПЛ15-615*

3. Пункт 148 Правил внутреннего распорядка исправительных учреждений, утвержденных приказом Минюста России от 3 ноября 2005 г.

**№ 205, в части запрета осужденным брать с собой в штрафные изоляторы средства гигиены в виде бритвенного станка, пены (геля) для бритья, помазка для бритья, щипчиков для ногтей, дезодоранта признан не противоречащим
федеральному законодательству**

*Решение Верховного Суда РФ
от 12 октября 2015 г. № АКПИ15-893,
оставленное без изменения определением
Апелляционной коллегии Верховного Суда РФ
от 14 января 2016 г. № АПЛ15-580*

ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ

Не основанные на требованиях ст.ст. 292 и 293 УПК РФ ограничения участия подсудимого в судебных прениях и при выступлении с последним словом являются нарушениями права подсудимого на защиту

*Определение Судебной коллегии
по уголовным делам Верховного Суда РФ
от 18 февраля 2016 г. № 9-АПУ16-1СП*

(Извлечение)

По приговору Нижегородского областного суда, постановленному с участием присяжных заседателей, 30 июня 2015 г. осуждены: В. — по ч. 3 ст. 33, п. “з” ч. 2 ст. 105 УК РФ и Г. — по п. “з” ч. 2 ст. 105 УК РФ. Они осуждены также по другим статьям Уголовного кодекса РФ.

В. и Г. признаны виновными, соответственно, в организации убийства и в убийстве по найму. Также В. признан виновным в похищении у гражданина паспорта и иного важного личного документа, а Г. — в похищении у гражданина паспорта и другого важного личного документа, в краже чужого имущества.

Осужденные и их защитники в апелляционных жалобах просили об отмене приговора в связи с существенными нарушениями уголовно-процессуального закона. Полагали, что председательствующий необоснованно прерывал подсудимых при выступлении в прениях и с последним словом, чем было нарушено их право на защиту.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ 18 февраля 2016 г. отменила приговор по следующим основаниям.

В силу ч. 2 ст. 16 УПК РФ суд обеспечивает обвиняемому возможность защищаться всеми не запрещенными законом способами и средствами.

Право обвиняемого на защиту включает в себя не только право пользоваться помощью защитника, но и право защищаться лично, в том числе участвовать в судебных прениях и произносить последнее слово.

Особое значение последнего слова для реализации права на защиту следует также из запрета ограничивать подсудимого по времени выступления и задавать ему какие-либо вопросы (ч. 1 ст. 293 УПК РФ). Никто из участников судебного производства не вправе прерывать осужденного. Исключение законом сделано лишь для председательствующего, которому дано право останавливать подсудимого, но лишь в тех случаях, когда обстоятельства, излагаемые подсудимым, не имеют отношения к рассматриваемому уголовному делу (ч. 2 ст. 293 УПК РФ).

Таким образом, по смыслу закона запрещается прерывать подсудимого при выступлении с последним словом, если для этого отсутствуют предусмотренные уголовно-процессуальным законом основания.

Как следует из протокола судебного заседания, при произнесении последнего слова подсудимые неоднократно прерывались председателем

ствующим по мотивам нарушения пределов судебного разбирательства, тогда как такие нарушения отсутствовали.

Так, в ходе своего выступления с последним словом В. был два раза остановлен, поскольку заявил, что “государственный обвинитель не предъявил ни одного доказательства его виновности”, “доказательства, которые представлены государственным обвинителем, были просто собраны в кучу, и он не уверен, что присяжные заседатели разберутся в этой куче”.

Между тем сказанное В. представляло собой лишь оценку доказательств и доводы о недоказанности предъявленного обвинения, которые он вправе был довести до присяжных заседателей. Таким образом, подсудимый в этих случаях не допускал отступления от требований ст.ст. 252, 334, 335 УПК РФ.

Подсудимый Г. также во время выступления с последним словом был неоднократно остановлен председательствующим, хотя не касался вопросов, которые запрещено обсуждать в присутствии присяжных заседателей, т.е. действовал правомерно.

Следовательно, действия председательствующего, который в указанных случаях останавливал подсудимых, не соответствовали требованиям ч. 2 ст. 293 УПК РФ и при отсутствии на то оснований ограничивали подсудимых в их праве на защиту при выступлении с последним словом.

Более того, объявляя замечания подсудимым в присутствии присяжных заседателей, председательствующий этим не ограничился, а допустил высказывания, которые могли быть расценены присяжными заседателями как суждения по существу предъявленного обвинения.

В этих случаях несогласие председательствующего со сказанным подсудимыми, а также сужде-

ния о том, что Г. порочит и извращает доказательства, могли быть расценены присяжными заседателями как мнение судьи, высказанное по существу предъявленного обвинения, и повлиять на их ответы по поставленным перед ними вопросам.

Возражения председательствующего на слова Г. относительно существа акта судебно-медицинской экспертизы вещественных доказательств (по следам крови на рубашке) представляли собой изложение судьей фактов, отраженных в экспертном заключении, и содержали вывод председательствующего об отсутствии в экспертном заключении сведений, сообщенных Г., который тем самым вводит присяжных заседателей в заблуждение, извращает доказательства.

Вышеуказанные замечания и разъяснения председательствующего содержали оценочные суждения, в том числе по существу одного из доказательств, представленного стороной обвинения, и свидетельствуют об утрате председательствующим объективности и беспристрастности при судебном разбирательстве дела. Сказанное председательствующим могло повлиять на ответы присяжных заседателей по вопросам, которые были перед ними впоследствии поставлены.

Объявляя замечания подсудимым в ходе их выступлений с последним словом, а также в период судебного следствия и прений, и их защитникам, председательствующий неоднократно высказывался, что подсудимые оказывают на присяжных заседателей незаконное воздействие либо имеют такую цель. Данные суждения могли вызвать предубеждение к подсудимым.

В связи с изложенным Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ отменила приговор в отношении В. и Г., дело направила в тот же суд на новое рассмотрение со стадии судебного разбирательства иным составом суда.

ПОСТАНОВЛЕНИЯ ПРЕЗИДИУМА, РЕШЕНИЯ И ОПРЕДЕЛЕНИЯ СУДЕБНЫХ КОЛЛЕГИЙ СУДОВ РЕСПУБЛИК, КРАЕВЫХ И ОБЛАСТНЫХ СУДОВ

1. Совершение лицом нового преступления в течение испытательного срока условного осуждения, но после принятия акта об амнистии, не является основанием для признания его злостным нарушителем порядка отбывания наказания и отказа в применении к нему постановления Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации от 24 апреля 2015 г. об объявлении амнистии

*Постановление президиума
суда Еврейской автономной области
от 19 ноября 2015 г.*

(Извлечение)

По приговору Смидовичского районного суда Еврейской автономной области от 30 июня 2015 г. (оставленному без изменения судом апел-

ляционной инстанции) Д. осужден по п. “а” ч. 3 ст. 158 УК РФ. Условное осуждение по предыдущему приговору отменено и в соответствии со ст. 70 УК РФ по совокупности приговоров путем частичного присоединения неотбытой части наказания по приговору от 31 марта 2015 г. назначено окончательное наказание в виде двух лет шести месяцев лишения свободы.

В кассационной жалобе защитник осужденного просил об отмене состоявшихся судебных решений, мотивируя тем, что судом было незаконно отменено условное осуждение и назначено окончательное наказание по совокупности приговоров, поскольку Д. по предыдущему приговору подпадал под действие акта об амнистии.

Президиум суда Еврейской автономной области 19 ноября 2015 г. кассационную жалобу удовлетворил по следующим основаниям.

Д. ранее судим по приговору от 31 марта 2015 г. за совершение преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 166 и п. “в” ч. 2 ст. 158 УК РФ, на один год шесть месяцев лишения свободы условно с испытательным сроком один год шесть месяцев. Приговор вступил в законную силу 11 апреля 2015 г.

В соответствии с п. 4 постановления Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации от 24 апреля 2015 г. “Об объявлении амнистии в связи с 70-летием Победы в Великой Отечественной войне 1941—1945 годов” условно осужденные подлежали освобождению от наказания, за исключением лиц, на которых в соответствии с п. 13 действие Постановления не распространяется, в том числе злостных нарушителей установленного порядка отбывания наказания.

На день вступления Постановления в силу (24 апреля 2015 г.) обстоятельств, препятствующих применению акта об амнистии в отношении Д., не имелось. Совершение Д. нового преступления 4 мая 2015 г., хотя и в течение испытательного срока, но после принятия акта об амнистии, не является основанием для признания Д. злостным нарушителем порядка отбывания наказания и соответственно для отказа в ее применении. На момент принятия акта об амнистии Д. злостным нарушителем порядка отбывания наказания не являлся.

Таким образом, Д. подлежал освобождению от наказания, назначенного по предыдущему приговору, на основании п. 4 вышеуказанного Постановления.

Учитывая изложенное, президиум суда Еврейской автономной области изменил состоявшиеся судебные решения, исключил из приговора указание об отмене условного осуждения по приговору от 31 марта 2015 г. и о назначении окончательного наказания на основании ст. 70 УК РФ, наказание снизил.

2. Прекращение уголовного преследования ввиду истечения сроков давности не допускается, если подозреваемый или обвиняемый против этого возражает

*Постановление президиума
Пермского краевого суда
от 4 сентября 2015 г.*

(Извлечение)

По постановлению следователя следственного отдела ОВД по Ленинскому району г. Перми следственного управления Следственного комитета РФ по Пермскому краю от 21 января 2015 г. отказано в возбуждении уголовного дела по ч. 1 ст. 293 УК РФ по факту неправомерных действий заместителя начальника отдела регистрации прав Управления Федеральной службы государственной регистрации, кадастра и картографии (Росреестр) по Пермскому краю К. на основании п. 3 ч. 1 ст. 24 УПК РФ в связи с истечением срока давности уголовного преследования.

Ленинским районным судом г. Перми 20 февраля 2015 г. поданная в порядке ст. 125 УПК РФ жалоба К. удовлетворена, постановление следователя признано незаконным.

По апелляционному постановлению Пермского краевого суда от 9 апреля 2015 г. удовлетворено апелляционное представление прокурора и отменено постановление суда.

В кассационной жалобе К. просила об отмене решения суда апелляционной инстанции, мотивируя тем, что суд нарушил требования ч. 2 ст. 27 УПК РФ, поскольку прекращение уголовного преследования по основаниям, указанным в п. 3 ч. 1 ст. 24 УПК РФ, не допускается, если обвиняемый против этого возражает.

Президиум Пермского краевого суда 4 сентября 2015 г. кассационную жалобу удовлетворил по следующим основаниям.

Органами предварительного следствия отказано в возбуждении уголовного дела в отношении К. по ч. 1 ст. 293 УК РФ на основании п. 3 ч. 1 ст. 24 УПК РФ в связи с истечением срока давности привлечения к уголовной ответственности. Решение принято следователем с учетом требований п. “а” ч. 1 ст. 78 УК РФ, предусматривающего освобождение лица от уголовной ответственности, если со дня совершения преступления небольшой тяжести истекло два года.

Судом первой инстанции при рассмотрении жалобы К. установлено, что постановление следователя вынесено с нарушением требований п. 3 ч. 1 ст. 24, п. 2 ч. 1 и ч. 2 ст. 27 УПК РФ, согласно которым прекращение уголовного преследования ввиду истечения сроков давности не допускается, если подозреваемый или обвиняемый против этого возражает. По этим основаниям постановление следователя признано незаконным.

При этом суд руководствовался правовой позицией Конституционного Суда РФ, изложенной в Постановлении от 14 июля 2011 г. № 16-П, Определении от 6 марта 2013 г. № 354-О и от 5 июня 2014 г. № 1309-О, в силу которой получение от заинтересованного лица согласия с решением об отказе в возбуждении против него уголовного дела в связи с истечением сроков давности уголовного преследования является обязательным. При отсутствии такого согласия в рамках реализации гарантированных ст.ст. 49 и 123 Конституции Российской Федерации прав указанному лицу при продолжении производства по делу должны обеспечиваться судебная защита прав и свобод, а при наличии к тому оснований — и реабилитация. Иной подход исключал бы право лица на защиту его чести, достоинства и доброго имени, в том числе и в судебном порядке, поскольку при отказе в возбуждении уголовного дела в связи с истечением сроков давности уголовного преследования подозрение в совершении преступления с лица при этом не снимается; напротив, по существу, констатируется совершение деяния, содержащего все признаки состава преступления, конкретным лицом, от уголовного преследования которого государство отказывается по причине истечения сроков давности. Тем самым такое лицо без вынесения судом обвинительного приговора и вступления его в законную силу фактически признается виновным в совершении преступления.

Изменяя постановление суда первой инстанции, суд апелляционной инстанции, вопреки изложенной выше позиции Конституционного

Суда РФ, мотивировал свое решение тем, что согласие лица, в отношении которого проводится проверка по сообщению о совершенном преступлении, на отказ в возбуждении уголовного дела в связи с истечением сроков давности уголовного преследования не требуется. При этом суд апелляционной инстанции ошибочно исходил из того, что положения ч. 2 ст. 27 УПК РФ, обязывающие получать согласие на прекращение уголовного преследования от подозреваемого, обвиняемого или подсудимого, в отношении такого лица применяться не могут, поскольку оно не обладает соответствующим правовым статусом.

При таких обстоятельствах президиум суда пришел к выводу, что при рассмотрении жалобы К. судом апелляционной инстанции допущено существенное нарушение уголовно-процессуального закона, повлиявшее на исход дела.

Президиум Пермского краевого суда отменил апелляционное постановление суда, передал материал на новое апелляционное рассмотрение¹.

3. При наличии непогашенной судимости на момент совершения преступления небольшой тяжести лицо не может быть освобождено от уголовной ответственности в связи с примирением с потерпевшим

*Постановление президиума
Курганского областного суда
от 28 сентября 2015 г.*

(Извлечение)

По постановлению мирового судьи судебного участка № 3 Варгашинского судебного района Курганской области от 5 июня 2015 г. уголовное дело в отношении Д., обвиняемого в совершении преступления, предусмотренного п. “а” ч. 2 ст. 116 УК РФ, прекращено на основании ч. 2 ст. 20, ст. 25 УПК РФ в связи с примирением сторон.

В апелляционном порядке уголовное дело не рассматривалось.

В кассационном представлении заместитель прокурора Курганской области просил отменить

решение суда, поскольку уголовное дело подлежит прекращению в связи с примирением сторон только в отношении лица, впервые совершившего преступление небольшой или средней тяжести, тогда как Д. на момент совершения преступления имел непогашенную судимость.

Президиум Курганского областного суда 28 сентября 2015 г. постановление суда отменил по следующим основаниям.

В соответствии с положениями ст. 25 УПК РФ и ст. 76 УК РФ лицо, впервые совершившее преступление небольшой или средней тяжести, на основании заявления потерпевшего может быть освобождено от уголовной ответственности, если оно примирилось с потерпевшим и загладило причиненный ему вред.

Решая вопрос о прекращении уголовного дела в отношении Д. в связи с примирением сторон, суд первой инстанции сослался на отсутствие у него судимости.

Между тем из материалов уголовного дела усматривается, что Д. был осужден по приговору суда от 1 апреля 2013 г. по п. “в” ч. 2 ст. 158 УК РФ к штрафу.

Ко времени совершения Д. инкриминируемого ему преступления по данному уголовному делу судимость погашена не была, основания считать его впервые совершившим преступление отсутствовали, что исключало прекращение уголовного дела по основаниям и в порядке, предусмотренным ст. 76 УК РФ и ст. 25 УПК РФ.

Кроме того, в резолютивной части постановления суд одновременно со ст. 25 УПК РФ ошибочно применил ч. 2 ст. 20 УПК РФ, предусматривающую порядок прекращения уголовных дел частного обвинения. Уголовное дело по факту причинения телесных повреждений потерпевшему было возбуждено по признакам преступления, предусмотренного п. “а” ч. 2 ст. 116 УК РФ, следовательно, относится к делам публичного обвинения и прекращению в связи с примирением потерпевшего с обвиняемым в порядке, предусмотренном ч. 2 ст. 20 УПК РФ, не подлежит.

**ОБЗОР СУДЕБНОЙ ПРАКТИКИ
ВЕРХОВНОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ № 4 (2015)²**

**ПРАКТИКА МЕЖДУНАРОДНЫХ
ДОГОВОРНЫХ ОРГАНОВ**

В силу п. 10 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 10 октября 2003 г. № 5 “О применении судами общей юрисдикции общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации” “толкование международного договора должно осуществляться в соответствии с Венской конвенцией о праве международных договоров от 23 мая 1969 года (раздел 3; ст.ст. 3—33). Согласно

пункту “b” части 3 статьи 31 Венской конвенции при толковании международного договора наряду с его контекстом должна учитываться последующая практика применения договора, которая устанавливает соглашение участников относительно его толкования”.

Практика международных (межгосударственных) органов, контролирующих исполнение государствами международно-правовых обязательств в сфере защиты прав и свобод человека, которые предусматриваются в международном договоре, устанавливает соглашение участников такого договора в отношении его применения.

¹По апелляционному постановлению Пермского краевого суда от 6 октября 2015 г. постановление Ленинского районного суда г. Перми от 20 февраля 2015 г. по жалобе К. оставлено без изменения.

²Окончание. Начало см. в № 8, 2016 г.

В целях эффективной защиты прав и свобод человека судам необходимо при рассмотрении административных, гражданских дел, дел по разрешению экономических споров, уголовных и иных дел учитывать правовые позиции, сформулированные межгосударственными договорными органами.

**В сфере административно-правовых отношений,
а также в сфере рассмотрения дел
об административных правонарушениях**

Практика международных договорных органов ООН

Комитет по правам человека¹

Сообщение: *К. против Дании.* Сообщение № 2001/2010. Соображения приняты Комитетом по правам человека (далее — Комитет) 1 апреля 2015 г.

Тема сообщения: отказ в предоставлении гражданства посредством натурализации.

Вопрос существа: право на равную защиту закона.

Правовые позиции Комитета. Комитет напоминает, что ст. 26 Пакта предусматривает отдельное право запрещать дискриминацию по закону или на практике в любой области, которая регулируется и защищается государственными органами, и что применение закрепленного в ст. 26 Пакта принципа недискриминации не ограничивается предусмотренными Пактом правами². При принятии своего законодательства государство-участник должно соблюдать требование ст. 26 Пакта о том, что его содержание не должно быть дискриминационным³ (п. 7.2 Соображений).

Комитет напоминает, что ни Пакт, ни международное право в целом не содержат конкретных критериев предоставления гражданства посредством натурализации и что государства свободны самостоятельно выносить решение по таким критериям⁴. Однако, принимая и применяя законодательство, власти государств-участников должны соблюдать права заявителей, закрепленные в ст. 26 Пакта. Комитет напоминает в связи с этим, что ст. 26 Пакта требует разумного и объективного обоснования, а также законной цели проведения различий в связи с особенностями того или другого лица, которые перечислены в ст. 26 Пакта⁵, включая “иное обстоятельство”, как, например, инвалидность (п. 7.3 Соображений).

Оценка Комитетом фактических обстоятельств дела. Комитету предстоит решить вопрос о том, нарушило ли государство-участник ст. 26 Пакта в результате отказа в предоставлении автору освобождения от выполнения требования в отношении аттестации по датскому языку для целей его натурализации. Комитет отмечает, что автор не оспаривает требование о подтверждении владения языком для целей натурализации в целом, но лишь в части его применения произвольным или дискриминационным образом. ...В контексте данного сообщения это означает, что Комитет должен изучать вопрос о

том, производилось ли рассмотрение заявления автора на предоставление ему исключения компетентными датскими органами таким образом, который гарантировал право автора на равенство перед законом и равную защиту закона без какой-либо дискриминации (п. 7.2 Соображений).

Комитет отмечает, что жалоба автора на то, что отказ обращаться с ним как с лицом, страдающим психическими расстройствами и не способным к обучению, и тем самым признать необходимость освобождения его от выполнения требования о владении языком, которое предусмотрено в законе, является дискриминационным актом. Комитет отмечает, что автор ходатайствовал об освобождении его от требования в отношении представления доказательств владения датским языком на основе п. 3 раздела 24 “Руководящих принципов натурализации”. К его заявлению прилагались медицинские заключения. После получения первоначального отказа 5 октября 2007 г. заявление и сопроводительная документация были переданы Министерством в Комитет по натурализации датского Парламента, который отклонил это заявление 22 мая 2008 г. Однако Комитет отмечает, что письмо Министерства, в котором автору сообщалось о решении Комитета по натурализации, не содержит никаких сведений о принципиальных причинах такого отказа. В последующих письмах, которые Министерство направляло в ответ на просьбы автора пересмотреть принятые по нему решения, также отсутствовало какое-либо обоснование отказа в просьбе об освобождении его от выполнения требования, прописанного в “Руководящих принципах натурализации” (п. 7.4 Соображений).

Комитет считает, что государство-участник не продемонстрировало, что отказ в предоставлении освобождения был основан на разумных и объективных причинах. Министерство не смогло подробно изложить причины решения Комитета по натурализации отказать в просьбе автору, поскольку работа велась в закрытом режиме. В соответствии с представлением самого государства-участника положение об освобождении от выполнения установленного требования открыто для толкования, а практика его применения определялась большинством голосов членов Комитета по натурализации в любой данный момент времени. Кроме того, отсутствие мотивов упомянутого решения и транспарентности процедуры его принятия крайне ограничивало возможности автора в плане представления дополнительной документации в поддержку его просьбы, так как он не знал истинных причин отказа и общих тенденций в отношении принятия решений Комитетом по натурализации в порядке применения п. 3 раздела 24 “Руководящих принципов натурализации”. По мнению Комитета, тот факт, что Комитет по натурализации является частью законодательной власти, не освобождает государство-участника от принятия мер для информирования пусть даже в краткой форме автора о принципиальных причинах решения Комитета по натурализации. В отсутствие такого обоснования государство-участник не доказало, что его решение не принимать к сведению психическое расстройство автора в качестве основания для освобождения от выполнения требования в отношении владения языком, которое предусмотрено в законодательстве, и требовать от автора документального подтверждения владения языком, несмотря на его не-

¹ Комитет по правам человека действует на основании Международного пакта о гражданских и политических правах от 16 декабря 1966 г. (далее — Пакт) и Факультативного протокола к Пакту.

² См. Замечание общего порядка № 18, п. 12.

³ См. сообщение № 172/1984, *Брекс против Нидерландов*, Соображения от 9 апреля 1987 г., п. 12.4.

⁴ См. сообщение № 1136/2002, *Борзов против Эстонии*, Соображения от 26 июля 2004 г., п. 7.4.

⁵ См. Замечание общего порядка № 18, п. 13, и *Борзов против Эстонии*, п. 7.3.

способность к обучению, было основано на разумных и объективных причинах (п. 7.5 Соображений).

Выводы Комитета. Комитет пришел к выводу о том, что предоставленная ему информация свидетельствует о нарушении ст. 26 Пакта (п. 8 Соображений).

В соответствии с подп. а) п. 3 ст. 2 Пакта государство-участник обязано предоставить автору эффективные средства правовой защиты, включая выплату компенсации, и пересмотреть его просьбу о выполнении требования в отношении владения языком в рамках такой процедуры, которая учитывает выводы Комитета. Государство-участник также должно избегать подобных нарушений в будущем (п. 8 Соображений).

Комитет по правам инвалидов¹

Сообщение: “Ф” против Австрии. Сообщение № 21/2014. Решение принято Комитетом по правам инвалидов (далее — Комитет) 21 августа 2015 г.

Тема сообщения: доступ к актуальной информации на общественном транспорте наравне с другими.

Вопросы существа: доступ к информационно-коммуникационным технологиям; объекты и услуги, открытые для населения на равноправной основе; право на индивидуальную мобильность и самостоятельный образ жизни.

Правовые позиции Комитета. Комитет напоминает, что “понятие доступности касается групп, в то время как понятие разумного приспособления касается отдельных лиц. Это означает, что обязанность предоставлять доступность является обязанностью *ex ante*². Таким образом, государства-участники обязаны обеспечивать доступность до получения индивидуальных запросов на вход в какое-либо место или использование какой-либо услуги”... Комитет напоминает, что “обязательство по осуществлению доступности является безоговорочным, т.е. субъект, обязанный обеспечивать доступность, не может оправдывать невыполнение этой задачи ссылками на бремя предоставления доступа инвалидам” (п. 8.4 Решения).

Инвалиды сталкиваются с техническими и средовыми барьерами, такими как отсутствие информации в доступном формате. В соответствии с п. 1 ст. 9 Конвенции “государства-участники принимают надлежащие меры для обеспечения инвалидов доступа наравне с другими к транспорту, к информации и связи, включая информационно-коммуникационные технологии и системы”. Согласно подп. f) п. 2 ст. 9 Конвенции “государства-участники принимают... надлежащие меры к тому, чтобы развивать другие надлежащие формы оказания инвалидам помощи и поддержки, обеспечивающие им доступ к информации”... Комитет напоминает, что значимость информационно-коммуникационных технологий заключается в их способности создавать возможности для оказания самых разных услуг, видоизменяя существующие услуги и повышать спрос на доступ к информации и знаниям, особенно применительно к недостаточно охваченным или социально изолированным группам населения, таким как инва-

лиды. С этой точки зрения новые технологии можно использовать для поощрения всестороннего и равного участия инвалидов в жизни общества, но лишь при том условии, что они разработаны и изготовлены таким образом, чтобы обеспечить их доступность. Новые инвестиции, исследования и производство должны способствовать ликвидации неравенства, а не созданию новых барьеров, поэтому в подп. h) п. 2 ст. 9 Конвенции содержится обращенный к государствам-участникам призыв поощрять проектирование, разработку, производство и распространение изначально доступных информационно-коммуникационных технологий и систем так, чтобы доступность этих технологий и систем достигалась при минимальных затратах. Далее Комитет напоминает, что в соответствии с п. 2 ст. 5 Конвенции “государства-участники запрещают любую дискриминацию по признаку инвалидности и гарантируют инвалидам равную и эффективную правовую защиту от дискриминации на любой почве” и что отказ в доступе к физическому окружению, транспорту, информации и связи, равно как и к услугам, открытым для населения, должен прямо определяться как запрещенный акт дискриминации (п. 8.5 Решения).

Оценка Комитетом фактических обстоятельств дела. Комитет принимает к сведению решение Окружного суда от 2 мая 2013 г., подтвержденное Региональным судом 15 июля 2013 г., о том, что отсутствие цифровой аудиосистемы не является препятствием для пользования транспортом слабовидящими людьми; что информация, предоставленная визуально, размещена также в Интернете и доступна для слабовидящих людей, имеющих программное обеспечение для распознавания речи, и что автор может пользоваться трамваем без информации, предоставляемой зрячим пассажирам (п. 8.2 Решения).

Комитет отмечает аргумент государства-участника по поводу того, что аудиосистема “ни в коей мере не является предварительным условием для пользования общественным транспортом”; что автор определенно может достигнуть “цели повседневного использования” одного из видов общественного транспорта без аудиосистемы; что аудиосистема не предоставляет информацию, которая абсолютно необходима пассажирам, поэтому ее существование всего лишь влияет на “способ пользования трамваем”; что визуальная информационная система была расширена в рамках усилий по обеспечению того, чтобы слабослышащие люди могли беспрепятственно пользоваться трамваями в Линце; что Конвенция не налагает обязательство оснастить общественный транспорт всеми мыслимыми средствами для облегчения пользования им и что выбор между равными альтернативами остается за поставщиком услуг. Комитет констатирует, что в первую очередь аудиосистема была установлена на основных пересадочных пунктах с несколькими трамвайными линиями и что “тем временем” все остальные остановки были оснащены системой линейного оповещения, которая позволяет пассажирам, ожидающим на остановке, активировать переносной передатчик, с тем чтобы слепые люди могли получить информацию о номере маршрута и направлении движения прибывающего или находящегося на остановке средства общественного транспорта. Комитет принимает во внимание предоставленную государством-участником информацию о том, что общие сведения о времени движения и о прогнозируемых

¹ Комитет ООН по правам инвалидов действует на основании Конвенции о правах инвалидов от 13 декабря 2006 г. Российская Федерация является участником указанного международного договора.

² Ожидаемый, предполагаемый.

или планируемых нарушениях сообщения все пассажиры трамвайного маршрута 3 могут найти в Интернете с помощью системы распознавания речи. Комитет отмечает аргументы автора по поводу того, что отсутствие цифровой аудиосистемы на трамвайном маршруте 3 не позволяет ему найти остановку, получить актуальную информацию, необходимую ему при поездке на трамвае, и, следовательно, самостоятельно пользоваться трамвайным маршрутом 3 наравне с другими (п. 8.3 Решения).

Комитет отмечает, что информация, визуально доступная на остановках маршрута 3, является дополнительной услугой, направленной на упрощение пользования трамвайным маршрутом, и что как таковая она представляет собой неотъемлемую часть предоставляемого транспортного обслуживания. Таким образом, перед Комитетом стоит задача оценить, приняло ли государство-участник достаточные меры для обеспечения того, чтобы информация об услугах транспорта, предоставляемая лицам, не имеющим инвалидности, на равноправной основе предоставлялась также и слабовидящим людям (п. 8.6 Решения).

Комитет отмечает, что компания “Линц линиен ГмбХ” начала оснащать трамвайные остановки города цифровыми аудиосистемами в марте 2004 г. В августе 2011 г. она продлила трамвайную линию маршрута 3. Тем не менее ни одна из остановок на продленной линии маршрута 3 не была оснащена цифровой аудиосистемой, которая была уже известна поставщикам услуг и могла бы быть установлена при ограниченных издержках в момент строительства новой линии. Комитет отмечает аргумент автора по поводу того, что аудиосистема позволила бы ему и другим слабовидящим людям немедленно получать актуальную информацию, предоставляемую визуально, наравне с другими, тогда как существующие альтернативы, в частности различные приложения, доступные через Интернет и мобильный телефон, а также система линейного оповещения, не дают такой возможности. Таким образом, неустановка государством-участником аудиосистемы при продлении трамвайной линии привела к отказу в доступе к информационно-коммуникационным технологиям и к объектам и услугам, открытым для населения, наравне с другими и поэтому является нарушением п. 2 ст. 5, п. 1 ст. 9 и подп. f) и h) п. 2 ст. 9 Конвенции (п. 8.7 Решения).

Вывод Комитета. Государство-участник не выполнило свои обязательства в соответствии с п. 2 ст. 5, п. 1 ст. 9 и подп. f) и h) п. 2 ст. 9 Конвенции (п. 9 Решения).

Практика Европейского Суда по правам человека

Постановление Европейского Суда по правам человека (далее — Европейский Суд, Суд) по делу “Хоросенко против России” (вынесено и вступило в силу 30 июня 2015 г.).

Заявитель жаловался на то, что в течение первых десяти лет отбывания наказания в исправительной колонии особого режима возможность свиданий с женой и другими членами семьи была существенно ограничена.

Европейский Суд подчеркнул, что “...существенной частью права заключенного на уважение семейной жизни является обеспечение ему государственными органами возможности, или, в случае необходимости, содействия в поддержании контактов с близкими родственниками... не-

которые меры контроля контактов заключенных с внешним миром требуются и сами по себе не являются несовместимыми с Конвенцией... Такие меры могут включать в себя ограничения числа семейных свиданий, надзор во время указанных свиданий, если это обосновано характером преступления и особыми характеристиками личности заключенного, введение особого режима в отношении заключенного или особых условий проведения свиданий” (п. 123 постановления).

Суд отметил, что “...следует проводить различие между введением особого режима или особых условий свиданий во время предварительного расследования, когда эти меры могут обоснованно считаться необходимыми для достижения преследуемой правомерной цели, и длительным действием такого режима” (п. 124 постановления).

Европейский Суд уточнил, что “...введение таких мер, как физическое разделение, может быть оправдано соображениями безопасности учреждения или опасностью взаимодействия заключенного с преступными организациями через семейные каналы... Однако длительный запрет непосредственного контакта может быть обоснован только в случае подлинной и непрерывной угрозы такого рода” (п. 125 постановления).

Суд отметил, что “...отправной точкой регулирования свиданий заключенных, включая лиц, приговоренных к пожизненному лишению свободы, на европейском уровне является тот факт, что национальные органы власти имеют обязательство предупреждать разрыв семейных связей и обязаны обеспечивать таким лицам обоснованно хороший уровень контакта с их семьями, с максимально возможной периодичностью свиданий в обычном порядке” (п. 134 постановления).

Европейский Суд напомнил, что “...в странах-участниках минимальная периодичность свиданий в исправительном учреждении лиц, приговоренных к пожизненному лишению свободы... составляет не менее одного посещения каждые два месяца... большинство государств-участников не проводит различия в этой области между лицами, приговоренными к пожизненному лишению свободы, и другими видами заключенных, и что в таких странах общепринятый минимальный периодичности свиданий составляет не менее одного раза в месяц... Россия, по-видимому, является единственной юрисдикцией в рамках Совета Европы, которая регламентирует свидания всех приговоренных к пожизненному лишению свободы лиц как группы путем сочетания крайне низкой периодичности свиданий в исправительном учреждении и длительности действия такого ограничения” (п. 135 постановления).

Суд установил, что “...все формы одиночного заключения без соответствующего психологического или физического стимулирования, вероятно, в долгосрочной перспективе оказывают вредное воздействие, приводя к ухудшению умственных способностей и утрате социальных навыков... у заявителя могло быть не более одного сокамерника в течение всего соответствующего периода, и он относился к группе лиц, приговоренных к пожизненному лишению свободы, которые отбывали наказание отдельно от других заключенных” (п. 140 постановления).

Европейский Суд пришел к выводу, что “...указанная мера не обеспечивает соблюдения справедливого равновесия между правом заявителя на защиту частной и семейной жизни, с од-

ной стороны, и целями, на которые ссылается государство-ответчик, с другой стороны, а также к выводу о том, что государство-ответчик превысило пределы усмотрения в указанном отношении... Отсюда следует, что имеет место нарушение права заявителя на уважение его личной и семейной жизни, гарантированного ст. 8 Конвенции, в результате применения строгих условий в исправительной колонии особого режима в настоящем деле” (пп. 148—149 постановления).

См. также нижеприводимое постановление Европейского Суда по правам человека по жалобе № 25435/06 “Беленко против России” (вынесено 18 декабря 2014 г., вступило в силу 18 марта 2015 г.).

См. также нижеприводимое постановление Европейского Суда по правам человека по жалобе № 12440/04 “Шехов против России” (вынесено 19 июня 2014 г., вступило в силу 17 ноября 2014 г.).

Вопросы административного выдворения

Практика международных договорных органов ООН

Комитет по правам человека

Сообщение: *У. против Канады*. Сообщение № 2280/2013. Соображения приняты Комитетом по правам человека (далее — Комитет) 22 июля 2015 г.

Тема сообщения: депортация в Шри-Ланку.

Вопросы существа: право на жизнь; запрет пыток или жестокого, бесчеловечного или унижающего достоинство обращения; право на свободу и личную неприкосновенность; право быть свободным от произвольного задержания.

Правовые позиции Комитета. Комитет напоминает свое Замечание общего порядка № 31 (2004) о характере общего юридического обязательства, налагаемого на государства — участников Международного пакта о гражданских и политических правах (далее — Пакт), в котором он указывает на обязательство государств-участников не экстрадировать, не депортировать, не высылать и не выдворять каким-либо иным образом лицо со своей территории, когда имеются серьезные основания полагать, что существует реальная опасность причинения невозмездимого вреда, такого как предусмотренного в ст.ст. 6 и 7 Пакта¹ (п. 12 Замечания общего порядка № 31 (2004)). Комитет отметил, что опасность должна существовать лично для человека² и что при рассмотрении вопроса о весомости оснований для установления наличия реальной опасности при-

¹Предусмотренное в ст. 2 Пакта обязательство государств-участников уважать и обеспечивать всем находящимся в пределах их территории и под их контролем лицам признаваемые Пактом права влечет за собой обязательство не экстрадировать, не депортировать, не высылать и не выдворять каким-либо иным образом лицо со своей территории, когда имеются серьезные основания полагать, что существует реальная опасность причинения невозмездимого вреда, такого как предусмотренного в ст.ст. 6 и 7 Пакта, будь то в страну, в которую планируется выдворить данное лицо, или в любую страну, в которую данное лицо может быть выслано впоследствии. Соответствующие судебные и административные власти должны быть поставлены в известность о необходимости обеспечения соблюдения устанавливаемых Пактом обязательств в подобных вопросах.

²См. сообщения № 2007/2010, *Х. против Дании*, Соображения, принятые 26 марта 2014 г., п. 9.2; № 282/2005, *С.П.А. против Канады*, Решение, принятое 7 ноября 2006 г., п. 7.2; № 333/2007, *Т.И. против Канады*, Решение, принятое 15 ноября 2010 г., п. 7.3; № 344/2008, *А.М.А. против Швейцарии*, Решение, принятое 12 ноября 2010 г., п. 7.2; № 692/1996, *А.Р.Дж. против Австралии*, Соображения, принятые 28 июля 1997 г., п. 6.6.

чинения невозмездимого вреда применяется высокий порог³. Таким образом, должны быть приняты во внимание все соответствующие факты и обстоятельства, включая общее положение с правами человека в стране происхождения автора⁴ (п. 7.2 Соображений).

Комитет напоминает свои решения, согласно которым проведенной государством-участником оценке следует придавать весомое значение, если только не будет установлено, что такая оценка носила явно произвольный характер или была равносильна отказу в правосудии⁵ и что рассмотрение или оценка фактов и доказательств для определения такой опасности, как правило, должны проводиться органами государств-участников⁶ (п. 7.5 Соображений).

Оценка Комитетом фактических обстоятельств дела. Комитет принимает к сведению утверждения автора о том, что, если он будет выслан в Шри-Ланку, ему будут угрожать преследования как молодому тамилу из северных районов Шри-Ланки, подозреваемому в связях с организацией “Тигры освобождения Тамил-Илама” (далее — ТОТИ), и как получившему отказ просителю убежища; и что власти государства-участника произвольно проигнорировали документальные доказательства, которые подтверждают его утверждения о преследованиях, и не придали должного значения тому факту, что до отъезда из страны происхождения он, как сообщается, трижды арестовывался военными по подозрению в членстве в ТОТИ, что, находясь под стражей, он подвергался пыткам и жестокому обращению и что его семья продолжала подвергаться запугиваниям со стороны военных после того, как он покинул страну (п. 7.3 Соображений).

Комитет принимает к сведению доводы государства-участника о том, что его власти рассмотрели все представленные им документальные доказательства; что объективные и надежные сообщения показывают, что в Шри-Ланке имеют место серьезные нарушения прав человека; что не все молодые тамилы из северных районов Шри-Ланки сталкиваются с реальной и личной угрозой преследования со стороны властей, а только те, кто подозревается в связях с ТОТИ; и что автор не продемонстрировал, что он является лицом, которое подозревается в наличии существенных и конкретных связей с ТОТИ (п. 7.4 Соображений).

Комитет отмечает, что утверждения автора в основном касаются оценок документальных доказательств, проведенных властями, причем он заявляет, что доказательства были недостаточным образом приняты во внимание и что как минимум некоторые сообщения, как представляется, приводят к выводу о том, что даже минимальная или всего лишь предполагаемая связь с ТОТИ является достаточной причиной, чтобы лицо попало под угрозу преследования в Шри-Ланке. Комитет отмечает, что согласно сообщениям о положении с правами человека в Шри-Ланке, несмотря на имевшие место изме-

³См. сообщения № 2007/2010, *Х. против Дании*, п. 9.2, и № 1833/2008, *Х. против Швеции*, Соображения, принятые 1 ноября 2011 г., п. 5.18.

⁴См. там же.

⁵См. там же.

⁶См. сообщения № 1763/2008, *Пиллаи и др. против Канады*, Соображения, принятые 25 марта 2011 г., п. 11.4; № 1957/2010, *Лиин против Австралии*, Соображения, принятые 21 марта 2013 г., п. 9.3.

нения, нарушения прав человека, включая пытки, продолжаются и что, среди прочего, некоторые лица тамильского этнического происхождения, которые подозреваются в связях с ТОТИ, могут нуждаться в международной защите. Комитет отмечает, что автор не утверждает, что он был членом ТОТИ или что он каким-либо образом участвовал в деятельности ТОТИ, поддерживал ТОТИ или был связан с деятельностью ТОТИ. Вместо этого он заявляет, что три его задержания военными, его тамильское этническое происхождение и тот факт, что он является получившим отказ просителем убежища, составляют достаточные основания для того, чтобы он воспринимался как лицо, имеющее связи с ТОТИ. В данной ситуации Совет по делам иммиграции и беженцев и Федеральный суд отклонили ходатайство автора о предоставлении ему статуса беженца, поскольку они посчитали, что автор не показал, что он связан с ТОТИ. Впоследствии в ходе процедуры оценки риска до высылки иммиграционные власти заключили, что автор не показал, что у него есть предполагаемые связи с ТОТИ. Изучая эти ходатайства, власти рассмотрели утверждения автора, учитывая также сообщения, полученные от нескольких государств и неправительственных государств касательно положения тамиллов в Шри-Ланке. Автор не согласен с принятыми решениями. Тем не менее он не объяснил, почему эти решения являются явно неразумными или произвольными, в частности потому, что при их принятии не был учтен соответствующий фактор риска (п. 7.6 Соображений).

Вывод Комитета. Комитет по правам человека, действуя в соответствии с п. 4 ст. 5 Факультативного протокола к Международному пакту о гражданских и политических правах, полагает, что высылка автора в Шри-Ланку не будет нарушением ст.ст. 6 и 7 Пакта (п. 8 Соображений).

Сообщение: *М.Дж.К. против Австралии.* Сообщение № 1875/2009. Соображения приняты Комитетом по правам человека 26 марта 2015 г.

Тема сообщения: депортация в Соединенные Штаты Америки.

Вопросы существа: произвольное задержание, высылка иностранцев, находящихся на территории на законных основаниях; равенство состязательных возможностей и справедливое разбирательство; произвольное вмешательство в семейную жизнь; наилучшие интересы ребенка.

Правовые позиции Комитета. Комитет напоминает, что понятие произвольности не равнозначно понятию противоправности, однако должно толковаться расширительно и включать элементы неуместности, несправедливости, отсутствия предсказуемости и надлежащих процессуальных гарантий. Содержание под стражей во время судебного разбирательства в интересах контроля над иммиграцией само по себе не является произвольным, однако оно должно быть обосновано как разумное, необходимое и соразмерное в свете сложившихся обстоятельств, и с течением времени решение о его применении должно пересматриваться. Последующее содержание иммигрантов под стражей во время рассмотрения их жалоб было бы произвольным при отсутствии свойственных конкретному лицу особенностей, в частности склонности скрыться от правосудия, опасности совершения преступления против других лиц или посягательств на на-

циональную безопасность¹. При принятии решения следует учитывать соответствующие факторы по каждому конкретному делу и не основывать его на каком-либо обязательном правиле более широкого характера; решение должно приниматься посредством рассмотрения мер по достижению искомых целей, носящих менее принудительный характер, например практики отмечаться в полиции, гарантий или других механизмов, не позволяющих лицу скрыться, и должно периодически переоцениваться и подлежать судебному пересмотру² (п. 11.5 Соображений).

Комитет напоминает свое Замечание общего порядка № 16, согласно которому понятие семьи должно толковаться широко³. Оно охватывает не только семейный дом состоящих в браке или совместно проживающих лиц, но и в целом отношения между родителями и детьми⁴. Комитет не может исключать, что автор и его сын имели семейные отношения помимо биологической связи между ними, поскольку по постановлениям Федерального суда магистратов автору было разрешено поддерживать с ним контакты, но они не были реализованы по ряду причин, в том числе из-за натянутых отношений автора с его бывшей партнершей и его содержания в иммиграционном изоляторе (п. 11.8 Соображений).

Комитет напоминает, что даже предусмотренное законодательством вмешательство должно соответствовать положениям, задачам и целям Пакта и должно быть целесообразным в конкретных обстоятельствах⁵ (п. 11.9 Соображений).

Оценка Комитетом фактических обстоятельств дела. Комитет принимает к сведению утверждение автора о том, что его задержание по иммиграционным соображениям было произвольным, необоснованно продолжительным и что он не мог оспорить его законность. Комитет отмечает довод государства-участника о том, что автор был задержан в соответствии с процедурами, предусмотренными законом о миграции; что задержание незаконно находящихся в стране неграждан по истечении срока уголовного наказания в виде лишения свободы может быть необходимо для обеспечения наличия лица, не имеющего действующей визы на пребывание в Австралии, для его высылки, если только не будут найдены причины для его дальнейшего законного проживания в Австралии, и что автор продолжал оставаться под стражей, когда в течение трехлетнего периода подавал апелляционные жалобы на первоначальное решение Трибунала о том, что его виза была аннулирована законно (п. 11.2 Соображений).

Комитет принимает во внимание, что содержание автора под стражей и его последующая высылка были произведены в соответствии с австралийским законодательством, предусматривающим возможность аннулирования визы по ст. 501 Закона о миграции вследствие наличия судимостей; что он был взят под стражу согласно Закону

¹См. Замечание общего порядка № 35 по ст. 9 (свобода и безопасность лиц), п. 18.

²См. Замечание общего порядка № 35 (см. сноску 21), п. 18. См. также сообщения № 2136/2012, *М.М.М. и др. против Австралии*, п. 10.3; № 1014/2001, *Бабан против Австралии*, Соображения от 6 августа 2003 г., п. 7.2.

³См. Замечание общего порядка № 16 (см. сноску 14), п. 5. См. также сообщение № 1959/2010, *Варсаме против Канады*, Соображения от 21 июля 2011 г., п. 8.7.

⁴См. сообщение № 417/1990, *Балагер Сантакана против Испании* (см. сноску 7), п. 10.2.

⁵См. сообщение № 2243/2010, *Хуссейни против Дании*, Соображения от 24 октября 2014 г., пп. 9.3—9.4.

о миграции как “незаконно находящийся в стране негражданин”¹ и что он был выслан по ст. 198 (б) по завершении его заключительной попытки остаться на территории Австралии путем подачи заявления о предоставлении ему защитной визы. Вне зависимости от этих соображений Комитет должен определить, являлось ли такое задержание, пусть даже произведенное в соответствии с австралийским законодательством, произвольным, как это утверждает автор (п. 11.3 Соображений).

Комитет отмечает тот неоспоримый факт, что в июне 2004 г. автор был освобожден по решению Совета по вопросам исправительных учреждений Квинсленда, согласно которому он мог быть выпущен на свободу для жизни в австралийском обществе. Он отмечает, что автор был освобожден условно-досрочно и, предположительно, в течение года отмечался в полиции и не имел замечаний до принятия представителем Министра решения об аннулировании его визы вследствие наличия судимостей. Автор был помещен в иммиграционный изолятор спустя год после его условно-досрочного освобождения 20 октября 2005 г. Он оставался под стражей до его высылки 8 мая 2009 г., состоявшейся через три с половиной года (п. 11.4 Соображений).

Согласно полученной Комитетом информации автор стал “незаконно находящимся в стране негражданином” в результате аннулирования его визы и согласно Закону о миграции 1958 года был автоматически помещен в иммиграционный изолятор до его высылки, которая в итоге произошла через три с половиной года. В течение этого времени власти государства-участника не произвели индивидуальной оценки потребности в дальнейшем содержании автора в иммиграционном изоляторе. Комитет считает, что государство-участник не продемонстрировало на индивидуальной основе, что непрерывное и длительное содержание автора под стражей было обоснованно с точки зрения его продолжительности². Государство-участник не доказало, что для достижения поставленной цели, т.е. для удовлетворения потребности государства-участника в обеспечении явки автора для высылки, не могли быть использованы иные, менее жесткие меры (см. п. 6.3 выше). Кроме того, автор был лишен возможности оспорить по существу решение о его бессрочном содержании под стражей. Комитет ссылается на свою правовую практику, согласно которой судебный пересмотр законности заключения под стражу не ограничивается проверкой соответствия содержания под стражей внутреннему законодательству и должен включать также возможность освобождения лица в случае несовместимости содержания его под стражей с требованиями Пакта³. По всем указанным причинам Комитет считает, что в сложившихся обстоятельствах содержание автора под стражей нарушало его права по п. 1 ст. 9 Пакта (п. 11.6 Соображений).

Комитет принимает к сведению утверждение автора о том, что его высылка представляет собой произвольное вмешательство в его семейную жизнь по смыслу ст.ст. 17 и 23 Пакта. Комитет принимает во внимание аргумент государства-участника о том, что автор и его сын не обра-

зуют семью согласно ст.ст. 17 и 23 Пакта, поскольку контакты между ними носили минимальный характер (п. 11.7 Соображений).

Комитет считает, что решение государства-участника депортировать автора, которое могло оказать долговременное воздействие на его отношения со своим сыном, в сочетании с полным запретом на въезд в Австралию следует считать вмешательством в жизнь семьи (п. 11.8 Соображений).

В свете представленной ему информации Комитет считает, что решение государства-участника аннулировать визу автора было построено на объективных и разумных основаниях, в частности учитывало судимости автора, хотя семейные обстоятельства автора принимались во внимание при вынесении решений представителем Министра и Трибуналом по обжалованию административных решений. В данных обстоятельствах Комитет полагает, что личное семейное положение автора было тщательно проанализировано компетентными органами и что произошедшее вмешательство в семейную жизнь автора не является произвольным по смыслу ст. 17 Пакта. Комитет заявляет, что представленные ему факты не свидетельствуют о нарушении ст.ст. 17 и 23 Пакта (п. 11.9 Соображений).

Вывод Комитета. Комитет считает, что представленные ему факты свидетельствуют о нарушении ст. 9 Пакта (п. 12 Соображений).

В соответствии с подп. а) п. 3 ст. 2 Пакта государство-участник обязано обеспечить автору эффективные и надлежащие средства правовой защиты, включая выплату компенсации. Государство-участник обязано не допускать аналогичных нарушений в будущем. В связи с этим государство-участник должно пересмотреть свое миграционное законодательство для обеспечения его соответствия требованиям ст. 9 Пакта (п. 13 Соображений).

Сообщение: Мансур Лигаэй и другие против Австралии. Сообщение № 1937/2010. Соображения приняты Комитетом по правам человека 26 марта 2015 г.

Тема сообщения: выдворение в Исламскую Республику Иран.

Вопросы существа: важные соображения национальной безопасности; сведения о выдворении; дискриминация по признаку национального происхождения; дискриминация по признаку иного обстоятельства; необоснованное вмешательство в семейную жизнь; приоритетные интересы ребенка.

Правовые позиции Комитета. Комитет ссылается на свою правоприменительную практику, согласно которой отказ государства-участника разрешить одному из членов семьи оставаться на его территории будет представлять собой вмешательство в семейную жизнь данного лица⁴. Комитет считает, что если решение государства-участника подразумевает обязательный выезд из страны отца семейства, в составе которого имеется несовершеннолетний ребенок, а также вынуждает семью выбирать, следует ли ей сопровождать отца или оставаться в государстве-участнике, то оно должно рассматриваться в качестве вмешательства в дела семьи, по меньшей мере в обстоятельствах, когда, как в данной ситуации, в любом случае будут иметь место существенные изменения в давно установившейся семейной жизни⁵.

¹См. раздел 189 Закона о миграции.

²См. сообщение № 2094/2011, *Ф.К.А.Д. и др. против Австралии*, Соображения от 26 июля 2013 г., п. 94.

³См., в частности, сообщения № 2094/2011, *Ф.К.А.Д. и др. против Австралии* (см. сноску 23), п. 9.6, № 1014/2001, *Бабан против Австралии* (см. сноску 22), п. 7.2.

⁴См., среди прочего, дело *Вината против Австралии*, п. 7.1; дело *Мадаффеи против Австралии*, п. 9.7; дело *Варсаме против Канады*, п. 8.7.

⁵См. дело *Мадаффеи против Австралии*, п. 9.8.

С учетом этих обстоятельств Комитет считает, что приведшее к данной ситуации решение государства-участника отказать автору в выдаче визы является вмешательством по смыслу ст. 17 Пакта (п. 10.3 Соображений).

Комитет напоминает, что понятие “произвольность” включает в себя элементы неуместности, несправедливости, отсутствия предсказуемости и должной процедуры¹. Комитет считает, что нарушение давно установившейся семейной жизни накладывает на государство-участника дополнительное бремя с точки зрения процедуры, ведущей к такому нарушению (п. 10.4 Соображений).

Оценка Комитетом фактических обстоятельств дела. Комитет принимает к сведению утверждение автора, согласно которому отказ государства-участника выдать ему визу, повлекший за собой вынужденный отъезд из страны, явился произвольным вмешательством в его семейную жизнь по смыслу ст.ст. 17 и 23 Пакта и нарушил права его дочери, предусмотренные в ст. 24 Пакта, поскольку в момент отъезда она была несовершеннолетней и ей не была оказана та защита, на которую она имела право в соответствии с этим положением. Комитет отмечает довод государства-участника, согласно которому решение о том, поедут члены семьи вместе с автором в Исламскую Республику Иран или останутся в Австралии, является сугубо внутрисемейным делом и действия государства никакого разлучения членов семьи не спровоцировали. Комитет отмечает утверждение государства-участника о том, что при принятии решения, повлекшего за собой отъезд автора из страны, интересам несовершеннолетнего ребенка было уделено должное внимание, но возобладали в деле императивные соображения национальной безопасности (п. 10.2 Соображений).

В настоящем деле автор сообщения прожил со своей семьей в Австралии 16 лет, и местные органы никогда ничего не вменяли ему в вину и не выносили ему предупреждений относительно его личного поведения. Два его старших сына начиная с 2003 года являются гражданами Австралии, его младшая дочь родилась и пошла в школу в Австралии, завязав здесь свои социальные связи. Рассмотрев заявку автора на получение постоянной визы, государство-участник приняло решение не выдавать ее автору по имевшимся с его точки зрения “императивным соображениям безопасности”, предоставив в то же время остальным членам семьи возможность и дальше пребывать на своей территории. В конечном итоге жена автора не захотела жить в разлуке со своим мужем, они вместе решили, что их несовершеннолетней дочери лучше остаться с ними, и, поскольку автору было отказано в праве оставаться в стране, 27 июня 2010 г. они покинули Австралию (п. 10.3 Соображений).

В данном случае на момент отъезда автор прожил на территории государства-участника на законных основаниях более 16 лет и, судя по всему, без всяких юридических ограничений, причем государство-участник этот факт не отрицает. Автору так ни разу официально и не сообщили, на чем основывался отказ в выдаче визы, из-за которого он был вынужден покинуть страну; ему только в общих словах объяснили, что он представляет угрозу национальной безопасности, о

чем свидетельствуют справки о его неблагонадежности, с которыми его не ознакомили даже в виде резюме. При этом его юридическим представителям дали возможность ознакомиться с имеющимися против него сведениями, но постановлением судьи им было запрещено сообщать автору любую информацию, благодаря которой он мог бы дать им в ответ указания и оспорить заключение, согласно которому он представляет угрозу национальной безопасности (п. 10.4 Соображений).

С учетом того, что автор прожил в Австралии 16 лет на законных основаниях и все это время имел устоявшуюся семейную жизнь, а также в силу отсутствия какого-либо объяснения со стороны государства-участника тех причин, по которым его лишили права на дальнейшее пребывание в стране, ограничившись заявлением общего порядка, что это делается по “императивным соображениям национальной безопасности”, Комитет делает вывод о том, что должная процедура в действиях государства-участника отсутствовала. Соответственно, государство-участник не представило автору обоснованное и объективное оправдание своего вмешательства в его устоявшуюся семейную жизнь (п. 10.4 Соображений).

Выводы Комитета. Комитет считает, что представленные ему факты свидетельствуют о нарушении положений ст. 17 в совокупности с положениями ст. 23 Пакта в отношении автора и его семьи (п. 11 Соображений).

В соответствии с подп. а) п. 3 ст. 2 Пакта государство-участник обязано обеспечить автору эффективное и должное средство правовой защиты, включая реальную возможность оспорить отказ в выдаче ему постоянной визы и выплату компенсации. Государство-участник обязано также не допускать подобных нарушений в будущем (п. 12 Соображений).

Сообщение: *Н.С. против Российской Федерации.* Сообщение № 2192/2012. Соображения приняты Комитетом по правам человека 27 марта 2015 г.

Тема сообщения: автору угрожает высылка в Кыргызстан, где, по его утверждениям, он будет подвергнут пыткам.

Вопрос существа: пытки, произвольное содержание под стражей, а также недопущение принудительного возвращения.

Оценка Комитетом фактических обстоятельств дела. Комитет отмечает, что утверждение автора сообщения о том, что он будет подвергнут пыткам в случае высылки в Кыргызстан, было рассмотрено Федеральной миграционной службой государства-участника в ходе процедуры рассмотрения ходатайства о предоставлении статуса беженца, а также в российских судах в ходе процедуры экстрадиции, в результате чего был сделан вывод о том, что он не обосновал свое утверждение о том, что он подвергался пыткам в прошлом, а также о том, что ему будет угрожать предсказуемая, реальная и личная опасность подвергнуться пыткам в случае возвращения в Кыргызстан. Кроме того, Комитет отмечает, что большая часть доказательств, представленных автором, касается общего положения в области прав человека в его стране происхождения, а не его конкретного случая. Комитет отмечает отсутствие каких-либо доказательств, подтверждающих, что решения органов государства-участника были явно необоснованными в том, что касается утверждений автора (п. 10.4 Соображений).

¹См., среди прочего, сообщение № 2009/2010, *Ильясов против Казахстана*, п. 7.4 Соображений, принятых 23 июля 2014 г.

Выводы Комитета. В свете вышеизложенного Комитет не может прийти к заключению, что предоставленная ему информация свидетельствует о том, что автору в случае его высылки в Кыргызстан будет угрожать реальная опасность подвергнуться обращению, противоречащему ст. 7 Пакта (п. 10.4 Соображений).

Сообщение: *А.Х.Г. против Канады.* Сообщение № 2091/2011. Соображения приняты Комитетом по правам человека 25 марта 2015 г.

Тема сообщения: депортация из Канады на Ямайку.

Вопросы существа: право на эффективное средство правовой защиты; право на жизнь; запрещение применения пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения; право на свободу и безопасность человека; право всех лишенных свободы лиц на гуманное обращение и на уважение достоинства, присущего человеческой личности; право на личную и семейную жизнь и репутацию; защита семьи.

Правовые позиции Комитета. Комитет напоминает, что положения ст. 7 Пакта призваны обеспечить защиту как достоинства, так и физической и психологической неприкосновенности личности¹ (п. 10.4 Соображений).

Оценка Комитетом фактических обстоятельств дела. Комитет отмечает, что автор переехал в Канаду в возрасте 18 лет и прожил в ней непрерывно 31 год вплоть до его высылки на Ямайку 29 августа 2011 г.; что в 1993 году у него была диагностирована параноидная шизофрения — серьезное психическое расстройство, из-за которого он провел полтора года на лечении в стационаре и затем регулярно проходил амбулаторное психиатрическое лечение; что в 2005 году, после того, как его выселили из его квартиры и он стал жить в приютах, у него начались трудности с соблюдением режима медикаментозного лечения и периодические обострения психотического состояния; что 23 марта 2006 г. состоялось решение о том, что он не может проживать на территории Канады в соответствии с п. 1 ст. 44 Закона об иммиграции и защите беженцев в связи с его выраженными уголовными наклонностями и, в частности, в связи с тем, что в июне 2005 г. он был признан виновным в нападении с применением оружия и был приговорен к 1 дню тюремного заключения в дополнение к тем 80 дням, которые он уже провел в режиме досудебного содержания под стражей. Комитет отмечает, что в решении от 22 апреля 2011 г., касавшемся ходатайства автора о применении соображений гуманности и сочувствия, была признана причинная связь между его уголовными наклонностями и болезнью (п. 10.3 Соображений).

Учитывая обстоятельства данного дела и признавая законное стремление государств-участников обеспечить защиту общества, Комитет тем не менее считает, что применение к такому психически больному и нуждающемуся в особой защите человеку, как автор, который прожил в Канаде большую часть своей жизни, решения о его высылке на Ямайку по причине совершения им уголовных деяний, связь которых с его психическим расстройством установлена и признана, в результате чего тут же прекратились медицинская помощь и помощь со стороны семьи, необходимые лицу в таком уязвимом положении, представляет собой нарушение государством-участником его

¹См. п. 2 Замечания общего порядка № 20 (1992 год) о запрете пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания.

обязанностей в соответствии со ст. 7 Пакта (п. 10.4 Соображений).

Вывод Комитета. Комитет считает, что высылка автора на Ямайку явилась нарушением его прав по смыслу ст. 7 Пакта (п. 11 Соображений).

В соответствии с подп. а) п. 3 ст. 2 Пакта государство-участник обязано обеспечить автору эффективные средства правовой защиты. Государство-участник обязано восстановить справедливость в отношении автора и позволить ему вернуться в Канаду, если таким будет его пожелание, а также предоставить автору надлежащую компенсацию. Государство-участник обязано предпринять шаги для недопущения аналогичных нарушений в будущем (п. 12 Соображений).

Комитет против пыток²

Сообщение: *Е.С. против Швейцарии.* Сообщение № 476/2011. Решение принято Комитетом против пыток (далее — Комитет) 21 апреля 2015 г.

Тема сообщения: угроза высылки заявителя в Гамбию.

Вопрос существа: угроза пыток по возвращению в страну происхождения.

Оценка Комитетом фактических обстоятельств дела. Комитет указывает, что в жалобе заявителя речь идет об опасности того, что он подвергнется пыткам со стороны гамбийских властей, которые объявили его в розыск в связи с его предположительным участием в попытке государственного переворота в марте 2006 г. Комитет отмечает, сколько времени прошло после упомянутых событий, и напоминает, что основная цель рассмотрения жалобы заявителя заключается в том, чтобы определить, может ли он в случае возвращения в Гамбию подвергнуться пыткам³. Комитет констатирует, что государство-участник усомнилось в участии заявителя в государственном перевороте в марте 2006 г., поскольку его рассказ о событиях показался недостаточно достоверным и он не представил удовлетворительных объяснений по поводу тех фактических неувязок, которые представители властей государства-участника отметили в процессе рассмотрения просьбы о предоставлении убежища. Заявитель не представил Комитету никаких иных материалов, свидетельствующих о том, что гамбийские власти разыскивали его в связи с государственным переворотом в марте 2006 г.⁴ и что они по-прежнему ищут его почти восемь лет спустя. Заявитель также не смог предложить никаких аргументированных доводов в подтверждение подлинности представленных в Комитет документов. В этих обстоятельствах Комитет считает, что заявитель не представил доказательств того, что ему лично в случае принудительного возвращения в Гамбию грозит реальная опасность быть подвергнутым пыткам со стороны агентов государства (п. 7.4 Решения).

²Комитет против пыток действует на основании Конвенции против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания от 10 декабря 1984 г. Российская Федерация является участником указанного международного договора.

³Пункт 11.2 сообщения № 61, 1996, *Х., У. и З. против Швеции*, Соображения, принятые 6 мая 1998 г.

⁴Единственный в данном случае представленный документ является копией ордера об объявлении в розыск военными властями, выданного в апреле 2006 г. (государство-участник оспаривает его подлинность); согласно этому ордеру заявитель был объявлен в розыск как дезертир, а не в связи с попыткой государственного переворота.

Вывод Комитета. Комитет заключает, что высылка государством-участником заявителя в Гамбию не будет представлять собой нарушения ст. 3 Конвенции¹ (п. 8 Решения).

Сообщение: *Е.К.У. против Финляндии.* Сообщение № 490/2012. Решение принято Комитетом против пыток 4 мая 2015 г.

Тема сообщения: угроза высылки в Демократическую Республику Конго.

Вопрос существа: угроза пыток по возвращении в страну происхождения.

Правовые позиции Комитета. При оценке такой опасности² Комитет должен принимать во внимание все относящиеся к делу обстоятельства согласно п. 2 ст. 3 Конвенции, включая существование постоянной практики грубых, вопиющих или массовых нарушений прав человека. Однако Комитет напоминает, что такая оценка имеет своей целью установить, угрожает ли лично данному лицу предсказуемая и реальная опасность применения пыток в стране, в которую он или она подлежит возвращению. Из этого следует, что существование постоянной практики грубых, вопиющих или массовых нарушений прав человека в какой-либо стране само по себе не является достаточной причиной полагать, что тому или иному лицу будет угрожать опасность применения пыток по возвращении в эту страну; должны быть приведены дополнительные основания в подтверждение того, что такая опасность будет угрожать лично данному лицу. И наоборот, отсутствие существования постоянной практики вопиющих нарушений прав человека не означает, что то или иное лицо в тех или иных конкретных обстоятельствах не может быть подвергнуто пыткам (п. 9.3 Решения).

Комитет напоминает свое Замечание общего порядка № 1 (1997 год), в соответствии с которым при оценке опасности применения пыток должны анализироваться основания, выходящие за пределы одних лишь умозрительных предположений или подозрений. Хотя при оценке этого риска не следует брать за основу критерий высокой степени вероятности (п. 6), такой риск должен быть личным и реальным. В связи с этим в своих предыдущих решениях Комитет постановил, что опасность применения пыток должна быть предсказуемой, реальной и личной. Комитет напоминает, что согласно положениям Замечания общего порядка № 1 он будет в значительной степени опираться на заявления по фактической стороне дела, подготовленного органами соответствующего государства-участника, хотя в то же время не считает себя связанным такими заключениями и исходит из того, что в соответствии с п. 4 ст. 22 Конвенции он правомочен свободно оценивать факты с учетом всех обстоятельств по каждому конкретному делу. Комитет далее напоминает, что в соответствии с Замечанием общего порядка № 1 (п. 5) бремя аргументированного представления дела лежит на авторе сообщения (п. 9.4 Решения).

Оценка Комитетом фактических обстоятельств дела. Комитет принимает к сведению утверждение заявителя о том, что она была арестована солдатами ВСДРК³ во время проведения

семинара для женщин в Донго⁴ в 2009 году и что она была подвергнута солдатами жестокому обращению и пыткам, включая неоднократные изнасилования. Комитет принимает во внимание представление государства-участника, согласно которому государственные органы получили только одно медицинское заключение от 2 июня 2010 г., которое они не считают достаточным доказательством пыток. Комитет, однако, отмечает, что в заключении указывается на то, что шрамы на теле заявителя и наблюдаемые у нее психиатрические симптомы соответствуют представленным заявителем данным о пытках. Комитет приходит к выводу о том, что заявитель представил достаточные доказательства того, что в прошлом она подвергалась пыткам (п. 9.5 Решения).

Комитет принимает к сведению утверждение заявителя о том, что она стала жертвой изнасилования и других пыток со стороны военнослужащих ВСДРК, которые являются официальными вооруженными силами государства-участника, а также присутствуют и ведут активную деятельность на всей его территории, и что, как она утверждает, она совершила побег из-под стражи в ВСДРК. Комитет учитывает представление государства-участника относительно достоверности рассказа заявителя о ее политической деятельности и членстве в оппозиционной партии, а также об обстоятельствах ее побега и выезда из страны. Комитет напоминает, что от жертв пыток редко можно ожидать полной точности сообщаемой ими информации и что несоответствия в изложении заявителем фактов не вызывают сомнения в общей правдивости ее утверждений, особенно поскольку подтверждено, что она страдает посттравматическим стрессовым расстройством⁵. Комитет... отмечает, что во время ареста заявитель носила предметы одежды, указывающие на ее принадлежность к сторонникам оппозиционной партии, и имела при себе членский билет, а также подчеркивает, что это является достаточным основанием для формирования представления о том, что она была членом и активистом партии (п. 9.6 Решения).

Комитет принимает к сведению утверждение заявителя о том, что в Демократической Республике Конго насилие в отношении женщин является широко распространенным явлением. В связи с этим Комитет напоминает свои ранее принятые решения и свои мнения по делу *Нжамба и Баликоса против Швеции*⁶, в рамках которых он не смог определить конкретный район Демократической Республики Конго, который мог бы считаться безопасным для заявителей. Комитет отмечает, что в недавно полученных достоверных сообщениях, а именно в докладе Верховного комиссара Организации Объединенных Наций по правам человека о положении в области прав человека и о деятельности ее Управления в Демократической Республике Конго за 2013 год (А/НRC/24/33) и в заключительных замечаниях Комитета по ликвидации дискриминации в отношении женщин по объединенным шестому и седьмому периодическим докладам Демократической Республики Конго (CEDAW/C/COD/CO/6—7), указывается, что широкое распространение насилия в отношении женщин, включая изнасилования члена-

¹ Конвенция против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания.

² Имеются ли существенные основания полагать, что заявителю будет лично угрожать опасность подвергнуться пыткам по возвращении в Демократическую Республику Конго.

³ Вооруженные силы Демократической Республики Конго.

⁴ Один из районов Демократической Республики Конго.

⁵ См. также *Тала против Швеции* (примечание 8 выше), п. 10.3.

⁶ Сообщение № 322/2007, Решение от 14 мая 2014 г., п. 9.5.

ми национальных вооруженных групп, сил безопасности и обороны, наиболее свойственно затрагиваемым конфликтами и сельским районам страны, особенно в ее восточной части. Комитет, однако, обеспокоен тем, что согласно этим сообщениям подобное насилие происходит и в других частях страны (п. 9.7 Решения).

Вывод Комитета. По данному конкретному делу существуют достаточные основания полагать, что заявителю будет угрожать опасность применения пыток в случае его возвращения в Демократическую Республику Конго (п. 9.8 Решения).

Сообщение: *Г.А.Б. против Швейцарии.* Сообщение № 440/2010. Решение принято Комитетом против пыток 4 мая 2015 г.

Тема сообщения: высылка в Гвинею.

Вопрос существа: угроза применения пыток.

Оценка Комитетом фактических обстоятельств дела. Комитет указывает, что в Гвинее действительно сохраняется вызывающее тревогу положение, поскольку по-прежнему отмечаются применение пыток, в том числе в местах лишения свободы и, в частности, в жандармских участках и в военных лагерях для заключенных¹, а также тайное содержание под стражей и атмосфера безнаказанности, которые становятся возможными, среди прочего, из-за того, что внутреннее законодательство не приведено в соответствие с положениями Конвенции². Но все же надлежит убедиться, действительно ли у заявителя есть основания опасаться, что в случае его возвращения в эту страну против него могут быть направлены действия, запрещенные Конвенцией (п. 7.3 Решения).

Все представленные заявителем свидетельства, подтверждающие такую возможность, были изучены национальными органами власти, которые пришли к выводу, что утверждения заявителя недостаточно достоверны, поскольку ни одно из представленных им свидетельств не доказывает, что он приезжал в Гвинею в период между подачей своего первого и второго ходатайств о предоставлении убежища, что новые материалы, такие как повестки и решение об объявлении в розыск, были без какой-либо видимой причины представлены лишь на позднем этапе процедуры рассмотрения ходатайств и вызвали сомнение в их подлинности и что заявитель ни разу не упомянул о жестоком обращении с ним в то время, когда он, по его словам, пребывал под стражей (в октябре 2009 г.). Комитет отмечает, что жалоба по поводу применения пыток впервые была представлена не в национальные органы власти, а в Комитет и к тому же не была подкреплена подробным описанием случившегося. С учетом перечисленного Комитет считает, что материалы дела не дают оснований полагать, что швейцарские власти, занимавшиеся этим делом в рамках процедуры рассмотрения ходатайств о предоставлении убежища и пересмотре дела, не изучили детальным образом все жалобы заявителя (п. 7.4 Решения).

Вывод Комитета. В деле, находящемся на рассмотрении Комитета, нет никаких других материалов, позволяющих установить, что в отношении заявителя в стране его происхождения существует предсказуемая, реальная и личная угроза применения пыток (п. 7.4 Решения).

Сообщение: *Z. против Швейцарии.* Сообщение № 556/2013. Решение принято Комитетом против пыток 5 мая 2015 г.

Тема сообщения: депортация в Российскую Федерацию.

Вопрос существа: опасность применения пыток по возвращении в страну происхождения.

Оценка Комитетом фактических обстоятельств дела. Комитет отмечает, что государство-участник обращает внимание на несоответствия и противоречия в утверждениях и представлениях заявителя как национальным органам власти, занимающимся вопросами убежища, так и Комитету, которые подрывают общее доверие к нему и ставят под сомнение правдивость его утверждений. В частности, заявитель представил копию своего паспорта с указанием его официально зарегистрированного адреса в с. Серноводск, Чечня, однако в водительском удостоверении указана его регистрация по адресу в г. Назрани, Ингушетия. В результате сохраняются сомнения относительно его реального места жительства. Кроме того, Комитет отмечает скудность информации о брате заявителя, который, как утверждается, принимал активное участие в повстанческих группировках и в связи с этим был арестован и подвергнут пыткам, в частности отсутствие его имени, описания и каких-либо личных данных. Заявитель предоставляет мало фактической информации о конкретных обвинениях против его брата, не дает сведений о предполагаемом жестоком обращении, которому подвергся его брат со стороны правоохранительных органов, и не указывает никакой информации о его нынешнем местонахождении. Аналогичным образом заявитель не приводит исчерпывающей информации о том, что его брат был освобожден, отбыв лишь шестимесячный срок тюремного заключения, учитывая, что российское уголовное законодательство предусматривает гораздо больший срок за такую деятельность. Комитет отмечает, что заявитель представил очень поверхностную информацию в связи с утверждением о том, что дом его родителей был сожжен (п. 8.6 Решения).

Комитет отмечает, что заявитель просто сообщил Миграционному совету и Миграционному суду, что опасается подвергнуться пыткам в случае возвращения в Российскую Федерацию, утверждая, что он подвергался пыткам в прошлом и станет их жертвой снова. При этом заявитель не представил никаких подробностей о применении пыток или жестоком обращении, которым он, по его словам, неоднократно подвергался со стороны правоохранительных органов, например, данных о личности или количестве виновных лиц, а также о конкретных формах жестокого обращения или видах пыток. Комитет отмечает отсутствие каких-либо медицинских справок, документов или показаний свидетелей, которые могли бы подтвердить слова заявителя. Комитет отмечает, что в связи с неконкретными утверждениями заявителя о пытках ни одна из сторон не провела медицинскую или судебно-медицинскую экспертизу. Вместе с тем Комитет отмечает, что из материалов дела следует, что, несмотря на неопределенность утверждений заявителя по данному делу, органы государства-участника, занимающиеся вопросами предоставления убежища, тщательно проанализировали все доказательства, представленные заявителем в обоснование своего ходатайства, и пришли к выводу об их недостаточной достоверности в целом (п. 8.7 Решения).

¹См. CAT/C/GIN/CO/1, п. 9.

²Там же, пп. 8, 11, 12 и 15.

Вывод Комитета. Заявитель не представил достаточных доказательств, позволяющих Комитету сделать вывод о том, что в случае его высылки в страну происхождения он подвергнется предсказуемой, реальной и личной опасности применения пыток по смыслу ст. 3 Конвенции (п. 8.8 Решения).

Сообщение: *Z. против Швейцарии.* Решение принято Комитетом против пыток 5 мая 2015 г.

Тема сообщения: высылка заявителя в Алжир.

Вопрос существа: опасность подвергнуться жестокому обращению.

Оценка Комитетом фактических обстоятельств дела. Комитет отмечает, что заявитель ссылается на защиту, предоставляемую ст. 3 Конвенции, на том основании, что ему угрожает опасность подвергнуться жестокому обращению в Алжире, поскольку алжирские власти считают его дезертиром и подозревают в сотрудничестве с террористами. В связи с этим Комитет отмечает, что, по утверждениям заявителя, в период прохождения обязательной военной службы он имел доступ к секретной информации. Комитет считает, что владение такой информацией могло бы представлять собой повышенную опасность применения жестокого обращения в том случае, если заявителя подозревали бы в поддержании контактов с террористами. Тем не менее Комитет полагает, что заявитель не представил достаточного количества доказательств, позволяющих сделать вывод о том, что он подозревается в таких контактах. Комитет отмечает, что заявитель ни разу не упоминал о применении к нему пыток в Алжире и что он не представил никаких доказательств в обоснование утверждения, согласно которому он мог бы подвергнуться жестокому обращению в случае его депортации в страну происхождения¹. Аналогичным образом в отношении замечаний государства-участника о противоречивом характере показаний заявителя, данных им в ходе внутренних процедур, Комитет считает, что заявитель не представил никаких элементов, позволяющих придать весомость его ответам на упомянутые замечания. Комитет полагает, что, даже если исходить из возможности ареста заявителя после его возвращения в Алжир на основании постановления об объявлении его в розыск, один только факт, что он может вновь быть взят под стражу и считаться дезертиром, не является веским основанием считать, что ему угрожает опасность подвергнуться пыткам или бесчеловечному или унижающему достоинство обращению (п. 7.4 Решения).

Вывод Комитета. Предоставленная заявителем информация является недостаточной для того, чтобы подтвердить его утверждения о том, что в случае его возвращения в Алжир он лично подвергнется прогнозируемой и реальной опасности применения пыток или жестокого обращения (п. 7.4 Решения).

Сообщение: *Хайрулло Турсунов против Казахстана.* Сообщение № 538/2013. Решение принято Комитетом против пыток 8 мая 2015 г.

Тема сообщения: высылка заявителя в Узбекистан.

Вопрос существа: угроза подвергнуться пыткам по возвращении в страну происхождения.

Правовые позиции Комитета. Комитет напоминает, что, руководствуясь своим Замечанием общего порядка № 1, он будет в значительной

степени опираться на заключения, к которым приходят органы соответствующего государства-участника, но что при этом Комитет не связан такими заключениями и в соответствии с п. 4 ст. 22 Конвенции правомочен свободно оценивать факты с учетом всех обстоятельств по каждому конкретному делу² (п. 9.9 Решения).

Оценка Комитетом фактических обстоятельств дела. Комитет отмечает утверждение адвоката о том, что пытки и жестокое обращение, особенно в отношении экстрадированных просителей убежища, по всей видимости применяются в Узбекистане систематически. Он отмечает далее подробно изложенные утверждения о том, что в прошлом, до отъезда в Казахстан, заявитель подвергался преследованиям по религиозным мотивам и жестокому обращению со стороны узбекских властей. Он принимает к сведению тот аргумент защитника, что судебное разбирательство в государстве-участнике, по итогам которого было принято решение о высылке заявителя, не являлось справедливым, поскольку заявителю не были обеспечены услуги переводчика; что суды не рассмотрели по существу утверждений заявителя о том, что в случае экстрадиции ему грозят пытки, и не рассмотрели в порядке судебного надзора решение Комитета по миграции об отклонении его ходатайства о предоставлении убежища. Он далее отмечает утверждения государства-участника, будто заявитель и его адвокат были поставлены в известность о праве просить об услугах переводчика, но не сделали это; что УВКБЗ, поначалу не согласившись с решением по итогам рассмотрения ходатайства, позднее оставило за государством-участником право принять решение по вопросу об экстрадиции заявителя. Помимо этого государство-участник выразило то мнение, что процедура экстрадиции соответствовала и внутренним, и международным нормам и что суды, рассматривавшие апелляционные жалобы заявителя по поводу решения об экстрадиции, не правомочны рассматривать в порядке надзора решение Комитета по миграции об отклонении его ходатайства об убежище. Комитет надлежащим образом принимает во внимание заявление государства-участника о полученных от узбекских властей заверениях в том, что заявитель не будет подвергнут преследованиям по политическим мотивам или по соображениям расы, вероисповедания, гражданства или политических взглядов; что он не будет подвергнут пыткам, насилию либо бесчеловечному или унижающему достоинство обращению. Он отмечает предоставленную адвокатом информацию о том, что после экстрадиции в Узбекистан заявитель был приговорен там к 16 годам тюремного заключения, при том что в ходе уголовного следствия он, предположительно, подвергался давлению и жестокому обращению, что стало причиной вынужденного признания заявителем вины за преступления и его молчания в ходе судебных слушаний. И, наконец, Комитет отмечает тот аргумент государства-участника, что существо уголовного дела согласуется с обвинениями против заявителя, указанными в запросе об экстрадиции, и что вынесенный приговор не ставил целью подвергнуть его репрессиям или пыткам (п. 9.5 Решения).

²См. Замечание общего порядка № 1 и, в частности, сообщение № 356/2008 по делу *Н.С. против Швейцарии*, Решение, принятое 6 мая 2010 г.

³Управление Верховного комиссара Организации Объединенных Наций по делам беженцев.

¹См. сообщение № 154/2000, *М.С. против Австралии*, Решение от 23 ноября 2001 г., п. 6.5.

Комитет отмечает, что заявитель, по имеющимся сообщениям, исповедует свою религию вне официально разрешенных религиозных институтов. Он отмечает, что заявитель был экстрадирован по запросу Узбекистана, в котором содержались обвинения в тяжких преступлениях, включая религиозный экстремизм и посягательство на свержение конституционного строя, и на основании вывода государства-участника о том, что он может представлять угрозу его интересам и безопасности. Комитет вновь подтверждает выраженную в его заключительных замечаниях по второму периодическому докладу Казахстана обеспокоенность в связи с принудительным возвращением людей в Узбекистан по соображениям региональной безопасности, включая борьбу с терроризмом, а также в связи с отсутствием информации об условиях их содержания, обращении с ними и их местонахождении (см. CAT/C/KAZ/CO/2, п. 15). Он отмечает, что принцип невысылки, закрепленный в ст. 3 Конвенции, носит абсолютный характер и что возможная угроза безопасности не освобождает государство-участника от лежащей на нем обязанности не высылать или возвращать (*"refouler"*) лицо в другое государство, если существуют серьезные основания полагать, что там ему может угрожать применение пыток¹ (п. 9.7 Решения).

С учетом обстоятельств данного дела Комитет считает, что как исходя из его собственных заключительных замечаний, так и в свете предоставленной ему в данном случае информации существование в Узбекистане практики грубых, вопиющих и массовых нарушений прав человека и серьезной угрозы применения пыток или других видов жестокого, бесчеловечного или унижающего достоинства обращения в особенности в отношении лиц, исповедующих свою религию вне официально разрешенных религиозных институтов, является в достаточной мере доказанным. В связи с этим он отмечает утверждения заявителя о том, что до отъезда в Казахстан он был объектом преследований по религиозным мотивам, включая помещение под стражу и пытки (п. 9.8 Решения).

В данном случае Комитет отмечает, что заявитель, который ранее подвергался преследованиям в Узбекистане по причине своих религиозных убеждений и был обвинен в создании в стране экстремистской организации и терроризме и экстрадирован государством-участником на основании этих обвинений, в достаточной степени продемонстрировал наличие для него предсказуемой, реальной и личной опасности подвергнуться пыткам по возвращении в Узбекистан. В этих условиях суды государства-участника были обязаны надлежащим образом проанализировать вероятность применения пыток в отношении заявителя, руководствуясь положениями как национального законодательства (п. 5 ст. 532 Уголовно-процессуального кодекса), так и международными нормами (например, ст. 3 Конвенции). Поэтому Комитет приходит к заключению о том, что власти государства-участника не выполнили своего долга — не провели индивидуальную оценку риска перед возвращением заявителя в Узбекистан (п. 9.9 Решения).

Касаясь дипломатических заверений, полученных государством-участником от узбекских властей в качестве достаточной защиты от этой явной угрозы, Комитет напоминает, что такие заверения не могут быть использованы в качестве инструмента, позволяющего избежать соблюдения принципа невысылки. Комитет отмечает, что государство-участник не привело достаточно конкретной информации о том, ведет ли оно мониторинг в той или иной форме в период после выдворения и предпринимает ли оно какие-либо меры, призванные обеспечить объективность, беспристрастность и достаточную убедительность этого мониторинга (п. 9.10 Решения).

Вывод Комитета. Экстрадиция государством-участником заявителя в Узбекистан является нарушением ст. 3 Конвенции² (п. 9.9 Решения).

Сообщение: И.И.И. против Швейцарии. Сообщение № 491/2012. Решение принято Комитетом против пыток 8 мая 2015 г.

Тема сообщения: высылка заявительницы в Эфиопию.

Вопрос существа: угроза подвергнуться пыткам по возвращении в страну происхождения.

Оценка Комитетом фактических обстоятельств дела. Заявительница утверждает, что была сторонницей ФОО³, что участвовала в деятельности "Меча-тулема" в Эфиопии, что в мае 2004 г. провела 25 часов в полицейском участке, где сотрудники полиции избивали ее, и что позднее встретила арестованного ее полицейского, который заявил, что знает о ее членстве в ФОО. Комитет принимает к сведению замечания государства-участника относительно неубедительности доводов заявительницы, в том числе относительно того, что она делала противоречивые заявления о своих отношениях с ФОО и "Меча-тулема" и принадлежности к этим организациям, что она прожила в Эфиопии более двух лет после ее предполагаемого задержания в мае 2004 г. и не имела никаких проблем с властями, что она законным путем покинула страну и что во время собеседования при рассмотрении ее первого ходатайства о предоставлении убежища она заявила, что покинула страну, чтобы вырваться из нищеты (п. 7.4 Решения).

Комитет отмечает, что заявительница не представила никаких объективных доказательств, подтверждающих ее рассказ о событиях, предположительно произошедших в Эфиопии до ее отъезда. В своих комментариях к замечаниям государства-участника она утверждает, что государство-участник не провело независимой медицинской оценки ее утверждений о пытках, хотя во время собеседования 30 августа 2007 г. она в разговоре с властями упомянула о наличии у нее шрама, ставшего следствием жестокого обращения, которому она подверглась, находясь под стражей в Эфиопии. Комитет изучил все имеющиеся у него материалы и отметил, что во время первого собеседования, связанного с ее первым прошением о предоставлении убежища, заявительница упомянула, что, когда она находилась под стражей в Эфиопии, сотрудник полиции ударил ее в грудь, а затем, когда она лежала на полу, наступил ей на спину сапогами, в результате чего у нее остался шрам; врач в центре временного размещения беженцев спросил ее об этом

¹См., *mutatis mutandis*, сообщения № 444/2010, *Абдусаматов и др. против Казахстана*; № 39/1996, *Паес против Швеции*, Сообщения, принятые 28 апреля 1997 г.; № 110/1998, *Нуньес Чипана против Венесуэлы*, Сообщения, принятые 10 ноября 1998 г., п. 5.6; № 297/2006, *Сингх Соги против Канады*, Решение, принятое 16 ноября 2007 г.

²Конвенция против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания.

³Фронт освобождения оромо.

шраме, но она не стала ему рассказывать о его происхождении; для определения его причин в центре должно было быть проведено дополнительное медицинское обследование. Заявительница не сообщала Комитету об отказе государства-участника провести такое обследование. Она также не называла никаких причин, которые могли бы помешать ей обратиться с просьбой о проведении подобного обследования, не объяснила, почему она не упомянула об этом в своей апелляции или во втором прошении о предоставлении убежища¹. В материалах дела не содержится никакой информации о том, требовались ли дополнительные медицинские обследования заявительницы. Тем не менее Комитет напоминает, что факт жестокого обращения в прошлом является лишь одним из элементов, подлежащих учету, и поэтому Комитету надлежит решить, угрожает ли в настоящее время заявительнице опасность применения пыток в случае ее возвращения в Эфиопию². Комитет считает, что, даже если предположить, что заявительница подвергалась в прошлом жестокому обращению со стороны полиции, из этого не следует вывод, что почти десять лет спустя после предполагаемых событий ей по-прежнему угрожает опасность подвергнуться жестокому обращению по возвращении в Эфиопию³ (п. 7.5 Решения).

Заявительница также утверждает, что была активным членом швейцарского отделения ФОО, что зафиксировано на фотографиях, размещенных в Интернете. Комитет также принимает к сведению утверждение заявительницы о том, что эфиопские власти пользуются современными техническими средствами для слежки за эфиопскими диссидентами за рубежом. Однако Комитет отмечает, что она не пояснила данное утверждение и не представила никаких доказательств в его подтверждение. Комитет также отмечает, что государство-участник подвергло сомнению это утверждение (п. 7.6 Решения).

По мнению Комитета, заявительница не представила достаточных доказательств того, что ее политическая деятельность имеет такое значение, что не может не привлечь внимания эфиопских властей, равно как и доказательств того, что власти ее родной страны разыскивают ее и что ей лично угрожает опасность подвергнуться пыткам в случае возвращения в Эфиопию. Соответственно, Комитет делает вывод, что предоставленная заявительницей информация, дающая лишь смутное представление о характере ее политической деятельности в Эфиопии до ее отъезда из этой страны и свидетельствующая о невысоком уровне ее политической деятельности в Швейцарии, не является достаточным доказательством того, что ей лично угрожает опасность подвергнуться пыткам в случае возвращения в Эфиопию. Комитет беспокоят многочисленные сообщения о нарушениях прав человека в Эфиопии⁴, включая сообщения о применении пыток, в том числе

в отношении представителей народности оромо, однако он напоминает, что для целей ст. 3 Конвенции угроза пыток, которым может подвергнуться соответствующее лицо в случае его возвращения, должна быть предсказуемой, реальной и личной. В данном случае Комитет считает такую угрозу недоказанной (п. 7.6 Решения).

Практика Европейского Суда по правам человека

Постановление Европейского Суда по правам человека по делу “Мурадели против России”, жалоба № 72780/12 (вынесено 9 апреля 2015 г., вступило в силу 9 июля 2015 г.).

Заявитель жаловался в соответствии со ст.ст. 8 и 13 Конвенции на то, что постановление об административном выдворении с территории Российской Федерации нарушило его право на уважение частной и семейной жизни.

Европейским Судом обращено внимание на то, что “...статья 8 не может рассматриваться в качестве налагающей на государство общее обязательство по уважению выбора места проживания семейной парой или по разрешению воссоединения семьи на его территории. Тем не менее в случае, когда дело касается семейной жизни, а также иммиграции, рамки обязательств государства по допуску на свою территорию родственников лиц, проживающих на его территории, изменяются в соответствии с особыми обстоятельствами соответствующих лиц и общественной заинтересованности” (п. 70 постановления).

Суд напомнил о факторах, которые принимаются во внимание в данном контексте:

— рамки связей в государстве — участнике Конвенции;

— наличие непреодолимых препятствий в отношении пребывания семьи в родной стране соответствующего иностранного гражданина;

— вопрос о том, имеются ли факторы иммиграционного контроля (например, история нарушений иммиграционного законодательства) или случаи несоблюдения общественного порядка, которые перевешивают в сторону принятия решения о запрете на въезд (п. 70 постановления).

Европейский Суд уточнил, что “...учитывая, что заявитель покинул Россию в марте 2011 года и впоследствии пытался повторно въехать в Россию, настоящая жалоба относится не к ситуации оседлого мигранта, но к ситуации иностранного гражданина, добивающегося разрешения на въезд в страну” (п. 74 постановления).

Суд установил, что “...когда в ходе проверки документов полицией... заявитель не представил документов, разрешающих его пребывание в России, он объяснил, что, полагая, что он может въехать в Россию из Республики Беларусь без визы, он приехал в Россию для решения определенных коммерческих вопросов и собирался уехать после их решения. Заявитель не упомянул свою семью в качестве причины его приезда в Россию. Также его семья не была упомянута в судебных разбирательствах в районном суде, который признал заявителя виновным в нарушении иммиграционных правил” (п. 75 постановления).

Европейский Суд отметил, что “...в соответствии с утверждениями заявителя, после его выдворения из России он принял решение поселиться в Республике Беларусь. Так как русский язык является одним из двух официальных языков в Республике Беларусь, Суд не видит непреодолимых препятствий для переезда семьи заяви-

¹См. сообщение № 458/2011, *Кс. против Дании*, Решение, принятое 28 ноября 2014 г., п. 9.4.

²См., например, сообщения № 61/1996, *Х., У. и З. против Швеции*, Решение, принятое 6 мая 1998 г., п. 11.2; № 435/2010, *Г.Б.М. против Швеции*, Решение, принятое 14 ноября 2012 г., п. 7.7.

³См., например, сообщение № 431/2010, *Ю. против Швейцарии*, Решение, принятое 21 мая 2013 г., п. 7.7.

⁴Комитет отмечает, что Эфиопия также является государством — участником Конвенции, и ссылается на свои Заключительные замечания 2011 года (см. CAT/C/ETH/CO/1, пп. 10—14).

теля в выбранную им страну” (п. 76 постановления).

Суд особо подчеркнул, что “...несмотря на неоднократные нарушения иммиграционных правил, заявителю были предоставлены широкие возможности урегулирования его пребывания в России... после того, как он не обратился за продлением срока действия его разрешения на временное проживание в 2004 году и был признан виновным в совершении административного правонарушения на этом основании в апреле 2006 года, новое разрешение на временное проживание было предоставлено ему в августе 2006 года, несмотря на то, что его запрос о продлении срока действия был подан с опозданием на два года... После того, как заявитель вновь не обратился вовремя за продлением срока действия его разрешения на временное проживание в 2009 году, его заявление было отклонено. Тем не менее хотя заявителю было указано покинуть Россию по истечении срока действия его разрешения на временное проживание, иммиграционные органы власти особым образом указали, что он может повторно въехать в Россию после исполнения иммиграционных правил... Однако заявитель решил пренебречь упомянутым постановлением и остаться в России незаконно. Когда органам власти стало известно об этом и они... признали его виновным в совершении административного правонарушения в отношении пребывания в России после истечения срока действия его разрешения на временное проживание, они не вынесли постановление об его административном выдворении, что повлекло бы пятилетний запрет на въезд, а предоставили ему транзитную визу, чтобы он мог покинуть Россию в законном порядке” (п. 78 постановления).

Суд пришел к выводу, что “... поведение заявителя говорило о постоянном пренебрежении законами, правилами и общественным порядком страны проживания... российские органы власти не несли обязательства по разрешению пребывания заявителя в России... Таким образом, нарушение статьи 8 Конвенции не было допущено” (пп. 81–83 постановления).

Постановление Европейского Суда по правам человека по делу “Халиков против России”, жалоба № 66373/13 (вынесено 26 февраля 2015 г., вступило в силу 6 июля 2015 г.).

Заявитель жаловался, что в случае его возвращения в Узбекистан для него существует реальный риск подвергнуться попыткам и ненадлежащему обращению в нарушение ст. 3 Конвенции, что он не мог добиться судебного контроля содержания под стражей в соответствии с п. 4 ст. 5 Конвенции, а также утверждал, что содержание его в специальном учреждении в целях выдворения нарушало подп. “f” п. 1 ст. 5 Конвенции.

Суд отметил, что заявитель “...разыскивался узбекскими властями по обвинениям в предполагаемом членстве в мусульманском экстремистском движении и угрозе государственной безопасности. Эти обвинения стали основанием для запроса об экстрадиции и постановления о задержании заявителя. Таким образом, он находится в аналогичной ситуации с теми мусульманами, которые в связи с совершением богослужений вне официальных учреждений и правил обвинялись в религиозном экстремизме или членстве в запрещенных религиозных организациях и в этой связи... подвергались повышенной угрозе жестокого обращения” (п. 52 постановления).

Европейский Суд установил, что “...существование национальных законов и международных договоров, гарантирующих уважение основных прав, само по себе не является достаточным для обеспечения достаточной защиты от жестокого обращения, когда, как в настоящем деле, надежные источники сообщают о действиях, которые явно противоречат принципам Конвенции и совершаются или допускаются органами власти... дипломатические заверения также не способны сами по себе предотвратить риск подвергнуться жестокому обращению и что национальные органы власти должны с осторожностью относиться к заверениям против пыток, исходящим от страны, где пытки распространены или постоянно применяются... внутригосударственные органы власти, а также Власти в своих доводах в Суде использовали обобщенные и неконкретизированные аргументы в попытке опровергнуть заявления о риске подвергнуться ненадлежащему обращению в связи с вышеуказанными обстоятельствами” (п. 53 постановления).

Суд посчитал, что “...были представлены существенные основания, чтобы полагать, что заявитель подвергается риску обращения, запрещенного статьей 3 Конвенции, в случае депортации в Узбекистан” (п. 54 постановления).

В отношении содержания заявителя в специальном учреждении в целях выдворения Европейский Суд отметил, что “...основной акцент жалобы заявителя по п. 4 ст. 5 был направлен не на первоначальное решение о помещении его под стражу, а на невозможность добиться судебного пересмотра его содержания под стражей по истечении определенного времени” (п. 64 постановления).

Суд установил, что “...российские власти должны обеспечить создание в своем внутреннем правовом порядке механизма, позволяющего лицам инициировать проверку законности их содержания под стражей до выдворения исходя из течения процесса депортации... Поскольку заявитель не имел в своем распоряжении процедуры, позволяющей произвести судебный пересмотр законности его содержания под стражей, Суд усматривает нарушение пункта 4 статьи 5 Конвенции” (пп. 65–66 постановления).

В отношении нарушения подп. “f” п. 1 ст. 5 Конвенции в связи с жалобой заявителя на период, в течение которого он находится под стражей в связи с его административным выдворением, Суд отметил, что “...До того как органы власти вынесли решение о помещении заявителя в специальное учреждение в целях выдворения, он уже в течение шести месяцев содержался под стражей с целью экстрадиции. При вынесении решения о помещении заявителя в специальное учреждение до выдворения суды не устанавливали точно определенного срока его содержания под стражей... Таким образом, после истечения этого срока задержанный должен быть освобожден” (п. 73 постановления).

Европейский Суд пришел к выводу, что “...в российском законодательстве нет положений, которые позволили бы заявителю инициировать производство по проведению судебного пересмотра его содержания под стражей до выдворения, а также не применяется процедура автоматического пересмотра его содержания под стражей через равные промежутки времени... [соответственно] имело место нарушение подпункта “f” пункта 1 статьи 5 Конвенции” (пп. 75, 76 постановления).

В сфере гражданско-правовых и процессуальных правоотношений

Условия лишения свободы. Запрет пыток.
Компенсация вреда (ущерб)

Практика международных договорных органов ООН

Комитет против пыток

См. *“Хильда Мариолин Эрнандес Кольменарес и Франсиско Артуро Герреро Санчес против Боливарианской Республики Венесуэла”*. Сообщение № 456/2011. Решение принято Комитетом против пыток 15 мая 2015 г.

Практика Европейского Суда по правам человека

Постановление Европейского Суда по правам человека по делу “Сергей Зубарев против России”, жалоба № 5682/06 (вынесено 5 февраля 2015 г., вступило в силу 5 мая 2015 г.).

Заявитель жаловался на нарушение ст.ст. 6 и 13 Конвенции в связи с тем, что своим отказом в принятии его искового заявления российские суды лишили его доступа к правосудию.

Европейский Суд установил, что в данном деле “...российские суды отказались рассматривать иски о нарушении требований заявителя в связи с неприкосновенностью судей, которая ограждает их от привлечения к какой-либо ответственности за должностные действия, совершенные при отпращивании правосудия” (п. 31 постановления).

Суд пришел к выводу, что “...предоставленный судье иммунитет от привлечения к ответственности за действия, совершенные ею при осуществлении правосудия в качестве председательствующего судьи по гражданскому делу, может рассматриваться как законная цель, в частности, для защиты интересов правосудия” (п. 32 постановления).

Европейский Суд отметил, что “...утверждения, которые заявитель счел порочащими его деловую репутацию, были сделаны судьями в рамках жалобы, направленной в областную коллегию адвокатов в порядке, предусмотренном российским правом. Эти утверждения не распространялись в средствах массовой информации... заявитель не указал, что данные утверждения были известны кому-либо еще, кроме органов адвокатского объединения... рассматриваемые утверждения получили распространение в очень узком кругу” (п. 34 постановления).

Суд также отметил, что “...у заявителя была возможность оспорить достоверность заявлений судьи в рамках дисциплинарного судопроизводства” (п. 35 постановления).

Таким образом, в данном деле Европейский Суд пришел к выводу о наличии разумной соразмерности между судебской неприкосновенностью при отпращивании правосудия и законной целью, преследуемой в интересах общества, и постановил, что нарушения п. 1 ст. 6 Конвенции допущено не было.

См. также приводимое ниже постановление Европейского Суда по правам человека по делу “Беленко против России”, жалоба № 25435/06 (вынесено 18 декабря 2014 г., вступило в силу 18 марта 2015 г.).

В сфере социально-трудовых правоотношений

Практика международных договорных органов ООН

Комитет по правам инвалидов

Сообщение: Мария-Луиза Юнгелин против Швеции. Сообщение № 5/2011. Решение принято Комитетом по правам инвалидов (далее — Комитет) 2 октября 2014 г.

Тема сообщения: процедура трудоустройства и надлежащие усовершенствование и переоборудование рабочего места.

Вопросы существа: равенство и недискриминация; равенство перед законом; работа и занятость.

Правовые позиции Комитета. Комитет напоминает, что в соответствии с пп. а), е), g) и i) ст. 27 Конвенции государство-участник несет обязательство запретить дискриминацию по признаку инвалидности в отношении всех вопросов, касающихся всех форм занятости, включая условия приема на работу, найма и занятости, сохранения работы, продвижения по службе и безопасных и здоровых условий труда; расширять на рынке труда возможности для трудоустройства инвалидов и их продвижения по службе, а также оказывать помощь в поиске, получении, сохранении и возобновлении работы; нанимать инвалидов в государственном секторе, а также обеспечивать инвалидам разумное приспособление рабочего места. Комитет далее напоминает, что в соответствии со ст. 2 Конвенции “разумное приспособление” означает внесение, когда это нужно в конкретном случае, необходимых и подходящих модификаций и коррективов, не становящихся несоразмерным или неоправданным бременем, в целях обеспечения реализации или осуществления инвалидами наравне с другими всех прав человека и основных свобод. Комитет далее отмечает, что положения пп. 1 и 2 ст. 5 Конвенции налагают на государство-участника общие обязательства признавать, что все лица равны перед законом и по нему имеют право на равную защиту закона и равное пользование им без всякой дискриминации, а также запрещать любую дискриминацию по признаку инвалидности и гарантировать инвалидам равную и эффективную правовую защиту от дискриминации по любому признаку (п. 10.4 Решения).

Комитет полагает, что при оценке разумности и соразмерности мер приспособления государства-участники обладают определенной свободой усмотрения. Кроме того, он считает, что, как правило, оценка фактов и доказательств в конкретном случае осуществляется судами государств — участников Конвенции, только если не будет выявлено, что оценка была явно произвольной или равнозначной отказу в правосудии¹ (п. 10.5 Решения).

Оценка Комитетом фактических обстоятельств дела. Комитет отмечает довод государства-участника о том, что Комитет не вправе рассматривать сообщение по существу, поскольку в нем автор стремится добиться проведения изучения *in abstracto*² вопроса о совместимости национального законодательства в области дискриминации с Конвенцией. Комитет напоминает, что для того, чтобы автор считался жертвой, ему недостаточно заявить, что самим фактом существования какой-либо закон нарушает его права³. В этом случае автор полагает, что Закон 1999 года был при-

¹См., например, Комитет по правам человека, сообщения № 1329/2004 и № 1330/2004, *Перес Мунуэра и Эрнандес Матео против Испании*, решение о неприемлемости, принятое 25 июля 2005 г., п. 6.4; сообщение № 1540/2007, *Махмуд Валид Накраш и Лю Цифэн против Швеции*, решение о неприемлемости, принятое 30 октября 2008 г., п. 7.3.

²Отвлеченно, абстрактно.

³См. сообщения № 318/1988, *Е.Р. и другие против Колумбии*, решение о неприемлемости от 25 июля 1990 г., п. 8.2; № 35/1978, *Омерудди-Чиффра и 19 других маврикийских женщин против Маврикия*, Сообщения приняты 9 апреля 1981 г., п. 9.2.

менен не в ее пользу. Внимание Комитета, таким образом, обращено не на Закон 1999 года *in abstracto*, а на вопрос его прямого применения Судом по трудовым спорам при рассмотрении дела автора (п. 10.2 Решения).

В данном случае вопрос заключается в том, является ли постановление Суда по трудовым спорам от 2010 года¹ нарушением прав автора в соответствии со ст.ст. 5 и 27 Конвенции. В связи с этим Комитет принимает к сведению утверждения автора о том, что решение Суда по трудовым спорам является дискриминационным, поскольку в нем не была дана надлежащая оценка возможности Агентства социального страхования принять меры поддержки и адаптации своих внутренних компьютерных систем с учетом ее нарушений зрения, с тем чтобы она могла выполнять профессиональные обязанности, связанные с должностью сотрудника по оценке/изучению документов, на которую она подала заявление, и в нем не был принят во внимание тот факт, что адаптация компьютерной программы Агентства социального страхования была бы полезна в будущем для любых возможных сотрудников с нарушениями зрения (п. 10.3 Решения).

В данном случае Комитет считает, что Суд по трудовым спорам тщательно и объективно оценил все элементы, представленные автором и Агентством социального страхования, прежде чем прийти к выводу о том, что меры поддержки и адаптации, рекомендованные Омбудсменом, будут представлять собой неоправданное бремя для Агентства социального страхования. Кроме того, Комитет считает, что автор не представила каких-либо доказательств, которые позволили бы заключить, что проведенная оценка была явно произвольной или равнозначной отказу в правосудии. В этих обстоятельствах Комитет не может сделать вывод о том, что на момент вынесения Судом по трудовым спорам своего постановления принятое решение не было основано

на объективных и разумных соображениях. Следовательно, Комитет считает, что он не может признать факт нарушения ст.ст. 5 и 27 Конвенции (п. 10.6 Решения).

Вывод Комитета. Представленные факты не представляют собой нарушения ст.ст. 5 и 27 Конвенции (п. 11 Решения).

Сообщение: *С.К. против Бразилии.* Сообщение № 10/2013. Решение принято Комитетом по правам инвалидов 2 октября 2014 г.

Тема сообщения: политика работодателя, допускающая понижение в должности после длительного отпуска по медицинским показаниям.

Вопросы существа: определение инвалидности.

Правовые позиции Комитета. Комитет считает, что согласно ст. 1 Конвенции к числу инвалидов относятся лица с устойчивыми физическими, психическими, интеллектуальными или сенсорными нарушениями, но не ограничиваются ими, которые при взаимодействии с различными барьерами могут мешать их полному и эффективному участию в жизни общества наравне с другими (п. 6.3 Решения).

Комитет полагает, что различие между болезнью и инвалидностью заключается в степени, а не в существовании физического расстройства. Нарушение здоровья, которое изначально рассматривается как болезнь, может привести к потере трудоспособности и инвалидности вследствие его продолжительности или хронического характера. Правозащитная модель инвалидности требует учета разнообразия инвалидов (п. “i” преамбулы) наряду со взаимодействием между инвалидами, а также поведенческими и экологическими барьерами (п. “e” преамбулы). Комитет также отмечает, что п. 4 ст. 4 Конвенции не ущемляет обязательства государства-участника, закрепленные в других правозащитных документах, стороной в которых оно является, в частности в Межамериканской конвенции о ликвидации всех форм дискриминации в отношении инвалидов. Комитет отмечает, что в последней Конвенции “инвалидность” определяется как физическое, психическое или сенсорное нарушение, будь то постоянное или временное, которое ограничивает способность выполнять один или более основных видов деятельности в повседневной жизни и которое может быть вызвано или обострено экономической или социальной средой (п. 6.3 Решения).

Комитет считает, что дискриминация может являться следствием дискриминационных последствий какого-либо правила или меры, которые на первой взгляд являются нейтральными и не имеют своей целью дискриминацию, однако несоразмерно затрагивают инвалидов (п. 6.4 Решения).

Оценка Комитетом фактических обстоятельств дела. Комитет принимает к сведению, что автор жалуется на нарушение пп. b) и e) ст. 3; пп. a), b), d) и e) ст. 4; пп. 1 и 2 ст. 5; пп. a) и b) ст. 27 Конвенции², утверждая, что политика “Банку ду Бразил”, предусматривающая отстранение от должности сотрудника по прошествии трех месяцев нахождения в отпуске по медицинским показаниям, является дискриминационной по признаку инвалидности и стала причиной отстранения ее от должности в 2009 году, когда она оставалась в отпуске по медицинским показаниям более трех месяцев из-за травмы, в результате которой ее здоровью был нанесен устойчивый вред.

¹ В марте 2008 г. Омбудсмен подал от имени автора ходатайство в Суд по трудовым спорам. В нем утверждалось, что автор обладает необходимой квалификацией для работы на должности сотрудника по изучению/оценке и что Агентство социального страхования могло предоставить ей доступ к вспомогательным средствам и личному помощнику для снижения влияния ее нарушения настолько, что наличие у нее проблем со зрением не повлияло бы на решение о принятии ее на работу. 17 февраля 2010 г. Суд по трудовым спорам отклонил ходатайство Омбудсмана. Он пришел к заключению, что степень пригодности автора для заполнения вакантной должности должна определяться с учетом всех функций, которые работник должен выполнять на данной должности, т.е. она должна быть в состоянии обрабатывать пособия по болезни и компенсации в связи с болезнью в СОВ (“система отслеживания вопросов”), а также работать с СОВ и вспомогательными системами таким образом, чтобы быть в состоянии осуществлять оценку и считывание информации в компьютеризированных системах, переключаться между программами и активно использовать их в качестве рабочих инструментов. Эти функции предполагают также работу с рукописными текстами — задачу, которая, несмотря на сокращение количества составленных от руки документов, не может считаться второстепенной на должности сотрудника по изучению и анализу документации. Суд провел оценку различных мер поддержки и адаптации, предложенных Омбудсменом, и в свете мнений свидетелей и экспертов, представленных обеими сторонами, постановил, что ее результаты свидетельствуют о нецелесообразности мер поддержки и адаптации, которые Агентству социального страхования необходимо было бы принять, с тем чтобы организовать для автора такие же рабочие условия, как и для работника без нарушения зрения. Таким образом, автор не обладает необходимой степенью пригодности для должности сотрудника по изучению/оценке документации (пп. 2.5 и 2.8 Решения).

² Конвенция о правах инвалидов.

Комитет также принимает к сведению утверждение автора о том, что нарушения происходили и в 2010 году, когда “Банку ду Бразил” отказал ей в просьбе о переводе в другое отделение ближе к дому вследствие ее инвалидности. Комитет отмечает утверждение государства-участника о том, что травма колена автора не является причиной инвалидности по смыслу ст. 1 Конвенции, поскольку при наличии рассматриваемых фактов у нее была диагностирована временная потеря трудоспособности и она не представила надлежащих доказательств о долговременной потере трудоспособности, и что поэтому ее сообщение не подпадает в сферу компетенции Комитета *ratione materiae*¹. В данном случае представленная сторонами информация не препятствует Комитету считать, что физические нарушения автора при взаимодействии с различными барьерами на самом деле мешали ее полному и эффективному участию в жизни общества наравне с другими. Комитет также считает, что ст. 2 Факультативного протокола² не препятствует изучению им сообщения (п. 6.3 Решения).

Комитет принимает к сведению утверждение государства-участника о том, что в просьбе автора о переводе было отказано из-за излишка сотрудников в соответствующем отделении, а не по причине ее инвалидности и что поэтому ее жалоба не является обоснованной. Комитет отмечает, что проводимая Банком политика отстранения от должности сотрудников применяется ко всем сотрудникам, которые находились в отпуске по медицинским показаниям более трех месяцев, независимо от конкретной причины. Он также принимает во внимание утверждение государства-участника о том, что отказ в переводе в другое отделение, а также проводимая Банком политика отстранения от должности применяется в целях поддержания баланса между числом сотрудников в разных отделениях. Комитет поэтому считает, что рассматриваемый им вопрос состоит в том, оказала ли политика Банка, предусматривающая отстранение от должности лиц, находившихся в отпуске по медицинским показаниям более 90 дней, несоразмерное негативное влияние на автора, и что п. е) ст. 2 Факультативного протокола не препятствует изучению им указанного сообщения (п. 6.4 Решения).

Комитет принимает во внимание довод государства-участника о том, что автор не исчерпала внутренние средства правовой защиты, поскольку она не обратилась с жалобой во внутренние суды по поводу того, что ее отстранение от должности было связано с ее инвалидностью. Комитет принимает к сведению тот факт, что автор подала в Верховный суд по трудовым спорам апелляцию в связи с жалобами по Конвенции и что эта апелляция была без рассмотрения ее по существу отклонена, поскольку автор не была представлена адвокатом, как это предусмотрено законом. Комитет также отмечает, что Бюро государственного защитника отказало автору в просьбе о бесплатной юридической помощи за отсутствием существа в этой просьбе, автор связалась с адвокатом, который отказался ее представлять. Однако автор не обосновала отсутствие у нее каких-либо других вариантов обеспечения ее юридического представительства. В данных обстоятельствах Комитет считает, что п. d) ст. 2 Факультативного протокола³ не позволяет ему рассмат-

ривать это сообщение (п. 6.5 Решения).

Вывод Комитета. Сообщение является неприемлемым по п. d) ст. 2 Факультативного протокола.

Сообщение: *А.Ф. против Италии.* Сообщение № 9/2013. Решение принято Комитетом по правам инвалидов 27 марта 2015 г.

Тема сообщения: процесс набора персонала; дискриминация в процессе применения национального законодательства о праве инвалидов на трудоустройство.

Вопрос существа: труд и занятость.

Правовые позиции Комитета. Комитет напоминает, что в соответствии со ст. 27 Конвенции государства-участники несут обязанность запрещать дискриминацию по признаку инвалидности в отношении всех вопросов, касающихся всех форм занятости, включая условия приема на работу, найма и занятости, сохранения работы, продвижения по службе, и безопасных и здоровых условий труда; расширять на рынке труда возможности для трудоустройства инвалидов и их продвижения по службе, а также оказывать помощь в поиске, получении, сохранении и возобновлении работы; принимать на работу инвалидов в государственном секторе; обеспечивать инвалидам разумное приспособление для рабочего места (п. 8.3 Решения).

Комитет напоминает, что, как правило, оценка фактов и доказательств по конкретному случаю осуществляется судами государств — участников Конвенции, только если не будет выявлено, что оценка была явно произвольной или равнозначной отказу в правосудии⁴ (п. 8.4 Решения).

Оценка Комитетом фактических обстоятельств дела. В 2006 году автор работал в качестве интерна в Техническом департаменте Университета Модены и Реджо-Эмилии. 2 мая 2006 г. Университет опубликовал конкурсные экзамены в категории С для заполнения должности научно-технического эксперта в инженерно-техническом отделе. Учитывая, что эта должность соответствовала его квалификации и опыту работы, автор решил сдать экзамен. В преамбуле конкурсных экзаменов Университета дана ссылка на закон № 68/1999. По словам автора, согласно этому закону при равных результатах инвалиды должны иметь приоритет по сравнению с другими кандидатами. Результаты открытых экзаменов были официально опубликованы в соответствии с указом от 22 сентября 2006 г. № 595; автор занял третье место с результатом 50,5 из 60⁵. В приеме на работу ему было отказано, так как вакантной была только одна должность. 17 апреля 2008 г. Университет объявил второй открытый конкурсный экзамен на аналогичную должность научно-технического эксперта категории С. Поскольку этот экзамен проводился для кандидатов из числа бывших военнослужащих, автор не смог принять в нем участие (п. 2.2 Решения).

Автор утверждает, что, несмотря на то, что он показывал хорошие результаты во всех открытых конкурсных экзаменах, которые он сдавал, ни один из них не увенчался для него успехом, так

¹Компетенция Комитета рассматривать сообщения с учетом предмета возникшего вопроса.

²К Конвенции о правах инвалидов.

³В силу указанного положения “Комитет считает сообщение неприемлемым, когда: ... исчерпаны не все имеющиеся внутренние средства защиты. Это правило не применяется, когда применение средств защиты неоправданно затягивается или вряд ли принесет действенный эффект”.

⁴См. *Юнгелин против Швеции*, п. 10.5.

⁵Первые два кандидата получили 52,5 из 60 и 51 из 60 баллов соответственно.

как установленная в п. 2 ст. 7 Закона № 68/1999 квота ни в одном из случаев не была соблюдена. 17 февраля 2007 г. автор подал жалобу в Региональный административный суд Болоньи, требуя приостановления и отмены открытого экзамена из-за нарушения положений п. 2 ст. 7 Закона № 68/1999. Он также потребовал, чтобы в случае, если суд подтвердит результаты конкурсного экзамена, ему была предоставлена эквивалентная должность, поскольку он был признан подходящим кандидатом для данной должности, но не получил ее в силу ненадлежащего толкования закона. 7 мая 2007 г. Административный суд отклонил иск автора и постановил, что Университет имел право действовать в рамках соглашения со службой занятости провинции Модена о заполнении 7-процентной квоты, подписанного им 20 декабря 2005 г., но это соглашение не гарантирует автору выбор его кандидатуры и назначение на должность. 4 июня 2008 г. автор обжаловал это решение в Государственный совет — административный суд высшей инстанции. Государственный совет отклонил апелляционную жалобу автора 4 декабря 2009 г., отметив, что 50-процентная квота для инвалидов применяется ко всем открытым конкурсным экзаменам и имеет своей целью обеспечение соблюдения общей квоты для инвалидов, работающих в государственных структурах, без учета конкретного рода должности. Кроме того, Государственный совет отметил, что Университет не нарушил правило 50-процентной квоты, поскольку “50% одной должности приравнивается к нулю”¹ (п. 2.3 Решения).

В данном случае вопрос заключается в том, является ли постановление Государственного совета от 2009 года нарушением прав автора в соответствии со ст. 27 Конвенции. Комитет принимает к сведению утверждения автора о том, что решение Государственного совета об отклонении его ходатайства о приостановлении и отмене открытого конкурсного экзамена 2006 года носит дискриминационный характер и нарушает его права как инвалида в соответствии с п. 2 ст. 7 Закона № 68/1999 (п. 8.2 Решения).

Комитет считает, что автор не представил каких-либо аргументов, которые позволили бы Комитету сделать вывод о том, что положения национального законодательства и его применение представляют собой нарушение его индивидуальных прав, предусмотренных Конвенцией. Комитет также считает, что Государственный совет тщательно и объективно оценил все элементы, представленные автором и Университетом Модены и Реджо-Эмилии, прежде чем сделал вывод о том, что отказ в приеме на работу автора не носил дискриминационного характера. Комитет считает, что автор не представил каких-либо доказательств, которые позволили бы заключить, что проведенная Государственным советом оценка была явно произвольной или равнозначной отказу в правосудии. В этих обстоятельствах Комитет постановляет, что вынесенное решение было основано на объективных и разумных соображениях (п. 8.5 Решения).

Вывод Комитета. Представленные факты не являются нарушением ст. 27 Конвенции (п. 9 Решения).

Практика Европейского Суда по правам человека

Постановление Европейского Суда по правам человека по делу “Коберник против России”, жалоба № 30711/03 (вынесено 11 июня 2015 г., вступило в силу в тот же день).

¹ В п. 2 ст. 4 Закона № 68/1999 предусмотрено, что при проведении расчетов части процентной доли, которые составляют более 0,5, считаются составляющими целое.

Заявитель жаловался, что отмена Решения от 21 января 2003 г.², вынесенного в его пользу, с учетом того факта, что оно было оставлено без изменений в кассационном порядке, нарушила его право по п. 1 ст. 6 Конвенции и ст. 1 Протокола № 1.

Суд напомнил, что “...в целях соблюдения принципа правовой определенности, который закреплен в статье 6 Конвенции, окончательные решения, по общему правилу, не должны ставиться под сомнение. Отступления от этого принципа оправданы, только если они необходимы для исправления фундаментальных ошибок. Одна лишь возможность существования двух точек зрения по данному вопросу не является основанием для пересмотра” (п. 21 постановления).

Европейский Суд пришел к выводу, что “...в любом случае, окончательное решение в пользу заявителя было отменено только на том основании, что суды нижестоящих инстанций неверно истолковали существующее внутригосударственное законодательство... Соответственно, имело место нарушение пункта 1 статьи 6 Конвенции и статьи 1 Протокола № 1” (пп. 22—23 постановления).

В сфере уголовно-правовых и уголовно-процессуальных отношений

Практика международных договорных органов ООН

Комитет по правам человека

Сообщение: Х.Н.Г.П. против Уругвая. Сообщение № 2395/2014. Соображения приняты Комитетом по правам человека (далее — Комитет) 23 июля 2015 г.

Тема сообщения: ведение судебного разбирательства по уголовному делу.

Вопросы существа: право на жизнь; запрет на пытки и другие жестокие, бесчеловечные или унижающие достоинство виды обращения и наказания; произвольное задержание; судебное разбирательство по уголовному делу без соблюдения надлежащей правовой процедуры; *ne bis in idem*; запрет на дискриминацию и равенство перед законом.

Правовые позиции Комитета. Комитет ссылается на свою правовую практику, в соответствии с которой именно судам государств — участников Пакта надлежит производить оценку фактов и доказательств или обеспечивать применение внутреннего законодательства в каком-либо конкретном деле, кроме тех случаев, когда может быть доказано, что такая оценка или применение носили явно произвольный характер, были очевидно ошибочны или представляли собой отказ в правосудии³ (п. 9.6 Решения).

Оценка Комитетом фактических обстоятельств дела. Комитет принимает к сведению заявление

² 21 января 2003 г. городской суд вынес решение, предписывающее увеличить ежемесячное пособие, причитающееся заявителю, в соответствии с величиной прожиточного минимума. При пересчете суммы пособия заявителя суд применил коэффициент 1,92, основанный на данных, предоставленных областным комитетом статистики. В результате ежемесячное пособие увеличилось до 4800 руб., а ежемесячная надбавка на питание увеличилась до 576 руб. Суд предписал ответчику выплатить заявителю пересчитанную сумму с 1 января 2002 г. за вычетом уже выплаченных сумм. 16 апреля 2003 г. решение было оставлено без изменений по результатам рассмотрения кассационной жалобы Ростовским областным судом и вступило в законную силу.

³ См. сообщения № 1616/2007, *Мансано и др. против Колумбии*, Решение, принятое 19 марта 2010 г., п. 6.4, и № 1622/2007, *Л.Д.Л.П. против Испании*, Решение, принятое 26 июля 2011 г., п. 6.3.

автора о том, что тюремное заключение сроком на 25 лет на практике сопоставимо с пожизненным лишением свободы и что, с учетом его преклонного возраста и плохого состояния здоровья, отказ удовлетворить ходатайство о его переводе под домашний арест, несмотря на рекомендацию Международного комитета Красного Креста, представляет собой нарушение ст.ст. 6 и 7 Пакта. Комитет принимает к сведению также аргументы государства-участника по поводу того, что с начала предварительного заключения автора и до настоящего времени оно принимает все необходимые меры для защиты жизни, личной безопасности и физического и психического здоровья автора, гарантируя ему достойное обращение, и что домашний арест является исключительной мерой и применяется в том случае, если жизни человека угрожает серьезная опасность в силу состояния его здоровья (п. 9.2 Решения).

Комитет отмечает, что судебные власти определили меру наказания автора согласно закону и в соответствии с тяжестью совершенных им преступлений и характером причиненного ущерба. Комитет отмечает, что автор страдает от различных заболеваний и слаб здоровьем и что медицинские отчеты свидетельствуют о его подверженности риску скорострительной смерти. Тем не менее в течение трех последних лет автор отбывает наказание не в обычном пенитенциарном учреждении, а в военном госпитале. Автор не сделал соответствующего заявления Комитету и не представил убедительных доказательств, указывающих на то, что медицинский уход и лечение в военном госпитале являются недостаточными, а также не объяснил, по каким причинам под домашним арестом его жизни и здоровью будет угрожать меньшая опасность. Кроме того, он не заявил, что власти собираются перевести его в центр содержания под стражей. Следовательно, в обстоятельствах данного конкретного дела Комитет не располагает достаточной информацией, свидетельствующей о нарушении ст.ст. 6 и 7 Пакта (п. 9.3 Решения).

Что касается п. 1 ст. 14 Пакта, то Комитет принимает к сведению заявления автора о том, что судебные органы не были беспристрастны, поскольку вынесенный ему приговор и соответствующая мера наказания основывались на показаниях пристрастных свидетелей и информации, содержащейся в журналистских расследованиях и предвзятых публикациях; что на большинстве судебных разбирательств в отношении военнослужащих и сотрудников полиции обвинителем была М.Г., которая открыто высказывалась против вооруженных сил и была освобождена от своих функций режимом, правившим в государстве-участнике в 1973—1985 гг. Кроме того, суды не объявили срок давности по убийству, за которое автора судили в соответствии со ст.ст. 117 и 119 Уголовного кодекса, а произвольно определили, что его отсчет начинается с 1 марта 1985 г. и что к делу автора применима концепция опасности, установленная в ст. 123 Уголовного кодекса, с тем чтобы продлить срок давности по этому преступлению на одну треть, не приняв во внимание возраст автора, состояние его здоровья и тот факт, что он никогда не скрывался от правосудия (п. 9.4 Решения).

Комитет принимает к сведению утверждения государства-участника по поводу того, что судебное разбирательство по делу автора проводилось независимыми и беспристрастными судами с соблюдением всех правовых гарантий; что суды

сделали вывод об уголовной ответственности автора после изучения и оценки всех доказательств, свидетельствующих о его виновности, и что показания, полученные в ходе уголовного преследования по делу об убийстве при отягчающих обстоятельствах, указывают на высокую степень опасности автора, которая оправдывает продление срока давности согласно ст. 123 Уголовного кодекса. Кроме того, судебное решение о том, чтобы начать отсчет срока давности с 1 марта 1985 г., не было произвольным, и показания, полученные в судах, свидетельствуют о том, что автор несет ответственность за грубые и систематические нарушения прав человека, такие как насильственные исчезновения, пытки, внесудебные казни, произвольные и незаконные задержания, совершавшиеся в государстве-участнике в условиях гражданско-военной диктатуры в 1973—1985 гг. (п. 9.5 Решения).

Комитет изучил материалы, представленные автором, в том числе решение Суда от 26 марта 2009 г. № 19, решение Апелляционного суда от 4 февраля 2010 г. и решение Верховного суда от 6 мая 2011 г., и считает, что упомянутые документы не доказывают, что судебное разбирательство по делу автора отличалось подобными недостатками. Комитет отмечает также, что определение в качестве точки отсчета срока давности 1 марта 1985 г. не было произвольным, поскольку оно согласовывалось с тем, что в этот день в государстве-участнике был восстановлен демократический режим, с тем, что до этой даты судебные власти на практике не располагали полными гарантиями и свободами для осуществления уголовного преследования, и с тяжестью рассматриваемых деяний, которые могут быть приравнены к серьезным нарушениям прав человека, признанным в Пакте и других международных договорах. Таким образом, Комитет считает, что судебное разбирательство по уголовному делу автора не нарушило его прав в соответствии с п. 1 ст. 14 Пакта (п. 9.6 Решения).

Вывод Комитета. Комитет считает, что представленные ему факты не свидетельствуют о нарушении каких-либо положений Пакта (п. 10 Решения).

Сообщение: Юбой Кумари Катвал против Непала. Сообщение № 2000/2010. Соображения приняты Комитетом по правам человека 1 апреля 2015 г.

Тема сообщения: насильственное исчезновение; право на жизнь.

Вопросы существа: право на жизнь; запрещение пыток и жестокого и бесчеловечного обращения; право на свободу и личную неприкосновенность; уважение достоинства, присущего человеческой личности; право на признание правосубъектности; право на эффективное средство правовой защиты.

Правовые позиции Комитета. Комитет считает, что, хотя термин “насильственное исчезновение” конкретно не фигурирует ни в одной из статей Пакта, насильственное исчезновение составляет уникальную серию связанных деяний, представляющих собой длящееся нарушение различных прав, закрепленных в этом договоре (п. 11.3 Соображений).

Комитет признает степень мучительных страданий человека, находившегося неопределенное время без связи с внешним миром. Комитет напоминает о своем Замечании общего порядка № 20 (1992) по ст. 7, в котором он рекомендует государствам-участникам принимать меры в целях запрещения содержания под стражей без свя-

зи с внешним миром. В данном случае с учетом выводов Верховного суда Комитет приходит к заключению, что пытки, которым подвергся супруг автора, и его содержание без связи с внешним миром являются нарушением ст. 7 Пакта. Придя к такому заключению, Комитет не считает необходимым отдельно рассматривать утверждения автора по п. 10 Пакта (п. 11.6 Соображений).

В связи с утверждениями автора, касающимися ст. 16 Пакта, Комитет вновь обращает внимание на свою сложившуюся правовую практику, в рамках которой умышленное непредставление какому-либо лицу защиты закона в течение длительного времени может означать отказ в признании правосубъектности данного лица, если жертва находилась в руках представителей государства, когда ее видели в последний раз, и если для родственников жертвы создаются систематические препятствия в получении доступа к потенциально эффективным средствам правовой защиты, в том числе к судебным¹ (п. 11.9 Соображений).

Комитет вновь указывает на то значение, которое он придает учреждению государствами-участниками надлежащих судебных и административных механизмов для рассмотрения утверждений о нарушениях прав в рамках внутреннего законодательства. Он ссылается на свое Замечание общего порядка № 31, в котором указывается, что отказ государства-участника от проведения расследования предполагаемых нарушений сам по себе может стать причиной отдельного нарушения Пакта (п. 11.10 Соображений).

Оценка Комитетом фактических обстоятельств дела. Комитет принимает к сведению оставшиеся не опровергнутыми утверждения автора о том, что г-н Катвал исчез 13 декабря 2001 г., когда он был направлен в военные казармы района Охалдунга; что, по словам свидетелей, видевших, как утроем 14 декабря 2001 г. сотрудники силовых структур тащили его окровавленного, очевидно, находившегося в бессознательном состоянии, там его жестоко пытали; что до 2007 года не было ничего известно о его судьбе; что в этот период власти не сообщали автору правду о месте нахождения ее супруга. При отсутствии какой-либо иной существенной информации по данному делу Комитет считает, что лишение г-на Катвала свободы и последующее нежелание властей признать этот факт и сообщить правду о его судьбе представляют собой насильственное исчезновение (п. 11.2 Соображений).

Комитет отмечает утверждения автора о том, что ее супруг был арестован представителями вооруженных сил государства-участника и содержался под стражей без связи с внешним миром с момента ареста до его предполагаемой смерти; что, хотя его в последний раз видели в декабре 2001 г., до 2007 года не было проведено никакого официального расследования. Комитет отмечает также, что созданная в 2006 году Верховным судом следственная группа по делам заключенных подтвердила, что г-на Катвала пытали сотрудники силовых структур и что он скончался от пыток 16 декабря 2001 г. Комитет отмечает далее, что тело г-на Катвала так и не было возвращено его семье (п. 11.4 Соображений).

Государство-участник указало, что уголовное расследование по делу г-на Катвала продолжает-

ся. Однако Комитет отмечает, что государство-участник не предоставило достаточно информации, подтверждающей, что такое уголовное расследование действительно ведется и что оно является эффективным. Спустя 13 лет после событий, о которых идет речь в данном деле, обстоятельства смерти г-на Катвала полностью не раскрыты и виновные не привлечены к ответу, хотя их имена, как утверждается, указаны в докладе следственной группы по делам заключенных. Более того, Верховный суд пришел к выводу о том, что г-н Катвал погиб от пыток, которые применяли к нему военнослужащие. Таким образом, Комитет считает, что убийство г-на Катвала в то время, когда он находился в руках военнослужащих, и отсутствие эффективного расследования со стороны государства-участника представляют собой нарушение права г-на Катвала на жизнь, предусмотренного в ст. 6 Пакта (п. 11.5 Соображений).

Комитет принимает к сведению те страдания, которые пережила автор вследствие исчезновения своего супруга, неполучение ею адекватного возмещения от государства-участника, ее утверждения об угрозах в свой адрес и неправомерном обращении с ней, введение ее властями в заблуждение относительно места нахождения ее супруга, а также тот факт, что она по-прежнему не может получить доступ к его останкам. Комитет считает, что материалы дела свидетельствуют о нарушении ст. 7 Пакта в отношении автора сообщения (п. 11.7 Соображений).

В рассматриваемом деле до 2007 года власти неоднократно сообщали родственникам г-на Катвала вводящую в заблуждение информацию о его судьбе, делая невозможным его поиск. Не получив от государства-участника никаких комментариев на этот счет, Комитет считает, что насильственное исчезновение г-на Катвала лишило его защиты закона с момента его ареста в нарушение ст. 16 Пакта (п. 11.9 Соображений).

Комитет принимает к сведению жалобу, поданную в соответствии с пп. 1—4 ст. 9 Пакта автором, которая указывает на отсутствие доказательств того, что ее супруг, который был арестован и помещен под стражу сотрудниками силовых структур, был уведомлен о причинах и основаниях его ареста и был доставлен к судье с тем, чтобы иметь возможность оспорить законность задержания. При отсутствии конкретной информации от государства-участника на этот счет к утверждениям автора необходимо отнестись с должным доверием. Соответственно, арест и задержание супруга автора являются нарушением ст. 9 Пакта (п. 11.10 Соображений).

Факты рассматриваемого дела свидетельствуют о том, что во время содержания под стражей г-н Катвал не имел доступа к эффективным средствам правовой защиты. После исчезновения супруга автор в процессе его поиска неоднократно обращалась к органам власти разных городов, получая от них вводящую в заблуждение информацию о его месте нахождения и его судьбе. Спустя 13 лет после ареста г-на Катвала, несмотря на усилия автора и постановление Верховного суда о возбуждении уголовного расследования, государство-участник так и не провело тщательного и эффективного расследования для выяснения точных обстоятельств его исчезновения и возможной гибели, а также для привлечения виновных к ответственности. Кроме того, выплаченные автору в качестве компенсации 300 тыс. непальских рупий не могут считаться адекватным возмещением, соразмерным тяжести совершенных нарушений. Соответственно, Комитет считает, что представ-

¹См. сообщения № 2051/2011, *Баснет против Непала*, Соображения, принятые 29 октября 2014 г., п. 8.7; № 2031/2011, *Бхандари против Непала*, Соображения, принятые 29 октября 2014 г., п. 8.8; № 1495/2006, *Мадуи против Алжира*, Соображения, принятые 28 октября 2008 г., п. 7.7; № 1905/2009, *Хирани против Алжира*, Соображения, принятые 26 марта 2012 г., п. 7.9.

ленные ему факты свидетельствуют о нарушении п. 3 ст. 2 в сочетании со ст.ст. 6, 7, пп. 1—4 ст. 9 и ст. 16 в отношении г-на Катвала и п. 3 ст. 2 в сочетании со ст. 7 в отношении самого автора сообщения (п. 11.11 Соображений).

Выводы Комитета. Комитет считает, что предоставленная ему информация указывает на нарушение государством-участником ст.ст. 6, 7, пп. 1—4 ст. 9, ст. 16, а также п. 3 ст. 2 в сочетании со ст.ст. 6, 7, пп. 1—4 ст. 9 и ст. 16 Пакта в отношении г-на Катвала, а также ст. 7 и п. 3 ст. 2 в сочетании со ст. 7 Пакта в отношении самого автора (п. 12 Соображений).

В соответствии с п. 3 ст. 2 Пакта государство-участник обязано предоставить автору эффективное средство правовой защиты, в том числе: а) провести тщательное и эффективное расследование, с тем чтобы найти останки г-на Катвала и вернуть их семье; б) привлечь к ответственности, предать суду и наказать виновных в лишении свободы, пытках и насильственном исчезновении г-на Катвала, а также обнародовать эту информацию; с) обеспечить автору в связи с совершенными в отношении нее нарушениями эффективное возмещение ущерба, в том числе адекватную компенсацию и соответствующие меры сатисфакции. Государство-участник обязано также принять меры к тому, чтобы не допустить повторения подобных нарушений в будущем. В связи с этим государство-участнику следует обеспечить, чтобы его законодательство позволяло привлекать к уголовной ответственности за действия, которые представляют собой нарушение Пакта (п. 13 Соображений).

Сообщение: *Василий Юзепчук против Республики Беларусь.* Сообщение № 2000/2010. Соображения приняты Комитетом по правам человека 1 апреля 2015 г.

Тема сообщения: пытки; вынесение смертного приговора после несправедливого судебного разбирательства.

Вопросы существа: пытки и жестокое обращение; заключение под стражу; произвольное лишение свободы; право быть в срочном порядке доставленным к суду; право на справедливое разбирательство дела независимым и беспристрастным судом; право на презумпцию невиновности; право не подвергаться принуждению к даче показаний против самого себя или к признанию себя виновным; право на равную защиту закона без дискриминации.

Правовые позиции Комитета. Комитет напоминает, что после подачи жалобы на жестокое обращение, противоречащее ст. 7 Пакта, государство-участник должно провести незамедлительное беспристрастное расследование¹. Он далее напоминает, что гарантии, изложенные в п. 3 g) ст. 14 Пакта, должны пониматься в терминах отсутствия любого прямого или косвенного физического или ненадлежащего психологического давления со стороны следственных органов на обвиняемого в целях получения признания вины² (п. 8.2 Соображений).

Смысл термина “в срочном порядке” в п. 3 ст. 9 Пакта должен определяться в каждом случае отдельно. Комитет напоминает о своем Замеча-

нии общего порядка № 8 (1982) о праве на свободу и личную неприкосновенность и о своей правовой практике, в соответствии с которыми задержки не должны превышать несколько дней³. Комитет далее напоминает, что в контексте рассмотрения докладов государств-участников, представленных в соответствии со ст. 40 Пакта, он неоднократно рекомендовал, чтобы период содержания под стражей до доставки лица к суду не превышал 48 часов⁴. Для соблюдения положений п. 3 ст. 9 Пакта любое превышение этого срока требует особого обоснования⁵, поэтому Комитет считает, что задержка продолжительностью почти год и три месяца до того, как автор был доставлен к суду, несовместима с требованиями срочности, установленными в п. 3 ст. 9 Пакта. Таким образом, права автора, согласно положениям п. 3 ст. 9, были нарушены (п. 8.3 Соображений).

Комитет ссылается на свое Замечание общего порядка № 32 (2007) о праве на равенство перед судами и трибуналами и на справедливый суд, в соответствии с которым право на обеспечение присутствия свидетелей, обвиняемых или их адвокатов не является неограниченным, однако должна быть предоставлена “надлежащая возможность опросить и оспорить заявления показывающих против них свидетелей на одной из стадии судопроизводства” (п. 8.4 Соображений).

Комитет ссылается на свое Замечание общего порядка № 6 (1982) о праве на жизнь, в котором он отметил, что смертный приговор может быть вынесен только в соответствии с законом и с соблюдением положений Пакта, а это предполагает, что “предусмотренные в нем гарантии процедурного характера должны соблюдаться, включая право на справедливое судебное разбирательство независимым судом, презумпцию невиновности, минимальные гарантии защиты и право на пересмотр судом высшей инстанции”⁶. Комитет напоминает о своей практике, согласно которой вынесение смертного приговора по окончании судебного разбирательства, в котором не были соблюдены положения ст. 14 Пакта, представляет собой нарушение ст. 6 Пакта⁷. В свете выводов Комитета о нарушении положений пп. 1 и 3 e) и g) ст. 14 Пакта он приходит к выводу о том, что

³Комитет пришел к выводу, что в отсутствие каких-либо разъяснений государства-участника трехдневная задержка в доставлении лица к суду не удовлетворяет требования срочности по смыслу п. 3 ст. 9 (см. сообщение № 852/1999, *Борисенко против Венгрии*, Соображения, принятые 14 октября 2002 г., п. 7.4). См. также *Ковалева и Козяр против Беларуси*, п. 11.3; а также сообщение № 1787/2008, *Кови против Беларуси*, Соображения, принятые 27 марта 2013 г., пп. 7.3—7.5.

⁴См., например, CCPR/CO/69/KWT, п. 12; CCPR/C/79/Add.89, п. 17; CCPR/C/SLV/CO/6, п. 14; CCPR/CO/70/GAB, п. 13.

⁵См. *Борисенко против Венгрии*, п. 7.4. См. также Основные принципы, касающиеся роли юристов, принятые на восьмом Конгрессе Организации Объединенных Наций по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями, Гавана, 27 августа — 7 сентября 1990 г., принцип 7.

⁶См. также сообщение № 253/1987, *Келли против Ямайки*, Соображения, принятые 8 апреля 1991 г., п. 5.14.

⁷См. Замечание общего порядка № 32, п. 59; а также сообщения № 719/1996, *Леви против Ямайки*, Соображения, принятые 3 ноября 1998 г., п. 7.3; № 1096/2002, *Курбанов против Таджикистана*, Соображения, принятые 6 ноября 2003 г., п. 7.7; № 1044/2002, *Шукурова против Таджикистана*, Соображения, принятые 17 марта 2006 г., п. 8.6; № 1276/2004, *Идиева против Таджикистана*, Соображения, принятые 31 марта 2009 г., п. 9.7; № 1304/2004, *Хорошенко против Российской Федерации*, Соображения, принятые 29 марта 2011 г., п. 9.11, а также № 1545/2007, *Гуан против Кыргызстана*, Соображения, принятые 25 июля 2011 г., п. 6.5.

¹См. Замечание общего порядка № 20 (1992) о запрещении пыток или жестокого, бесчеловечного или унижающего достоинство обращения и наказания, п. 14.

²См., например, Замечание общего порядка № 32 (2007) о праве на равенство перед судами и трибуналами и на справедливый суд, п. 41; а также сообщения № 330/1988, *Берри против Ямайки*, Соображения, принятые 4 июля 1994 г., п. 11.7; № 1033/2001, *Сингараса против Шри-Ланки*, Соображения, принятые 21 июля 2004 г., п. 7.4; № 1769/2008, *Исмаилов против Узбекистана*, Соображения, принятые 25 марта 2011 г., п. 7.6.

вынесение г-ну Юзепчуку смертного приговора и приведение его в исполнение не отвечали требованиям ст. 14 Пакта и в результате этого его право на жизнь согласно ст. 6 Пакта было нарушено (п. 8.6 Соображений).

Оценка Комитетом фактических обстоятельств дела. Комитет принимает к сведению утверждения автора в соответствии со ст.ст. 7 и 14 Пакта о том, что он подвергался физическому и психологическому давлению, направленному на то, чтобы вынудить его признать свою вину, и что его признание впоследствии послужило основанием его осуждения. Комитет также отмечает, что эти утверждения не были опровергнуты государством-участником. Комитет отмечает, что, несмотря на многочисленные утверждения автора о том, что ему не давали еды, длительное время держали в одиночной камере и давали неизвестные таблетки и алкоголь, государство-участник не предоставило какой-либо информации, демонстрирующей проведение действенного расследования этих конкретных утверждений. В этих обстоятельствах утверждения автора должны придаваться должный вес. Соответственно, Комитет приходит к выводу, что представленные ему факты обнаруживают нарушение прав автора в соответствии со ст.ст. 7 и 14 Пакта¹ (п. 8.2 Соображений).

Что касается того утверждения автора, что он был арестован 9 января 2008 г., однако не был доставлен в суд для принятия решения о его содержании под стражей до 8 апреля 2009 г., почти через год и три месяца после его ареста, Комитет отмечает, что государство-участник не рассмотрело это утверждение (п. 8.3 Соображений).

Комитет далее отмечает утверждения автора о том, что он не мог провести перекрестный допрос ключевых свидетелей в ходе судебных заседаний и что в общей сложности около 30 свидетелей, выставленных как защитой, так и обвинением, не явились для дачи показаний. Автор далее утверждает, что он не смог допросить своего брата С.Л., который был допрошен в ходе досудебного следствия, однако не явился в суд, поэтому автор не смог провести перекрестный допрос и этого свидетеля. Автор далее утверждает, что один из свидетелей мог бы представить, если бы он давал показания, доказательства его невиновности. Как считает Комитет, то, что один из ключевых свидетелей, С.Л., не присутствовал в ходе судебного заседания для проведения перекрестного допроса и что на судебные заседания не явились 30 других свидетелей, отрицательно повлияло на справедливость разбирательства по делу автора. В этих обстоятельствах в отсутствие какого-либо ответа со стороны государства-участника Комитет считает, что представленные ему факты обнаруживают нарушение положений п. 3 е) ст. 14 Пакта (п. 8.4 Соображений).

Комитет отмечает то утверждение автора, что были нарушены его права согласно п. 1 ст. 14 Пакта. Он также отмечает, что это утверждение не было опровергнуто государством-участником. В свете выводов Комитета о том, что государство-участник не обеспечило гарантий справедливого судебного разбирательства в соответствии с п. 3 е) и г) ст. 14 Пакта, Комитет считает, что судебное разбирательство дела г-на Юзепчука было

проведено с нарушениями, которые в целом сводятся к нарушению п. 1 ст. 14 Пакта (п. 8.5 Соображений).

Автор далее жалуется на нарушение его права на жизнь в соответствии со ст. 6 Пакта, поскольку он был приговорен к смертной казни после несправедливого суда. Комитет отмечает, что в связи с п. 2 ст. 6 Пакта государство-участник утверждает, что г-н Юзепчук был приговорен к смертной казни за совершение тяжких преступлений после вынесения судебного решения в соответствии с Конституцией, Уголовным кодексом и Уголовно-процессуальным кодексом Беларуси и что вынесение смертного приговора не противоречит Пакту (п. 8.6 Соображений).

Выводы Комитета. Комитет считает, что представленные ему факты свидетельствуют о нарушении прав г-на Юзепчука согласно ст.ст. 6, 7, п. 3 ст. 9 и пп. 1 и 3 е) и г) ст. 14 Пакта. Государство-участник также нарушило свои обязательства по ст. 1 Факультативного протокола к Пакту (п. 9 Соображений).

В соответствии с п. 3 а) ст. 2 Пакта государство-участник обязано предоставить надлежащую денежную компенсацию семье автора в связи с его смертью, включая возмещение расходов на юридические услуги. Государство-участник также обязано не допускать подобных нарушений в будущем и в свете своих обязательств по Факультативному протоколу добросовестно сотрудничать с Комитетом, в частности, в том, что касается выполнения просьб Комитета о принятии временных мер (п. 10 Соображений).

Сообщение: *Ольга Козулина против Республики Беларусь.* Сообщение № 2000/2010. Соображения приняты Комитетом по правам человека 1 апреля 2015 г.

Тема сообщения: жестокое обращение, произвольный арест; условия содержания под стражей; презумпция невиновности; гарантии справедливого суда; право на защиту; свобода собраний.

Вопросы существа: свобода и безопасность человека; условия содержания под стражей; справедливый суд; право на участие в мирных собраниях.

Правовые позиции Комитета. Комитет напоминает, что государство-участник несет ответственность за безопасность любого лица, которое оно поместило под стражу, и что в тех случаях, когда какое-либо лицо заявляет, что во время содержания под стражей ему были причинены телесные повреждения, именно государство-участник должно представить доказательства, опровергающие эти утверждения². Кроме того, в случае подачи жалобы на жестокое обращение в нарушение ст. 7 Пакта государство-участник должно незамедлительно провести беспристрастное расследование³. Комитет считает, что, учитывая представления государства-участника и решения его судов, а также ограниченный объем информации и документов, представленных автором, и, в частности, ограниченный объем информации, касающейся расследований, проводившихся государством-участником, он не может заключить, что обращение властей государства-участника с г-ном Козулиным, будь то 2 марта 2006 г. или 25 марта 2006 г., противоречило положениям ст. 7 Пакта (п. 9.3 Решения).

¹См., например, Замечание общего порядка № 32, п. 60, а также сообщения № 1401/2005, *Кирпо против Таджикистана*, Соображения, принятые 27 октября 2009 г., п. 6.3; № 1545/2007, *Гуан против Кыргызстана*, Соображения, принятые 25 июля 2011 г., п. 6.2.

²Сообщение № 1412/2005, *Бутовенко против Украины*, Соображения, принятые 19 июля 2011 г., п. 7.5.

³См. Замечание общего порядка № 20 Комитета, п. 14, и, например, сообщение № 1589/2007, *Гапирджанов против Узбекистана*, Соображения, принятые 18 марта 2010 г., п. 8.3.

Комитет напоминает, что решение о заключении под стражу до суда должно приниматься в каждом конкретном случае с учетом того, насколько это необходимо и целесообразно в данных обстоятельствах, в том числе в целях предупреждения побега, недопущения вмешательства в процесс сбора доказательств или предотвращения нового преступления, и что суды должны в каждом конкретном случае определять, существуют ли альтернативы заключению под стражу до суда, делающие эту меру пресечения излишней¹ (п. 9.7 Решения).

Комитет напоминает, что презумпция невиновности, имеющая основополагающее значение для защиты прав человека, означает, что бремя доказывания лежит на стороне обвинения, что вина должна быть безоговорочно доказана и не может быть вменена, что всякие сомнения должны толковаться в пользу обвиняемого и что с лицами, обвиняемыми в совершении уголовных преступлений, следует обращаться в соответствии с этим принципом. Все государственные органы обязаны воздерживаться от любых действий или заявлений, предвещающих исход судебного разбирательства, в том числе от публичных заявлений о виновности обвиняемого². Во время судебных разбирательств подсудимые, как правило, не должны быть в наручниках или находиться за решеткой, или иным образом представлять в суде в облиии, указывающем на то, что они могут быть опасными преступниками³. Способ подачи новостей в средствах массовой информации также не должен подрывать принцип презумпции невиновности⁴ (п. 9.8 Решения).

Оценка Комитетом фактических обстоятельств дела. Автор утверждает, что 2 и 26 марта 2006 г. ее отец был избит и подвергся иному жестокому обращению со стороны сотрудников милиции и представителей сил специального назначения, когда он соответственно пытался зарегистрироваться делегатом Всебелорусского народного собрания и участвовал в митинге в поддержку арестованных участников протестных акций. Она сообщает, что 3 марта 2006 г. ее отец был осмотрен врачом, который обнаружил на его теле ссадины и кровоподтеки. Она утверждает, что все жалобы, поданные в связи с этим от имени ее отца, были отклонены и что в суде сотрудники правоохранительных органов заявили, что он сам нанес себе телесные повреждения. Комитет отмечает, что государство-участник отвергло утверждения автора как бесосновательные, заявив, что сотрудники милиции и бойцы спецподразделения применили физическую силу в отношении г-на Козулина законно, поскольку он отказался выполнять их требования⁵. Государство-участ-

ник также сообщило, что эти утверждения были проверены его компетентными органами и не нашли подтверждения (п. 9.2 Решения).

По тем же причинам Комитет не может заключить, что обстоятельства ареста г-на Козулина свидетельствуют о нарушении его права на мирные собрания согласно ст. 21 Пакта (п. 9.4 Решения).

Комитет принимает к сведению утверждения автора, касающиеся условий, в которых содержался г-н Козулин после вынесения приговора. Комитет отмечает, что, хотя государство-участник отвергает некоторые из этих утверждений, оно признает, что администрация колонии отказала г-ну Козулину в доступе к его адвокату и независимым врачам, несмотря на его просьбы, во время его 53-дневной голодовки, когда он особенно нуждался в их помощи. Государство-участник утверждает, что это было связано с состоянием его здоровья, однако не приводит никаких аргументов или фактов в подтверждение этого. С учетом конкретных обстоятельств данного дела Комитет считает, что администрация колонии не обеспечила гуманного обращения с г-ном Козулиным, и в связи с этим заключает, что государство-участник нарушило ст. 10 Пакта (п. 9.5 Решения).

Автор утверждает также, что арест г-на Козулина 25 марта 2006 г. был незаконным, что его семье было сообщено о его местонахождении лишь по прошествии 19 час. с момента его ареста вместо положенных по закону 12 час. и что его заключение под стражу до суда было неоправданным и было санкционировано прокурором, тогда как судья подтвердил законность избранной ему меры пресечения лишь спустя 18 дней, что является нарушением пп. 1 и 3 ст. 9 Пакта. Комитет отмечает, что государство-участник сообщило, что 12 апреля 2006 г. суд Центрального района г. Минска подтвердил законность ареста г-на Козулина 25 марта 2006 г., и что оно считает упомянутые выше утверждения автора бесосновательными (п. 9.6 Решения).

Комитет отмечает, что государство-участник не разъяснило, почему в свете обстоятельств данного дела было необходимо содержать г-на Козулина под стражей до и во время суда. Комитет отмечает также, что г-н Козулин был помещен под стражу 25 марта 2006 г. по решению прокурора и что законность этого решения суд подтвердил лишь 12 апреля 2006 г. Комитет ссылается на свои предыдущие решения, в которых говорится, что согласно п. 3 ст. 9 Пакта задержанное лицо, обвиняемое в совершении уголовного преступления, должно быть в срочном порядке доставлено к судье и имеет право на судебный контроль за законностью его заключения под стражу⁶. Надлежащее осуществление судебной власти предполагает ее осуществление независимым, объективным и беспристрастным в части рассматриваемых вопросов органом. Комитет не уверен, что государственного прокурора можно считать должностным лицом, которому присущи институциональная объективность и беспристрастность и которое поэтому правомочно осуществ-

¹См. сообщения № 1369/2010, *Кулов против Кыргызстана*, Сообщения, принятые 26 июля 2010 г., п. 8.3; № 1940/2010, *Седень против Боливарианской Республики Венесуэла*, Сообщения, принятые 29 октября 2012 г., п. 7.10; № 1178/2003, *Смачнер против Беларуси*, Сообщения, принятые 23 октября 2008 г., п. 10.3.

²См. Замечание общего порядка № 32 (2007) Комитета о праве на равенство перед судами и трибуналами и на справедливое судебное разбирательство, п. 30.

³Там же, п. 30; сообщения № 1405/2005, *Пустовойт против Украины*, Сообщения, принятые 20 марта 2014 г., пп. 9.2 и 9.3; № 2120/2011, *Ковалева и Козяр против Беларуси*, Сообщения, принятые 29 октября 2012 г., п. 11.4.

⁴См. Замечание общего порядка № 32 (2007) Комитета о праве на равенство перед судами и трибуналами и на справедливое судебное разбирательство.

⁵См. пп. 4.35—4.40.

⁶См., например, сообщения № 521/1992, *Куломин против Венгрии*, Сообщения, принятые 22 марта 1996 г., п. 11.3; № 1218/2003, *Платонов против Российской Федерации*, Сообщения, принятые 1 ноября 2005 г., п. 7.2; № 1348/2005, *Ашуров против Таджикистана*, Сообщения, принятые 20 марта 2007 г., п. 6.5; № 1769/2008, *Исмаилов против Узбекистана*, Сообщения, принятые 25 марта 2011 г., п. 7.3; № 1787/2008, *Ковш против Беларуси*, Сообщения, принятые 27 марта 2013 г., п. 7.3.

лять судебную власть по смыслу п. 3 ст. 9. В связи с этим Комитет заключает, что представленные факты свидетельствуют о нарушении пп. 1 и 3 ст. 9 Пакта (п. 9.7 Решения).

Автор утверждает, что во время суда ее отец находился за решеткой и поэтому не мог свободно общаться со своими адвокатами и что было нарушено его право на презумпцию невиновности, поскольку сразу после его ареста министр внутренних дел, выступая по государственному телевидению, назвал его преступником и аналогичное заявление в тот же день сделала Генеральная прокуратура. Государство-участник затронуло эти вопросы лишь вскользь, ограничившись заявлением о том, что в ходе судебного разбирательства права г-на Козулина на защиту не нарушались. С учетом изложенного и ввиду отсутствия в материалах дела какой-либо иной соответствующей информации Комитету не остается ничего иного как с должным вниманием отнестись к утверждениям автора, поэтому он заключает, что представленные ему факты свидетельствуют о нарушении права г-на Козулина на справедливый суд согласно пп. 1 и 2 ст. 14 Пакта. Придя к такому заключению, Комитет постановляет отдельно не рассматривать остальные утверждения автора, касающиеся нарушения пп. 1 и 3 б) ст. 14 Пакта (п. 9.8 Решения).

Выводы Комитета. Комитет считает, что государство-участник нарушило права г-на Козулина, предусмотренные пп. 1 и 3 ст. 9, ст. 10 и пп. 1 и 2 ст. 14 Международного пакта о гражданских и политических правах (п. 10 Решения).

В соответствии с п. 3 а) ст. 2 Пакта государство-участник обязано обеспечить эффективное восстановление г-на Козулина в правах, в том числе предоставить ему надлежащую компенсацию за установленные нарушения и возместить ему любые понесенные им расходы на юридические услуги. Кроме того, государство-участник обязано не допускать подобных нарушений в будущем (п. 11 Решения).

Сообщение: *Сапардурда Хаджиев против Туркменистана.* Сообщение № 2079/2011. Соображения приняты Комитетом 1 апреля 2015 г.

Тема сообщения: хабеас корпус; несправедливый суд; пытки.

Вопросы существа: произвольное задержание; право на справедливый суд; запрещение пыток, жестокого и унижающего человеческое достоинство обращения; защита от незаконного вмешательства в частную жизнь.

Правовые позиции Комитета. Комитет напоминает, что бремя доказывания не может лежать исключительно на авторе сообщения, особенно с учетом того, что автор и государство-участник не всегда имеют равный доступ к доказательствам и что зачастую только государство-участник располагает соответствующей информацией¹. Из п. 2 ст. 4 Факультативного протокола вытекает, что государство-участник обязано добросовестно расследовать все утверждения о нарушениях Пакта, совершенных им самим или его представителями, и предоставить Комитету имеющуюся у него информацию. В тех случаях, когда утверждения автора подкреплены заслуживающими до-

верия доказательствами и когда для выяснения всех обстоятельств дела необходима дополнительная информация, которой располагает только государство-участник, Комитет может счесть утверждения автора обоснованными, если государство-участник не представит удовлетворительных разъяснений или доказательств обратного² (п. 8.3 Соображений).

Комитет напоминает далее, что государство-участник отвечает за безопасность любого лица, содержащегося под стражей, и что в случае поступления жалоб на пытки и плохое обращение именно оно должно представить доказательства, опровергающие утверждения автора. Кроме того, в случае жалоб на плохое обращение в нарушение положений ст. 7 Пакта государство-участник обязано оперативно и беспристрастно их расследовать. Если в результате расследования будут выявлены нарушения тех или иных прав, предусмотренных Пактом, государство-участник должно принять меры к привлечению к ответственности виновных³ (п. 8.4 Соображений).

Комитет ссылается на свои предыдущие решения, в которых говорится о том, что заключенным должно быть разрешено при соответствующем контроле на регулярной основе и без постороннего вмешательства переписываться со своими семьями и друзьями с хорошей репутацией⁴, как того требуют Минимальные стандартные правила обращения с заключенными⁵, согласно которым заключенные должны иметь возможность общаться “как в порядке переписки, так и в ходе посещений” (правило 37) (п. 8.8 Соображений).

Оценка Комитетом фактических обстоятельств дела. Комитет принимает к сведению заявления автора о пытках и унижениях, которым он подвергался после ареста, а также его утверждение о том, что на него и его адвоката оказывалось давление с целью заставить его сознаться в преступлении, которое он не совершал. Он отмечает, что государство-участник не представило конкретных замечаний, касающихся заявлений автора о пытках и унижениях, и лишь сообщило, не представив никакой другой информации или доказательств, что факты жестокого обращения с автором не подтвердились (п. 8.2 Соображений).

Комитет также отмечает, что, несмотря на его неоднократные просьбы, государство-участник так и не представило документов, имеющих отношение к тому, о чем говорится в сообщении. Государство-участник не представило никакой информации о том, расследовались ли властями, будь то в ходе следствия по уголовному делу или в контексте данного сообщения, утверждения автора, касающиеся жестокого обращения с ним с

²См., в частности, сообщение № 1776/2008, *Башаша и Башаша против Ливийской Арабской Джамахирии*, Соображения, принятые 20 октября 2010 г., п. 7.2.

³См., в частности, сообщение № 1225/2003, *Эионов против Российской Федерации*, Соображения, принятые 22 июля 2010 г., п. 9.8; и Комитет по правам человека, Замечание общего порядка № 31 (2004) о характере общего юридического обязательства, налагаемого на государства — участники Пакта, п. 18.

⁴См. сообщение № 74/1980, *Эстрелья против Уругвая*, Соображения, принятые 29 марта 1983 г., п. 9.2.

⁵Минимальные стандартные правила обращения с заключенными, принятые первым Конгрессом Организации Объединенных Наций по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями, проходившим в Женеве (Швейцария) в 1955 году, и одобренные Экономическим и Социальным Советом в его резолюциях 663 С (XXIV) от 31 июля 1957 г. и 2076 (LXII) от 13 мая 1977 г.

¹Сообщения № 1422/2005, *Эль Хасси против Ливийской Арабской Джамахирии*, Соображения, принятые 24 октября 2007 г., п. 6.7; № 1297/2004, *Меджнун против Алжира*, Соображения, принятые 14 июля 2006 г., п. 8.3, и № 1804/2008, *Иль Хвильди против Ливии*, Соображения, принятые 1 ноября 2012 г., п. 7.2.

целью принудить его к даче признательных показаний. Кроме того, государство-участник не предоставило Комитету протоколов судебных заседаний и копий жалоб автора в прокуратуру и городской суд Ашхабада, хотя Комитет конкретно просил его об этом. В этих обстоятельствах и в отсутствие информации о проведении какого-либо “оперативного и беспристрастного” расследования в связи с заявлениями автора о пытках Комитет постановляет с должным вниманием отнестись к утверждениям автора, подкрепленным достаточными доказательствами (п. 8.5 Соображений).

Комитет далее принимает к сведению заявления автора о том, что было нарушено также его право, предусмотренное п. 1 ст. 9 Пакта, поскольку в течение трех дней, с 16 по 18 июня 2006 г., его незаконно содержали под стражей в нарушение положений Уголовно-процессуального кодекса Туркменистана. До 18 июня 2006 г. он не имел возможности оспорить законность своего задержания или сообщить родственникам о своем местонахождении. В отсутствие каких-либо разъяснений со стороны государства-участника Комитет постановляет с должным вниманием отнестись к утверждениям автора, поэтому он заключает, что права автора согласно п. 1 ст. 9 были нарушены (п. 8.6 Соображений).

Комитет принимает к сведению заявления автора о том, что во время тюремного заключения он был лишен права на свидания с членами своей семьи и родственниками, а также на переписку с ними. Отмечая, что государство-участник конкретно не опровергло утверждений автора, касающихся нарушений его прав в течение первых двух лет его тюремного заключения, Комитет заключает, что факты, представленные автором, свидетельствуют о нарушении его прав согласно п. 1 ст. 17 Пакта (п. 8.8 Соображений).

Выводы Комитета. Комитет заключает, что представленные ему факты свидетельствуют о нарушении государством-участником ст. 7, п. 1 ст. 9, п. 3 г) ст. 14 и п. 1 ст. 17 Международного пакта о гражданских и политических правах (п. 9 Соображений).

В соответствии с п. 3 ст. 2 Пакта государство-участник обязано обеспечить эффективное восстановление в правах Сапардурды Хаджиева и, в частности: а) провести тщательное и эффективное расследование обстоятельств его задержания и последующего заключения в тюрьму; б) предоставить ему подробную информацию о результатах этого расследования; в) в случае подтверждения нарушений привлечь к ответственности виновных; д) предоставить надлежащее возмещение, включая выплату автору надлежащей компенсации за допущенные по отношению к нему нарушения. Государство-участник обязано также принять меры к недопущению подобных нарушений в будущем (п. 10 Соображений).

Комитет против пыток

Сообщение: *Х. против Российской Федерации.* Сообщение № 542/2013. Решение принято Комитетом против пыток (далее — Комитет) 8 мая 2015 г.

Тема сообщения: выдача заявителя в Узбекистан.

Вопрос существа: угроза подвергнуться пыткам по возвращении в страну происхождения.

Оценка Комитетом фактических обстоятельств дела. Комитет отмечает, что узбекские власти направили запрос об экстрадиции спустя 10 лет после того, как приговор в отношении заявителя

стал окончательным и обязательным к исполнению, причем в течение этого периода заявитель свободно проживал в Узбекистане, получил справку об отсутствии судимости, паспорт и выездную визу и совершил ряд беспрепятственных поездок в Российскую Федерацию. Он отмечает, что согласно имеющимся фактам запрос на экстрадицию был направлен непосредственно после того, как заявитель подал жалобу в Комитет по поводу экстрадиции его брата в Узбекистан, что в свете существования постоянной практики грубых, вопиющих и массовых нарушений прав человека в этой стране дает достаточные основания полагать, что после его экстрадиции заявителю угрожает предсказуемая, реальная и личная опасность применения пыток. Комитет считает, что в этих обстоятельствах государственные органы и суды государства-участника были обязаны надлежащим образом проверить все утверждения заявителя и оценить на основании национальных и международных норм потенциальную опасность применения пыток к заявителю. На основании имеющихся в деле материалов нельзя сделать вывод о том, что государственные органы, включая суды, провели надлежащую работу, чтобы отреагировать на выраженную заявителем обеспокоенность, связанную с запросом на экстрадицию с истекшим сроком давности, и дать оценку его личным обстоятельствам в контексте общей ситуации с правами человека в Узбекистане. В свете сказанного выше Комитет считает, что государственные органы государства-участника не выполнили свое обязательство надлежащим образом рассмотреть утверждение заявителя о том, что ему угрожает предсказуемая, реальная и личная опасность применения пыток после возвращения в Узбекистан (п. 11.8 Решения).

Вывод Комитета. С учетом обстоятельств данного дела решение об экстрадиции заявителя в Узбекистан является нарушением государством-участником своих обязательств в соответствии со ст. 3 Конвенции¹ (п. 11.8 Решения).

Сообщение: *Хильда Мариолин Эрнандес Кольменарес и Франсиско Артуро Герреро Санчес против Боливарианской Республики Венесуэла.* Сообщение № 456/2011. Решение принято Комитетом против пыток 15 мая 2015 г.

Тема сообщения: пытки и насильственное исчезновение жертвы в заключении.

Вопросы существа: пытки и жестокое, бесчеловечное или унижающее достоинство обращение; обязанность государства-участника принимать эффективные меры по предупреждению пыток; условия содержания под стражей и обращения с лицами, лишенными свободы, с тем чтобы не допускать каких-либо случаев пыток; обязательство по проведению быстрого и беспристрастного расследования; право на получение возмещения.

Правовые позиции Комитета. Комитет напоминает об особых обязательствах государств-участников в качестве гарантов по обеспечению соблюдения прав заключенных, предусмотренных Конвенцией, и предотвращения пыток², поскольку они находятся под жестким контролем со стороны тюремной администрации. Таким образом, государства-участники должны принимать необходимые меры по предотвращению

¹Конвенция против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания.

²См. Замечание общего порядка № 2 (2008) Комитета об осуществлении ст. 2 Конвенции государствами-участниками, п. 13.

применения пыток в отношении лиц, находящихся под их контролем¹. Комитет напоминает о том, что насильственное исчезновение сопряжено с многочисленными нарушениями прав человека и невыполнением со стороны государства-участника обязательств, закрепленных в Конвенции, и что оно само по себе представляет форму пыток или бесчеловечного обращения, противоречащих Конвенции², по отношению к исчезнувшему лицу или может представлять таковую для членов его семьи (п. 6.4 Решения).

Комитет напоминает, что на государства-участники возложено обязательство по проведению быстрых и беспристрастных расследований в тех случаях, когда имеются разумные основания полагать, что был совершен акт пытки³ (п. 6.8 Решения).

Оценка Комитетом фактических обстоятельств дела. Комитет принимает к сведению утверждения авторов о том, что после того, как неизвестное лицо сообщило им об убийстве г-на Герреро Лареса в Центральной тюрьме Венесуэлы (далее — ЦТВ), 8 сентября 2009 г. они посетили исправительное учреждение, однако не смогли не встретиться с г-ном Герреро Ларесом, ни получить каких бы то ни было сведений о его местонахождении. По мнению заявителей, дополнительные показания свидетелей свидетельствуют о том, что г-н Герреро Ларес подвергался преследованию со стороны группы заключенных ЦТВ, которые убили его, расчленили и похоронили на территории тюрьмы при попустительстве тюремной администрации и Боливарианской национальной гвардии. Несмотря на эту информацию, а также на тот факт, что авторы незамедлительно сообщили властям об исчезновении г-на Герреро Лареса, до сих пор не было проведено всеобъемлющее расследование возможного применения пыток по отношению к нему. Кроме того, не было принято эффективных и достаточных мер по установлению его местонахождения и судьбы. С другой стороны, Комитет принимает к сведению показания тюремной администрации в суде № 2, свидетельствующие о том, что г-н Герреро Ларес “бежал” (совершил побег) из ЦТВ, не объясняющие, однако, на каком основании был сделан такой вывод (п. 6.3 Решения).

Комитет принимает к сведению информацию о том, что 8 и 9 сентября 2009 г. авторы сообщили об исчезновении г-на Герреро Лареса директору ЦТВ и Боливарианской национальной гвардии. 1 и 13 октября 2009 г. авторы просили Генеральную прокуратуру и Управление Генеральной прокуратуры по вопросам основных прав человека соответственно провести расследование исчезновения их родственника во время отбывания наказания в ЦТВ и его возможного убийства заключенными тюрьмы, а также возможного участия в этом тюремной администрации и служащих Боливарианской национальной гвардии. В

связи с этим они отметили, что согласно показаниям других заключенных г-н Герреро Ларес подвергался преследованию со стороны группы заключенных в связи с тем, что он был осведомлен о незаконной деятельности этой группы при соучастии ряда должностных лиц. В соответствии с заявлением Генеральной прокуратуры в суде № 2 ведение расследования возможного насильственного исчезновения г-на Герреро Лареса было возложено на прокуратуру № 3 (п. 6.5 Решения).

В то же время Комитет отмечает, что согласно информации, содержащейся в материалах дела, не обнаружив г-на Герреро Лареса на территории ЦТВ, тюремная администрация ограничилась заявлением о том, что он бежал из исправительного учреждения, не предоставив никакой дополнительной информации или доказательств и не проведя всеобъемлющего расследования его возможного побега и конкретных обстоятельств, приведших к нему. Несмотря на представленные авторами ходатайства и постановление суда от 4 декабря 2009 г. № 2, судьба г-на Герреро Лареса до сих пор неизвестна; власти не представили какой-либо информации в отношении возможных мер, которые могли бы быть приняты в целях установления его местонахождения, и в случае смерти его останки не были возвращены членам его семьи. Кроме того, не было установлено, несет ли администрация ЦТВ или Боливарианская национальная гвардия какую-либо ответственность за произошедшее. В частности, не было принято никаких мер для того, чтобы выяснить, было ли исчезновение г-на Герреро Лареса связано с попытками наказать или запугать его в связи с тем, что он был осведомлен о предполагаемой незаконной деятельности группы заключенных при соучастии администрации, как заявил автор сообщения Управлению Генеральной прокуратуры по вопросам основных прав человека. В связи с отсутствием каких-либо опровержений со стороны государства-участника Комитет делает вывод о том, что г-н Герреро Ларес был лишен защиты со стороны закона с 7 сентября 2009 г., а также что его насильственное исчезновение в конкретных обстоятельствах настоящего дела представляет собой акт пытки по смыслу ст. 1 Конвенции⁴ (п. 6.6 Решения).

Комитет принимает к сведению утверждения авторов в связи со ст.ст. 2 и 11 Конвенции о том, что, несмотря на обстановку насилия в тюрьмах, государство-участник не реагировало должным образом и не принимало никаких законодательных, административных, судебных или иных эффективных мер для предотвращения применения пыток в тюрьмах, в частности, для того, чтобы г-н Герреро Ларес не стал жертвой пыток со стороны других заключенных ЦТВ при попустительстве тюремной администрации. Комитет напоминает о своих замечаниях по второму периодическому докладу государства-участника, в котором он призывает Венесуэлу принять меры для предотвращения насилия среди заключенных, а также со стороны тюремного персонала и для укрепления независимых механизмов инспекции мест лишения свободы⁵. В связи с отсутствием замечаний со стороны государства-участника о

¹См. Замечание общего порядка № 2 (2008) Комитета, пп. 17 и 18.

²Комитет рассматривал вопрос о насильственных исчезновениях в ряде заключительных замечаний. См., например, его заключительные замечания по объединенным пятому и шестому периодическим докладам Мексики (CAT/C/MEX/CO/5—6, п. 12); по первоначальному докладу Руанды (CAT/C/RWA/CO/1, п. 14); по первоначальному докладу Туркменистана (CAT/C/TKM/CO/1, п. 15); по объединенным третьему и четвертому периодическим докладам Шри-Ланки (CAT/C/LKA/CO/3—4, пп. 8 и 9); по четвертому периодическому докладу Колумбии (CAT/C/COL/CO/4, пп. 11 и 17) и по первоначальному докладу Чада (CAT/C/TCD/CO/1, пп. 14 и 17).

³Сообщение № 269/2005, *Али Бен Салем против Туниса*, Решение, принятое 7 ноября 2007 г., п. 16.7.

⁴Конвенция против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания от 10 декабря 1984 г.

⁵См. CAT/C/CR/29/2, п. 11 е). См. также CAT/C/VEN/CO/3—4, п. 10 а) и п. 19, а также Замечание общего порядка № 2 (2008) Комитета, пп. 13, 17 и 18.

механизмах контроля в ЦТВ и других мерах по предотвращению насилия среди заключенных и применения по отношению к ним пыток при попустительстве администрации. Комитет приходит к выводу, что государство-участник несет ответственность за нарушение ст.ст. 2 и 11 Конвенции (п. 6.7 Решения).

Комитет отмечает, что авторам сообщили о том, что проведение расследования возможного насильственного исчезновения г-на Герреро Лареса было возложено на прокуратуру № 3, и что 25 февраля 2010 г. была проведена инспекция ЦТВ при участии сотрудников Генеральной прокуратуры и комиссии Боливарианской национальной гвардии. Комитет не находит в представленных сведениях какой-либо информации о других следственных действиях со стороны властей, несмотря на то, что имелись разумные основания полагать, что был совершен акт пытки. Несмотря на усилия авторов сообщения, почти за шесть лет, прошедших с момента исчезновения г-на Герреро Лареса в ЦТВ, государство-участник не провело быстрого, беспристрастного и эффективного расследования сообщений о применении к нему пыток и его насильственного исчезновения во время отбывания наказания в тюрьме, а виновные не предстали перед судом (см. п. 6.6 выше). В свете имеющейся в деле информации и в условиях отсутствия замечаний со стороны государства-участника Комитет считает, что государство-участник не выполнило свои обязательства по ст. 12 Конвенции (п. 6.8 Решения).

Комитет принимает к сведению утверждения авторов о том, что ущерб, нанесенный г-ну Герреро Ларесу, не был возмещен в соответствии со ст. 14 Конвенции¹. Учитывая непроведение быстрого и беспристрастного расследования, а также представленные авторами утверждения и факты, приведенные в предыдущих пунктах, Комитет приходит к выводу, что государство-участник не выполнило свои обязательства по ст. 14 Конвенции (п. 6.8 Решения).

Вывод Комитета. Представленные факты свидетельствуют о нарушении п. 1 ст. 2 и ст.ст. 11, 12 и 14 Конвенции, рассматриваемых отдельно и в совокупности со ст. 1, в отношении г-на Герреро Лареса, а также ст. 16 в отношении авторов сообщения (п. 7 Решения).

Практика Европейского Суда по правам человека

Постановление Европейского Суда по правам человека по делу “Юдицкая и другие против России”, жалоба № 5678/06 (вынесено 12 февраля 2015 г., вступило в силу 12 мая 2015 г.).

Заявители жаловались на то, что обыск, проведенный в их кабинетах, и изъятие их компьютеров, содержащих конфиденциальную информацию, привели к нарушению их прав, предусмотренных ст. 8 Конвенции.

Европейский Суд установил, что “...постановление о проведении обыска от 6 мая 2005 г. было вынесено районным судом по ходатайству следователя в рамках предварительного следствия по уголовному делу в отношении определенного круга лиц по обвинениям в получении взяток при отягчающих обстоятельствах” (п. 28 постановления).

Суд отметил, что “...только адвокат И.Т. являлся подозреваемым по соответствующему уголовному делу. В отношении заявителей не осу-

ществлялось никакого уголовного преследования. Тем не менее районный суд указал, что юридическая фирма являлась одной из сторон фиктивного договора, и разрешил обыск всего помещения фирмы” (п. 28 постановления).

Суд также подчеркнул, что “...постановление о проведении обыска не было четко сформулированным, что предоставляло следователям неограниченную свободу усмотрения при проведении обыска. В постановлении не было указано, почему недостаточно было обыскать только кабинет и компьютер И.Т. Более того, при вынесении постановления судья не затронул вопрос о том, подлежат ли защите конфиденциальные материалы, хотя судья знал, что заявители являлись членами коллегии адвокатов и располагали документами, защищенными адвокатской тайной” (п. 29 постановления).

Европейский Суд отметил, что “...чрезмерная расплывчатость формулировок постановления проявилась в том, каким образом был произведен обыск... не было обеспечено никаких гарантий против нарушения адвокатской тайны, таких как, например, запрет на изъятие документов, на которые распространяется адвокатская тайна, или наблюдение за обыском со стороны независимого от следственной группы наблюдателя, способного указать, на какие документы распространяется адвокатская тайна... Присутствие двоих понятых объективно нельзя было считать достаточным средством защиты, учитывая, что они не являлись профессионалами, обладающими юридической квалификацией, и, следовательно, не были способны определить, какие материалы являются конфиденциальными... что касается электронных данных, хранившихся на компьютерах заявителей, которые были изъяты следователем, то, по всей видимости, во время обыска не соблюдались никакие процедуры фильтрации” (п. 30 постановления).

Европейский Суд пришел к выводу о том, что “...обыск, проведенный в отсутствие обоснованного подозрения или средств защиты от вмешательства в профессиональную тайну в кабинетах заявителей, и изъятие их компьютеров вышли за пределы “необходимых в демократическом обществе” для достижения преследуемой законной цели. Таким образом, имело место нарушение требований статьи 8 Конвенции” (п. 32 постановления).

Постановление Европейского Суда по правам человека по делу “Беленко против России”, жалоба № 25435/06 (вынесено 18 декабря 2014 г., вступило в силу 18 марта 2015 г.).

Заявитель жаловалась на нарушение ст. 2 Конвенции в связи с тем, что халатность врачей привела к смерти ее дочери.

Европейский Суд установил нарушение ст. 2 Конвенции в ее процессуальном аспекте в связи с необеспечением эффективного расследования по заявлению Беленко Т.А. о незаконных действиях персонала клинического психоневрологического диспансера (отмечены: длительность расследования, неоднократные отмены постановлений о прекращении уголовного дела ввиду неполноты расследования, неисполнение следователем в течение 2,5 лет постановления районного суда о признании незаконным постановления о прекращении уголовного дела и устранении допущенных в ходе следствия нарушений, а также утрата медицинских документов дочери заявителя) (пп. 80—85 постановления).

¹См. Замечание общего порядка № 3 (2012) Комитета об осуществлении ст. 14 государствами-участниками.

Вместе с тем Европейский Суд отклонил жалобы заявителя на нарушение материального аспекта ст. 2 Конвенции, поскольку, как отмечено, лечащие врачи соблюдали применимые нормы и процедуры, использовали научно обоснованные методы лечения, одобренные лекарственные средства и медицинское оборудование (пп. 71—74 постановления).

Постановление Европейского Суда по правам человека по делу “Аванесян против России”, жалоба № 41152/06 (вынесено 18 сентября 2014 г., вступило в силу 18 декабря 2014 г.).

Заявитель утверждал, что обследование его жилого помещения было проведено в нарушение ст. 8 Конвенции и что он не имел в своем распоряжении эффективного средства правовой защиты, как того требует ст. 13 Конвенции.

Европейский Суд подчеркнул, что “...в специфичном контексте негласных операций могут существовать причины для проведения судебного рассмотрения без сторон (*ex parte*) с тем, чтобы не допустить предупреждения о предстоящем обследовании. В этом случае понятие эффективного средства правовой защиты не предполагает возможность оспаривания выдачи разрешения до проведения обследования... Однако после того, как обследование было проведено или заинтересованному лицу каким-либо иным образом стало известно о существовании разрешения, должна существовать процедура, при помощи которой это лицо могло бы оспорить правовые и фактические основания этого разрешения и получить компенсацию в случае, если постановление о разрешении проведения обследования было незаконным или само обследование было проведено незаконно” (п. 29 постановления).

Европейский Суд также отметил, что “...судебное постановление о разрешении на проведение оперативно-розыскных мероприятий не может быть пересмотрено вышестоящим судом. Закон “Об оперативно-розыскной деятельности” не предусматривает возможности обжалования этого решения даже после того, как необходимость содержать его в тайне пропадает либо потому что обследование было проведено, либо потому что заинтересованному лицу стало известно о существовании этого постановления... жалоба руководителю органа, действия которого оспариваются, не отвечает обязательным стандартам независимости, необходимым для обеспечения достаточной защиты от превышения должностных полномочий. Жалоба прокурору также не является эффективным средством правовой защиты, поскольку она не дает подавшему ее лицу права на непосредственное участие в осуществлении государством своих надзорных полномочий” (пп. 30, 32 постановления).

Суд установил, что “...понятие эффективного средства правовой защиты не предусматривает возбуждение уголовного производства в отношении лиц, проводивших обследование. Кроме того, преследование сотрудников милиции, даже если оно окажется эффективным, возможно только в отношении их собственных действий и не может привести к проверке по существу законности судебного разрешения на проведение обследования” (п. 34 постановления).

Судом обращено внимание на то, что “...постановление от 22 марта 2006 г. не основывалось на каких-либо обоснованных подозрениях в отношении Аванесяна С.Г., что заявитель также не являлся подозреваемым и в отношении его не

осуществлялось никакого уголовного преследования, что при этом постановление не было четко сформулировано и не содержало указания на то, какие именно запрещенные или полученные незаконным путем предметы предполагалось обнаружить в ходе обследования, и, таким образом, сотрудникам милиции предоставлялась неограниченная свобода усмотрения” (п. 44 постановления).

Отмечено также, что судебное разрешение на проведение оперативно-розыскных мероприятий, в том числе на обследование жилища, может быть получено в отсутствие лица и без его уведомления об этом. Однако, как отмечено, если лицу стало известно о таком судебном постановлении (в том числе после проведения соответствующего оперативно-розыскного мероприятия), оно должно иметь возможность его обжалования (в том числе для получения компенсации, если постановление и осуществленные на его основании действия были незаконными), но российское законодательство не предоставляет такой возможности.

Следовательно, Суд пришел к выводу, что в данном деле было допущено нарушение ст. 8 Конвенции, а также ст. 13 Конвенции во взаимосвязи со ст. 8.

Постановление Европейского Суда по правам человека по делу “Шехов против России”, жалоба № 12440/04 (вынесено 19 июня 2014 г., вступило в силу 17 ноября 2014 г.).

Заявитель жаловался со ссылкой на ст. 6 Конвенции, что судебные разбирательства по уголовному делу в его отношении являлись несправедливыми ввиду ряда процессуальных нарушений. В частности, он жаловался на то, что во время рассмотрения его кассационной жалобы в Верховном Суде РФ его интересы не были представлены адвокатом.

Европейский Суд установил, что “...заявитель никогда явно не отказывался от своих прав на защиту и при этом не было предпринято попыток назначить адвоката или перенести слушание с целью обеспечения присутствия адвоката” (п. 43 постановления).

Суд подчеркнул, что “...принимая во внимание три фактора — (а) широкие полномочия судов высших инстанций в России, (b) тяжесть обвинений, выдвинутых против заявителей, и (с) суровость приговора, который был им вынесен, — Суд считает, что интересы правосудия требовали, чтобы для целей справедливого слушания дела заявителям должен быть предоставлен адвокат на слушании по его жалобе” (п. 44 постановления).

Европейским Судом обращено внимание на то, что “...в настоящем деле заявитель предстал перед судом присяжных и, следовательно, юрисдикция кассационного суда была ограничена правовыми вопросами. Правовые вопросы в деле заявителя были особенно сложными... в своих жалобах заявитель добивался повторной квалификации уголовного преступления и полагался на собственную защиту... без услуг практикующего представителя заявитель не мог сформулировать аргументы, поднятые в жалобе, и не мог компетентно выступить в суде по соответствующим правовым вопросам, что означает, что заявитель был не в состоянии эффективно защищать себя. Более того, суд кассационной инстанции обладал широкими полномочиями при вы-

несении решения по его жалобе и его решение являлось окончательным” (п. 45 постановления).

Таким образом, Суд постановил, что имело место нарушение п. 1 ст. 6 совместно с подп. с) п. 3 ст. 6 Конвенции.

Заявитель также жаловался со ссылкой на ст. 34 Конвенции, что его переписка с Судом вскрывалась администрацией исправительной колонии, что последняя отказалась отправлять некоторые из его писем в Суд и персонал исправительной колонии угрожал заявителю в связи с подачей его жалобы в Суд.

Европейский Суд пришел к выводу, что “...вскрытие корреспонденции могло оказать запугивающий эффект на заявителя, и удержание вложений (включая форму жалобы и пояснительную записку, форму доверенности и уведомление для заявителей) негативно влияло на способность заявителя на эффективную подготовку его жалобы в Суд. Положение заявителя являлось особенно уязвимым, так как в это время у него не имелось представителя в судебных разбирательствах в Суде и, следовательно, он зависел от ад-

министрации исправительной колонии в отношении обеспечения его переписки с Судом и остальным миром. Следовательно, вскрытие писем от Суда и удержание вложений являлось вмешательством в осуществление права заявителя на подачу индивидуальной жалобы, что несовместимо с обязательством государства-ответчика в соответствии со ст. 34 Конвенции” (п. 63 постановления).

См. также постановление Европейского Суда по правам человека по делу “Халиков против России”, жалоба № 66373/13 (вынесено 26 февраля 2015 г., вступило в силу 6 июля 2015 г.).

Неофициальный перевод текстов постановлений Европейского Суда по правам человека получен из аппарата Уполномоченного Российской Федерации при Европейском Суде по правам человека — заместителя Министра юстиции Российской Федерации.

(Обзор утвержден Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 23 декабря 2015 г.)

ОБЗОР ПО ВОПРОСАМ СУДЕБНОЙ ПРАКТИКИ, ВОЗНИКАЮЩИМ ПРИ РАССМОТРЕНИИ ДЕЛ О ЗАЩИТЕ КОНКУРЕНЦИИ И ДЕЛ ОБ АДМИНИСТРАТИВНЫХ ПРАВОНАРУШЕНИЯХ В УКАЗАННОЙ СФЕРЕ

В целях обеспечения единообразного подхода к разрешению судами общей юрисдикции и арбитражными судами дел, связанных с применением отдельных положений Федерального закона от 26 июля 2006 г. № 135-ФЗ “О защите конкуренции” (далее — Закон о защите конкуренции), а также дел об административных правонарушениях в области антимонопольного законодательства Верховным Судом РФ проведено обобщение вопросов, возникших у судов при рассмотрении соответствующих категорий дел за период с 2012 по 2015 год.

Статистические данные

Как показали данные судебной статистики рассмотрения дел о защите конкуренции и дел об административных правонарушениях, за период с 2012 по 2015 год арбитражными судами первой инстанции рассмотрено 35 612 дел названных категорий. Арбитражными судами апелляционной инстанции за указанный период рассмотрено 18 246 таких дел, арбитражными судами кассационной инстанции, образованными в соответствии с Федеральным конституционным законом от 28 апреля 1995 г. № 1-ФКЗ “Об арбитражных судах в Российской Федерации”, — 9926 дел, в Высшем Арбитражном Суде РФ, рассматривавшем до 6 августа 2014 г. дела в порядке надзора, и в Верховном Суде РФ, пересматривающем с 6 августа 2014 г. судебные акты в порядке кассационного производства, — 86 дел.

Статистические данные по указанным категориям дел, разрешаемых в судах общей юрисдикции, содержат информацию только о количестве рассмотренных ими дел об административных правонарушениях, совершенных в сфере законодательства о защите конкуренции.

За период с 2014 по 2015 год первой инстанцией судов общей юрисдикции рассмотрено 19 дел.

1. Акт проверки, составленный антимонопольным органом, закрепляя результат ее проведения, сам по себе не порождает прав и обязанностей лица, поскольку не устанавливает факта нарушения антимонопольного законодательства, не содержит обязательного для исполнения

требования, а лишь фиксирует признаки выявленных нарушений, в связи с чем не подлежит оспариванию в судебном порядке.

Общество обратилось в арбитражный суд с заявлением о признании недействительным акта проверки, составленного антимонопольным органом по результатам проведенной проверки.

Арбитражный суд, прекращая производство по делу на основании п. 1 ч. 1 ст. 150 АПК РФ как не подлежащее рассмотрению в арбитражном суде, указал следующее.

Согласно положениям ст. 25¹ Закона о защите конкуренции в целях осуществления контроля за соблюдением антимонопольного законодательства антимонопольный орган вправе проводить плановые и внеплановые проверки федеральных органов исполнительной власти, органов власти субъектов Российской Федерации, органов местного самоуправления, иных осуществляющих функции указанных органов и организаций, а также государственных внебюджетных фондов, коммерческих и некоммерческих организаций, физических лиц, в том числе индивидуальных предпринимателей (далее — проверяемое лицо).

В силу ч. 1 ст. 25⁶ Закона по результатам проведенной проверки антимонопольным органом составляется акт, который содержит сведения о результатах ее проведения, в том числе о выявленных признаках нарушения антимонопольного законодательства.

Акт проверки составляется в двух экземплярах, один из которых вручается или направляется по почте проверяемому лицу или его представителю, которые вправе представить в антимонопольный орган (руководителю инспекции) свои письменные возражения по его содержанию.

Таким образом, акт проверки, закрепляя результат ее проведения, лишь фиксирует факт выявленных нарушений, не содержит обязательного для исполнения требования, сам по себе не порождает прав и обязанностей проверяемого лица и, следовательно, не подлежит оспариванию в судебном порядке.

(По материалам судебной практики Арбитражного суда Поволжского округа, Арбитражного суда Московского округа)

2. Приказ руководителя антимонопольного органа о проведении проверки соблюдения антимонопольного законодательства может быть оспорен в арбитражном суде.

Территориальное управление Федеральной службы судебных приставов (далее — управление) обратилось в арбитражный суд с заявлением о признании недействительным приказа руководителя антимонопольного органа о проведении внеплановой выездной проверки как вынесенного за пределами его полномочий.

Как следует из материалов дела, антимонопольным органом в связи с поступлением в его адрес жалобы общества на действия судебного пристава-исполнителя в рамках возбужденного им исполнительного производства по исполнению определения арбитражного суда о принятии обеспечительных мер издан приказ о проведении внеплановой выездной проверки соблюдения антимонопольного законодательства управлением в лице отдела судебных приставов требований ст. 16 Закона о защите конкуренции.

Согласно пп. 8 и 10 данного приказа предусмотрены проведение осмотра помещений и рабочих компьютеров, истребование и анализ полученной информации. В частности, в перечень подлежащих представлению для проверки документов включены документы исполнительного производства.

Отказывая в удовлетворении заявленных требований, суды первой, апелляционной и кассационной инстанций руководствовались ст.ст. 25¹, 25⁴ Закона о защите конкуренции и исходили из того, что оспариваемый приказ принят антимонопольным органом в пределах предоставленных ему полномочий, в соответствии с действующим законодательством и не нарушает прав и законных интересов управления.

Учитывая, что издание приказа может являться предметом судебного контроля, Судебная коллегия Верховного Суда РФ указала на следующее.

К числу функций антимонопольного органа согласно ст. 23 Закона о защите конкуренции отнесены полномочия по проведению проверок соблюдения антимонопольного законодательства коммерческими и некоммерческими организациями, федеральными органами исполнительной власти, органами государственной власти субъектов Российской Федерации, органами местного самоуправления, а также государственными внебюджетными фондами и физическими лицами, получению от них необходимых документов и информации, объяснений в письменной или устной форме.

Вместе с тем реализация предоставленных антимонопольному органу полномочий по проведению внеплановых проверок ограничена необходимостью соблюдения установленных Законом о защите конкуренции требований, служащих гарантией прав и законных интересов проверяемого лица.

В обоснование приказа о проведении проверки службы судебных приставов антимонопольный орган сослался на положения ст. 16 Закона о защите конкуренции. Однако из данной нормы следует, что предметом контроля со стороны антимонопольного органа являются такие действия органов исполнительной власти, органов государственной власти субъектов Российской Федерации, органов местного самоуправления, которые в результате согласованных действий или соглашений приводят или могут привести к недопущению, ограничению, устранению конкуренции, в частности к повышению, снижению или поддержанию цен (тарифов); экономически, технологически и иным образом не обоснованному установлению различных цен (тарифов) на один и тот же товар; разделу товарного рынка по территориальному принципу, ограничению доступа на товарный рынок, выхода из товарного рынка или устранению с него хозяйствующих субъектов.

При этом исполнительное производство в рассматриваемом случае не могло быть проверено на предмет

соответствия Закону о защите конкуренции, поскольку никак не влияло на конкуренцию и положение хозяйствующих субъектов на рынке иначе, чем это установлено требованиями вступивших в законную силу судебных актов, правом на пересмотр которых антимонопольный орган не наделен.

Предметом исполнительного производства, которое, по мнению управления, фактически проверялось сотрудниками антимонопольного органа, является применение обеспечительных мер в виде наложения ареста на денежные средства и иное имущество должника.

Исполнительное производство возбуждено на основании исполнительного листа, выданного арбитражным судом, т.е. необходимость наложения ареста на денежные средства и иное имущество должника, а также сумма, в пределах которой арест должен быть осуществлен, определены судом.

В данном случае судебный пристав-исполнитель действовал на основании ст.ст. 16 и 96 АПК РФ, а также ст.ст. 2 и 5 Федерального закона от 2 октября 2007 г. № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве» (далее — Закон об исполнительном производстве) и осуществлял принудительное исполнение вступившего в законную силу судебного акта, имеющего обязательный характер. В рассматриваемой ситуации его действия в рамках указанного исполнительного производства не связаны с монополистической деятельностью и не влияют на состояние конкуренции, никак не затрагивая права и законные интересы иных лиц, кроме сторон исполнительного производства.

Таким образом, учитывая положения ст. 3 Закона о защите конкуренции (определяющие сферу применения данного Закона), антимонопольный орган в рассматриваемой ситуации при издании приказа о проведении внеплановой выездной проверки вышел за пределы своих полномочий. В случае же несогласия общества с действиями судебного пристава-исполнителя оно обладало правом на обжалование действий должностных лиц службы судебных приставов в соответствии с Законом об исполнительном производстве и нормами Арбитражного процессуального кодекса РФ.

Оспариваемый приказ руководителя антимонопольного органа признан судом недействительным.

(По материалам судебной практики Верховного Суда РФ)

3. Предупреждение антимонопольного органа о прекращении действий (бездействия) хозяйствующего субъекта, которые содержат признаки нарушения антимонопольного законодательства, может быть оспорено в арбитражном суде.

Общество обратилось в арбитражный суд с заявлением о признании недействительным предупреждения антимонопольного органа о прекращении действий (бездействия), которые содержат признаки нарушения п. 5 ч. 1 ст. 10 Закона о защите конкуренции и связаны с отказом общества в заключении договора по транспортировке твердых бытовых отходов. В оспариваемом предупреждении общество было признано занимающим на товарном рынке доминирующее положение, указывалось на необходимость прекратить незаконные действия и заключить соответствующий договор.

По мнению общества, осуществляемая им хозяйственная деятельность не подлежит проверке на предмет ее соответствия положениям ч. 1 ст. 10 Закона о защите конкуренции, поскольку оно не является хозяйствующим субъектом, занимающим на товарном рынке доминирующее положение.

Арбитражный суд, рассматривая заявление общества и руководствуясь ч. 1 ст. 150 АПК РФ, прекратил производство по делу, придя к выводу о том, что преду-

предупреждение антимонопольного органа, вынесенное в соответствии со ст. 39¹ Закона о защите конкуренции, не является ненормативным правовым актом, который может быть оспорен в порядке главы 24 АПК РФ.

Постановлением арбитражного суда апелляционной инстанции решение суда отменено со ссылкой на следующее.

В силу чч. 4, 5 и 6 ст. 39¹ Закона о защите конкуренции предупреждение антимонопольного органа должно содержать: выводы о наличии оснований для его выдачи; нормы антимонопольного законодательства, которые нарушены действиями (бездействием) лица, которому выдается предупреждение; перечень действий, направленных на прекращение нарушения антимонопольного законодательства, устранение причин и условий, способствовавших возникновению такого нарушения, устранение последствий такого нарушения, а также разумный срок их выполнения. Предупреждение подлежит обязательному рассмотрению лицом, которому оно выдано, в срок, указанный в предупреждении. Антимонопольный орган должен быть уведомлен о выполнении предупреждения в течение трех дней со дня окончания срока, установленного для его выполнения.

Оспариваемым предупреждением общество было признано занимающим на товарном рынке доминирующее положение и обязано в определенный срок совершить конкретные действия — заключить договор по транспортировке твердых бытовых отходов.

Указанное предупреждение отвечает признакам ненормативного правового акта, установленным в ч. 1 ст. 198 АПК РФ, поскольку принято уполномоченным государственным органом на основании ст.ст. 22 и 39¹ Закона о защите конкуренции в отношении конкретного хозяйствующего субъекта и содержит властное предписание, возлагающее на общество обязанность и влияющее тем самым на права хозяйствующего субъекта в сфере предпринимательской деятельности.

Следовательно, предупреждение антимонопольного органа может быть предметом самостоятельного обжалования в арбитражном суде.

Вместе с тем судебный контроль при обжаловании предупреждения как при проверке его соответствия закону, так и при оценке нарушения им прав и законных интересов должен быть ограничен особенностями вынесения такого акта, целями, достигаемыми этим актом, соразмерностью предписанных мер и их исполнимостью.

Поскольку предупреждение выносится при обнаружении лишь признаков правонарушения, а не его факта (ч. 2 ст. 39¹ Закона о защите конкуренции), то судебной проверке подлежит факт наличия таких признаков по поступившим в антимонопольный орган информации и документам как основаниям вынесения предупреждения.

Таковыми признаками в рассматриваемом деле являются признание общества занимающим доминирующее положение на товарном рынке (пп. 1.2 и 1.3 приказа ФАС РФ от 14 декабря 2011 г. № 874 “Об утверждении Порядка выдачи предупреждения о прекращении действий (бездействия), которые содержат признаки нарушения антимонопольного законодательства”) и факт отказа общества заключать договор по транспортировке твердых бытовых отходов.

Поскольку в рамках рассматриваемого дела антимонопольному органу не удалось доказать, что общество занимает на рынке доминирующее положение, то вынесенное в отношении него предупреждение было признано недействительным.

(По материалам судебной практики Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ, Арбитражного суда Волго-Вятского округа, Арбитражного суда Дальневосточного округа, Арбитражного суда Московского округа, Арбитражного суда Северо-Западного округа)

4. Решение и (или) предписание по делу о нарушении антимонопольного законодательства подлежит обжалованию только в арбитражном суде.

Гражданин обратился в арбитражный суд с заявлением о признании недействительным решения антимонопольного органа об отказе в возбуждении дела о нарушении сетевой организацией антимонопольного законодательства, выражающегося в злоупотреблении доминирующим положением на товарном рынке (ч. 1 ст. 10 Закона о защите конкуренции).

Решением арбитражного суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлением арбитражного суда апелляционной инстанции, заявленное гражданином требование удовлетворено.

Сетевая организация, обжалуя вынесенные по делу судебные акты, обратилась в арбитражный суд кассационной инстанции, указывая на нарушение арбитражными судами правил подведомственности рассмотрения дела.

Как следует из ч. 1 ст. 27 АПК РФ, арбитражным судам подведомственны дела по экономическим спорам и другие дела, связанные с осуществлением предпринимательской и иной экономической деятельности.

Поскольку в рассматриваемой ситуации гражданин (заявитель по делу) предпринимательскую и иную экономическую деятельность не осуществлял, то заявление об оспаривании решения антимонопольного органа подлежит рассмотрению в суде общей юрисдикции.

Арбитражный суд кассационной инстанции отказал в удовлетворении заявленной сетевой организацией жалобы, указав на следующее.

Согласно п. 5 ч. 1 ст. 29 АПК РФ арбитражные суды рассматривают в порядке административного судопроизводства возникающие из административных и иных публичных правоотношений экономические споры и иные дела, если федеральным законом их рассмотрение отнесено к компетенции арбитражного суда.

Указанное положение допускает отнесение к подведомственности арбитражных судов дел, которые непосредственно не связаны с осуществлением заявителем предпринимательской и иной экономической деятельности в силу прямого предписания федерального закона.

В силу ч. 1 ст. 52 Закона о защите конкуренции дела об обжаловании решения и (или) предписания антимонопольного органа подведомственны арбитражному суду.

Положение ст. 52 названного Закона, в отличие от редакции, действовавшей до 6 января 2012 г., согласно которой была установлена альтернатива обращения с требованием об обжаловании решений и (или) предписаний в суд или арбитражный суд, не ставит в зависимость подведомственность спора от субъектного состава.

Напротив, по смыслу данной нормы названные акты антимонопольного органа могут быть обжалованы только в арбитражном суде.

Таким образом, учитывая правила подведомственности, приведенные в Кодексе и Законе о защите конкуренции, заявление гражданина подлежало рассмотрению только в арбитражном суде.

(По материалам судебной практики Арбитражного суда Западно-Сибирского округа, Арбитражного суда Северо-Кавказского округа, Арбитражного суда Уральского округа)

5. Рассмотрение жалоб на действия организаторов торгов, проводимых в рамках исполнительного производства либо в ходе процедур, применяемых в деле о банкротстве, относится к компетенции антимонопольного органа.

Организатор торгов по реализации арестованного имущества обратился в суд с заявлением об оспарива-

нии решения и предписания антимонопольного органа, которыми установлены нарушения правил организации и проведения торгов и предписано устранить допущенные нарушения, в том числе отменить протоколы о результатах работы комиссии по рассмотрению заявок для участия в конкурсе, о результатах реализации арестованного имущества, а также объявить и провести новый конкурс.

По мнению организатора торгов, антимонопольный орган вышел за пределы предоставленных ему полномочий, поскольку оспаривание торгов, проводимых в рамках исполнительного производства, должно осуществляться по правилам законодательства об исполнительном производстве.

Арбитражный суд первой инстанции отказал в удовлетворении заявленных требований, указав следующее.

При исполнении решения суда или исполнительных документов в порядке исполнительного производства продажа вещей или имущественных прав должника производится только на публичных торгах (п. 3 ст. 447, п. 1 ст. 449¹ ГК РФ). Указанные торги в силу п. 1 ст. 449¹ ГК РФ проводятся по правилам, установленным ст.ст. 448, 449 ГК РФ, если иное не предусмотрено названным Кодексом или процессуальным законодательством.

Согласно ст. 89 Закона об исполнительном производстве реализация на торгах имущества должника, в том числе имущественных прав, производится организацией или лицом, имеющими в соответствии с законодательством Российской Федерации право проводить торги.

В силу ч. 1 ст. 18¹ Закона о защите конкуренции жалобы на действия (бездействие) организатора торгов, оператора электронной площадки, конкурсной или аукционной комиссии при организации и проведении торгов, заключении договоров по результатам торгов или в случае, если торги, проведение которых является обязательным в соответствии с законодательством Российской Федерации, признаны несостоявшимися, за исключением жалоб, рассмотрение которых предусмотрено законодательством Российской Федерации о размещении заказов на поставки товаров, выполнение работ, оказание услуг для государственных и муниципальных нужд, рассматриваются антимонопольным органом.

Полномочия антимонопольного органа по рассмотрению жалоб на нарушение процедуры обязательных в соответствии с законодательством Российской Федерации торгов, продажи государственного или муниципального имущества установлены п. 4² ч. 1 ст. 23 Закона о защите конкуренции.

При выявлении нарушений антимонопольный орган выдает организаторам торгов предписания, обязательные для исполнения, в том числе об отмене протоколов, составленных в ходе проведения торгов, о внесении изменений в документацию о торгах, о направлении извещения о проведении торгов, об аннулировании торгов (п. 3¹ ч. 1 ст. 23 Закона о защите конкуренции).

Указанные положения Закона содержат общие правила и распространяются в том числе на торги, проводимые в рамках исполнительного производства.

В другом деле конкурсный управляющий обратился в суд с заявлением об оспаривании предписания антимонопольного органа об устранении нарушений, допущенных при организации торгов по продаже недвижимого имущества предприятия, признанного несостоятельным (банкротом).

Суд первой инстанции, удовлетворяя заявленные требования, пришел к выводу об отсутствии у антимонопольного органа полномочий по рассмотрению жалоб на действия конкурсного управляющего при про-

ведении торгов в целях реализации имущества организации-должника. По мнению суда, такие жалобы подлежат рассмотрению по правилам Федерального закона от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» (далее — Закон о банкротстве), которым установлен специальный порядок организации и проведения торгов по реализации имущества, вошедшего в конкурсную массу. При этом жалобы на действия конкурсного управляющего как организатора названных торгов, по мнению суда первой инстанции, подлежат рассмотрению в порядке, предусмотренном ст. 60 Закона о банкротстве.

Суд апелляционной инстанции с указанным подходом не согласился, отказал в удовлетворении заявленных требований, посчитав доказанным наличие в действиях конкурсного управляющего нарушения п. 10 ст. 110 Закона о банкротстве и ч. 2 ст. 18¹ Закона о защите конкуренции.

Как отметил суд, на основании п. 3 ст. 139 Закона о банкротстве продажа имущества должника осуществляется в порядке, установленном пп. 3—19 ст. 110 и п. 3 ст. 111 названного Закона, с учетом особенностей, определенных ст. 139 Закона о банкротстве. Денежные средства, вырученные от продажи имущества должника, включаются в состав имущества должника. В силу п. 5 ст. 18¹ Закона о банкротстве арбитражный управляющий является организатором торгов, который обязан обеспечить равный доступ всех лиц к участию в торгах, в том числе к информации о проведении торгов, и обеспечить право лиц на участие в торгах без взимания с них платы, не предусмотренной этим Законом (п. 14 ст. 110 Закона о банкротстве).

Нарушение указанных правил влечет последствия, устанавливаемые законодательством. В частности, действия (бездействие) организатора торгов, оператора электронной площадки, конкурсной или аукционной комиссии, которые нарушают установленный нормативными правовыми актами порядок организации и проведения торгов, в том числе размещения информации о проведении торгов, подачи заявок на участие в торгах, могут быть обжалованы в антимонопольный орган (ч. 2 ст. 18¹ Закона о защите конкуренции).

Поскольку федеральным законодательством предусмотрена возможность такого обращения в антимонопольный орган, установлен порядок рассмотрения таких жалоб (чч. 1, 3 ст. 18¹, пп. 3¹, 4² ч. 1 ст. 23 Закона о защите конкуренции) и в Законе не содержится изъятий в отношении торгов, проводимых в ходе проведения банкротных процедур, антимонопольный орган полномочен выносить предписания организаторам торгов, в том числе конкурсным управляющим, об устранении нарушений законодательства о защите конкуренции, допущенных при организации и проведении торгов.

(По материалам судебной практики Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ, Арбитражного суда Поволжского округа, Арбитражного суда Уральского округа)

6. Управляющая организация не может быть признана занимающей доминирующее положение на рынке оказания услуг по управлению многоквартирным домом в отношении лиц, с которыми заключен договор управления многоквартирным домом, лишь по причине заключения данного договора.

Общество — управляющая организация обратилось в арбитражный суд с заявлением о признании недействительным решения антимонопольного органа, которым его действия, выразившиеся во взимании с собственников жилых помещений платы за содержание и текущий ремонт дома выше установленной общим собранием собственников жилых помещений, квалифицированы как злоупотребление обществом

своим доминирующим положением и как нарушающие положения ч. 1 ст. 10 Закона о защите конкуренции.

По мнению общества, нарушение условий договора при оказании услуг жильцам должно влечь меры гражданско-правовой ответственности, что исключает возможность квалификации таких действий, как нарушение интересов других лиц в контексте содержания ч. 1 ст. 10 Закона о защите конкуренции.

Арбитражный суд первой инстанции отказал в удовлетворении заявленных требований.

При рассмотрении дела суд со ссылкой на проведенный антимонопольным органом анализ состояния конкуренции на товарном рынке указал, что общество, являясь не единственной на товарном рынке управляющей компанией, занимало доминирующее положение на локальном рынке управления многоквартирным домом с долей 100%, поскольку являлось для жителей дома единственным поставщиком услуг по управлению многоквартирным домом в рамках заключенного между ними договора управления домом. Географические границы были определены в пределах расположения общего имущества многоквартирного жилого дома.

Общество, установив плату по статье расходов «содержание и текущий ремонт» многоквартирного дома сверх установленной на собрании собственников жилых помещений, злоупотребило своим доминирующим положением, ущемив интересы жильцов, чем нарушило требования ч. 1 ст. 10 Закона о защите конкуренции.

Суд апелляционной инстанции решение суда первой инстанции отменил, заявленное требование удовлетворил, указав следующее.

В соответствии с ч. 3 ст. 161 ЖК РФ способ управления многоквартирным домом выбирается на общем собрании собственников помещений в многоквартирном доме и может быть выбран и изменен в любое время на основании его решения. Решение общего собрания о выборе способа управления является обязательным для всех собственников помещений в многоквартирном доме.

Согласно чч. 8¹ и 8² ст. 162 ЖК РФ собственники помещений в многоквартирном доме в одностороннем порядке вправе отказаться от исполнения договора, если управляющая организация не выполняет условий такого договора либо последняя выбрана на открытом конкурсе.

Таким образом, с учетом того, что выбор управляющей организации общим собранием собственников помещений многоквартирного дома производится на добровольных началах и управление таким домом может осуществляться только одной управляющей организацией (ч. 9 ст. 161 ЖК РФ), признание общества доминирующим субъектом на товарном рынке лишь по той причине, что только данное общество в соответствии с договором осуществляло управление конкретным домом, необоснованно. Отношения между собственниками жилых помещений и управляющей организацией находятся исключительно в гражданско-правовой сфере и связаны с ненадлежащим исполнением обществом своих обязательств. Собственники помещений многоквартирного дома при несогласии в том числе с платой по статье «содержание и текущий ремонт» могут самостоятельно осуществлять защиту принадлежащих им прав способами, предусмотренными гражданским законодательством.

При таких обстоятельствах, поскольку квалифицирующие признаки антимонопольного запрета, установленного в ч. 1 ст. 10 Закона о защите конкуренции, не были доказаны, вынесенное антимонопольным органом решение было отменено.

Вместе с тем в случае, когда управляющая организация является единственной на товарном рынке оказа-

ния услуг по управлению многоквартирным домом и, следовательно, занимает на данном рынке доминирующее положение, незаконные действия такой организации, осуществляемые в отношении лиц, с которыми был заключен договор управления многоквартирным домом, могут быть квалифицированы как нарушение положений ч. 1 ст. 10 Закона о защите конкуренции.

(По материалам судебной практики Арбитражного суда Северо-Кавказского округа, Арбитражного суда Поволжского округа, Пятнадцатого арбитражного апелляционного суда, Арбитражного суда Ростовской области)

7. Осуществление организацией деятельности с нарушением установленного порядка (например, в отсутствие лицензии или иного разрешения) не препятствует признанию такой организации занимающей доминирующее положение на соответствующем товарном рынке.

Антимонопольный орган в рамках рассмотрения дела о нарушении антимонопольного законодательства пришел к выводу о наличии в действиях общества, занимающего доминирующее положение на товарном рынке оказания услуг по утилизации твердых бытовых отходов (далее — ТБО), нарушения п. 3 ч. 1 ст. 10 Закона о защите конкуренции, выразившегося в навязывании контрагентам невыгодных условий договора утилизации (захоронения) ТБО (в части установления лимитов на прием отходов и платы за сверхлимиты), а также выдал предписание о прекращении нарушения антимонопольного законодательства.

Общество обратилось в арбитражный суд с заявлением о признании незаконными решения и предписания антимонопольного органа.

Арбитражный суд первой инстанции отменил обжалуемые акты антимонопольного органа.

По мнению суда, поскольку общество не имеет лицензии на право осуществления деятельности по сбору и утилизации ТБО на строящемся комплексе, который не включен в государственный реестр объектов размещения отходов, то оно не может быть признано нарушившим запрет, предусмотренный ч. 1 ст. 10 Закона о защите конкуренции.

Арбитражный суд апелляционной инстанции отменил решение арбитражного суда, указав следующее.

Как следует из договоров с компаниями — транспортировщиками отходов, общество, несмотря на отсутствие соответствующей лицензии, осуществляло деятельность по размещению (захоронению) ТБО.

В силу ст. 5 Закона о защите конкуренции доминирующим положением признается положение хозяйствующего субъекта на рынке определенного товара, дающее такому хозяйствующему субъекту возможность оказывать решающее влияние на общие условия обращения товара на соответствующем товарном рынке, и (или) устранять с этого товарного рынка других хозяйствующих субъектов, и (или) затруднять доступ на этот товарный рынок другим хозяйствующим субъектам.

Антимонопольный орган, проводя анализ состояния конкуренции на товарном рынке по утилизации ТБО, правильно установил доминирующее положение общества.

При таких обстоятельствах общество, фактически осуществляя лицензируемую деятельность и являясь доминантом на указанном товарном рынке, злоупотребляло своим положением, оказывая негативное влияние на конкуренцию и нарушая права иных лиц (потребителей услуг), что явилось основанием для квалификации его действий по п. 3 ч. 1 ст. 10 Закона о защите конкуренции.

(По материалам судебной практики Арбитражного суда Дальневосточного округа, Арбитражного суда Уральского округа)

8. Изменение или ошибочное определение вида тарифа, установленного уполномоченным государственным органом, в том числе нарушение предельных уровней свободных (нерегулируемых) цен, относятся к нарушениям порядка ценообразования в смысле положений ч. 1 ст. 10 Закона о защите конкуренции.

Общество обратилось в арбитражный суд с заявлением о признании недействительными решения и предписания антимонопольного органа, которыми за нарушение установленного нормативными правовыми актами порядка ценообразования, выразившееся в неверном определении тарифа электроснабжения насосной станции (вместо тарифа для группы потребителей “население” выбран тариф “прочие потребители”), общество признано нарушившим п. 10 ч. 1 ст. 10 Закона о защите конкуренции.

Решением арбитражного суда первой инстанции в удовлетворении заявленных требований отказано. Суд указал на то, что исходя из положений п. 10 ч. 1 ст. 10 Закона о защите конкуренции любое отклонение от установленного тарифа, в том числе неправильный выбор тарифа, является нарушением установленного нормативными правовыми актами порядка ценообразования.

В рассмотренном деле судом установлено, что работа насосной станции связана с удовлетворением коммунально-бытовых нужд граждан и, соответственно, оплата электрической энергии, используемой для ее работы, должна осуществляться по тарифу для группы потребителей “население”.

Ошибочное применение обществом одного из тарифов, установленных уполномоченным государственным органом, не связанного с включением в расчет оплаты дополнительных платежей к установленному тарифу, само по себе может рассматриваться как нарушение порядка ценообразования.

(По материалам судебной практики Арбитражного суда Центрального округа, Арбитражного суда Восточно-Сибирского округа)

9. Факт наличия антиконкурентного соглашения не ставится в зависимость от его заключения в виде договора по правилам, установленным гражданским законодательством, включая требования к форме и содержанию сделок, и может быть доказан в том числе с использованием совокупности иных доказательств, в частности фактического поведения хозяйствующих субъектов.

Ассоциация операторов алкогольного рынка (далее — ассоциация) обратилась в арбитражный суд с заявлением о признании недействительным решения антимонопольного органа, которым действия ассоциации, выразившиеся в координации экономической деятельности хозяйствующих субъектов, признаны нарушением ч. 5 ст. 11 Закона о защите конкуренции.

Арбитражный суд первой инстанции удовлетворил заявленное требование ассоциации.

Применяя чч. 1 и 5 ст. 11 Закона о защите конкуренции, чч. 1 и 2 ст. 64, ст. 68, ч. 6 ст. 71, чч. 1 и 8 ст. 75 АПК РФ в совокупности, суд счел, что вменяемая ассоциации координация должна быть доказана подлинными документами с цифровой подписью, либо надлежащим образом заверенными копиями, либо скриншотами (снимки экрана, показывающие то, что видит пользователь на экране монитора), которые антимонопольный орган суду не представил.

Суд апелляционной инстанции, отменяя решение арбитражного суда первой инстанции, указал на следующее.

Статья 89 АПК РФ предусматривает представление в суд любых документов и материалов в качестве доказательств, если они содержат сведения об обстоятельствах, имеющих значение для правильного разрешения спора. Такие документы и материалы могут содер-

жать сведения, зафиксированные как в письменной, так и в иной форме.

Факт наличия антиконкурентного соглашения не ставится в зависимость от его заключенности в виде договора по правилам, установленным гражданским законодательством. Законодательством не определено и не может быть определено, какие доказательства его подтверждают, а также не установлены и не могут быть установлены требования к форме подтверждающих документов.

Переписка по электронной почте между ассоциацией и иными лицами подлежала оценке наряду с другими, в том числе косвенными, доказательствами в их взаимосвязи и совокупности. О достоверности представленных антимонопольным органом документов и материалов (в том числе сведений, находящихся в такой переписке) может свидетельствовать совпадение их содержания с другими подтвержденными по делу обстоятельствами (например, единообразное и синхронное ценовое поведение участников ассоциации, прекращение выдачи марок ассоциации в отношении продукции ряда обществ, отсутствие на территории Оренбургской области в розничной продаже товара без марок ассоциации).

Доказательствами по делу о нарушении антимонопольного законодательства могут служить и полученные в установленном законом порядке доказательства по уголовным делам, переданные в антимонопольный орган (с учетом положений ст. 161 УПК РФ). При этом необходимо иметь в виду, что материалы (копии материалов) уголовных дел могут использоваться в качестве доказательств по делам о картелях вне зависимости от наличия или отсутствия приговора по уголовному делу, поскольку в рамках производства по антимонопольному делу устанавливается факт наличия или отсутствия нарушения антимонопольного законодательства, а не факт совершения преступления или виновность/невиновность лица в совершении преступления.

(По материалам судебной практики Арбитражного суда Северо-Кавказского округа, Арбитражного суда Поволжского округа, Арбитражного суда Волго-Вятского округа)

10. Действия по размещению хозяйствующим субъектом в сети “Интернет” информации о товарах с неправомерным использованием товарного знака, свидетельствующие о продаже данного товара, являются актом недобросовестной конкуренции и образуют нарушение, предусмотренное п. 4 ч. 1 ст. 14 Закона о защите конкуренции, если они отвечают совокупности условий, предусмотренных п. 9 ст. 4 названного Закона.

Индивидуальный предприниматель обратился в арбитражный суд с заявлением о признании недействительным решения антимонопольного органа, которым его действия признаны нарушающими положения п. 4 ч. 1 ст. 14 Закона о защите конкуренции.

Из материалов дела следовало, что индивидуальный предприниматель, являющийся производителем и продавцом фасадных строительных материалов, разместил на своем информационном сайте в сети “Интернет” в разделе “Продукция” информацию о товарах (фасадных строительных материалах) с неправомерным использованием товарного знака, принадлежавшего обществу.

Каких-либо соглашений между обществом и индивидуальным предпринимателем о реализации последней продукции общества или использования в хозяйственной деятельности его товарного знака заключено не было.

Суд первой инстанции требование заявителя удовлетворил исходя из следующего.

Совокупность условий, необходимых для квалификации действий хозяйствующего субъекта в качестве акта

недобросовестной конкуренции, определяется положениями п. 9 ст. 4 Закона о защите конкуренции (применяемого с учетом разъяснений п. 16.1 и абз. 3 и 4 п. 17 постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 17 февраля 2011 г. № 11 “О некоторых вопросах применения Особенной части Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях”).

В силу п. 9 ст. 4 Закона недобросовестная конкуренция — любые действия хозяйствующих субъектов (группы лиц), которые направлены на получение преимуществ при осуществлении предпринимательской деятельности, противоречат законодательству Российской Федерации, обычаям делового оборота, требованиям добропорядочности, разумности и справедливости и причинили или могут причинить убытки другим хозяйствующим субъектам — конкурентам либо нанесли или могут нанести вред их деловой репутации.

Все указанные в этом пункте Закона условия антимонопольным органом были установлены.

Вместе с тем в соответствии с п. 4 ч. 1 ст. 14 Закона не допускается недобросовестная конкуренция в виде продажи, обмена или иного введения в оборот товара, если при этом незаконно использовались результаты интеллектуальной деятельности и приравненные к ним средства индивидуализации юридического лица, средства индивидуализации продукции, работ, услуг.

Законодателем перечислены конкретные действия, при совершении которых лицо может быть признано осуществляющим недобросовестную конкуренцию.

Таким образом, поскольку действие индивидуального предпринимателя по размещению информации о товаре на своем информационном сайте в сети “Интернет” (в разделе “Продукция” без указания его стоимости) не является продажей, обменом или иным введением товара в оборот, оно не может быть квалифицировано как нарушение положения п. 4 ч. 1 ст. 14 Закона о защите конкуренции.

Суд апелляционной инстанции решение суда первой инстанции отменил, указав следующее.

Пунктом 3 ст. 1484 ГК РФ установлено, что никто не вправе использовать без разрешения правообладателя сходные с его товарным знаком обозначения в отношении товаров, для индивидуализации которых товарный знак зарегистрирован, или однородных товаров, если в результате такого использования возникнет вероятность смешения.

Согласно подп. 1 п. 2 ст. 1484 ГК РФ исключительное право на товарный знак может быть осуществлено для индивидуализации товаров, работ или услуг, в отношении которых товарный знак зарегистрирован, в частности, путем размещения товарного знака на товарах, в том числе на этикетках, упаковках товаров, которые производятся, предлагаются к продаже, продаются, демонстрируются на выставках и ярмарках или иным образом вводятся в гражданский оборот на территории Российской Федерации, либо хранятся или перевозятся с этой целью, либо ввозятся на территорию Российской Федерации.

Из содержания данной нормы следует, что под иным введением в гражданский оборот понимается не только продажа или обмен, но и предложение к продаже товара, демонстрация его на выставках и ярмарках. При этом перечень способов введения в гражданский оборот товаров с использованием результатов интеллектуальной деятельности не является исчерпывающим.

Таким образом, действия индивидуального предпринимателя являлись введением товара в оборот с неправомерным использованием товарного знака, что охватывается п. 4 ч. 1 ст. 14 Закона о защите конкуренции.

(По материалам судебной практики Верховного Суда РФ, Девятнадцатого арбитражного апелляционного суда, Арбитражного суда города Москвы)

11. При рассмотрении судом дел, связанных с нарушением чч. 1 или 2 ст. 15 Закона о защите конкуренции, антимонопольный орган должен доказать факт недопущения, ограничения, устранения конкуренции либо установить возможность наступления таких последствий на соответствующем товарном рынке.

Главное управление архитектуры и градостроительства администрации города (далее — Управление) обратилось в арбитражный суд с заявлением о признании недействительным решения антимонопольного органа, которым его действия признаны нарушающими положения ч. 1 ст. 15 Закона о защите конкуренции.

Суды установили следующее. Предприниматель обратился в Управление с заявлением о согласовании установки рекламных конструкций по определенным адресам. В связи с отсутствием соответствующей компетенции Управление отказало индивидуальному предпринимателю в рассмотрении данного вопроса.

Предприниматель обратился в антимонопольный орган с заявлением о неправомерных действиях Управления, выразившихся в отказе рассмотрения соответствующего заявления, создающих необоснованные препятствия осуществлению им предпринимательской деятельности, которые могут привести к недопущению, ограничению, устранению конкуренции.

Антимонопольный орган, рассмотрев заявление предпринимателя, пришел к выводу о том, что письмо Управления не содержит письменного ответа по существу поставленных в обращении вопросов либо уведомления о переадресации письменного обращения в соответствующий компетентный орган, что нарушает ч. 1 ст. 15 Закона о защите конкуренции и создает необоснованные препятствия к осуществлению предпринимательской деятельности.

Суды первой и апелляционной инстанций, отказывая в удовлетворении заявленного требования, согласились с выводом антимонопольного органа.

Суд кассационной инстанции, отменяя решение суда первой инстанции и постановление суда апелляционной инстанции, указал следующее.

Закон о защите конкуренции согласно ст. 1 направлен на предупреждение и пресечение недопущения, ограничения, устранения конкуренции, в частности, органами местного самоуправления в целях обеспечения единства экономического пространства, свободного перемещения товаров, свободы экономической деятельности в Российской Федерации, защиты конкуренции и создания условий для эффективного функционирования товарных рынков.

Пунктом 7 ст. 4 Закона конкуренция определена как соперничество хозяйствующих субъектов, при котором самостоятельными действиями каждого из них исключается или ограничивается возможность каждого из них в одностороннем порядке воздействовать на общие условия обращения товаров на соответствующем товарном рынке.

Пунктом 2 ч. 1 ст. 15 Закона запрещено необоснованное препятствование осуществлению деятельности хозяйствующими субъектами, в том числе путем установления не предусмотренных законодательством Российской Федерации требований к товарам или к хозяйствующим субъектам.

Закрепленные в данной норме запреты распространяются, прежде всего, на акты и действия органов власти в сфере публично-правовых отношений в целях предупреждения их негативного вмешательства в конкурентную среду посредством использования административных (волевых) инструментов.

Из совокупности приведенных выше норм права и подп. “д” п. 2 ч. 1 ст. 23 Закона о защите конкуренции следует, что антимонопольный орган в рамках чч. 1 и 2 ст. 15 Закона полномочен вынести соответствующее

решение об обнаружении и пресечении выявленного нарушения лишь в том случае, когда нарушение привело либо могло привести к нарушению охраняемого законом баланса экономических интересов хозяйствующих субъектов, осуществляющих деятельность на одном и том же рынке в соответствующих географических границах.

Данный вывод согласуется с содержанием п. 8 постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 30 июня 2008 г. № 30 “О некоторых вопросах, возникающих в связи с применением арбитражными судами антимонопольного законодательства”.

В каждом конкретном случае антимонопольный орган должен провести анализ состояния конкуренции на товарном рынке и доказать, что спорные акты органов власти, действия (бездействие) приводят или могут привести к недопущению, ограничению, устранению конкуренции.

Иное нарушение действующего законодательства органом власти, как, например, незаконный отказ уполномоченного органа в выдаче хозяйствующему субъекту соответствующей лицензии, само по себе не является нарушением ст. 15 Закона о защите конкуренции.

Из фактических обстоятельств дела следовало, что антимонопольным органом не были выявлены товарный рынок и состояние конкуренции на нем, не было установлено, каким образом письмо Управления ограничивает конкуренцию или может привести к ее ограничению, какие хозяйствующие субъекты действуют на соответствующем рынке и в чем выразилось получение ими преимуществ по сравнению с предпринимателем.

(По материалам судебной практики Арбитражного суда Уральского округа)

12. Включение в положение о закупке условия, позволяющего заключить договор ранее окончания срока, установленного для подачи жалобы в антимонопольный орган, нарушает положение ст. 18¹ Закона о защите конкуренции.

Общество обратилось в арбитражный суд с заявлением о признании недействительными решения антимонопольного органа, которым его действия были признаны нарушающими положения Федерального закона от 18 июля 2011 г. № 223-ФЗ “О закупках товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц” (далее — Закон о закупках), ст. 18¹ Закона о защите конкуренции, и выданного на его основании предписания.

Как следовало из материалов дела, на официальном сайте в сети “Интернет” был размещен заказ путем проведения запроса цен на право заключения договора на поставку технической дробы для нужд заказчика.

В соответствии с положением общества о закупках договор с победителем должен быть заключен не позднее 20 дней по итогам конкурсов и аукционов с момента опубликования итогового протокола.

По итогам размещения заказа был определен победитель, с которым договор поставки был заключен на четвертый день после подписания протокола о результатах конкурса.

По мнению антимонопольного органа, сокращение заказчиком законодательно установленного десятидневного срока, до истечения которого договор не может быть заключен, является нарушением требований ст. 18¹ Закона о защите конкуренции, а положение о закупках, содержащее условие о заключении договора в течение 20 дней с момента подписания протокола о результатах конкурса, нарушает права участников гражданского оборота.

Отказывая в удовлетворении заявленных требований, суды первой и апелляционной инстанций на основании системного анализа положений ст.ст. 2, 3 Закона о закупках и ст. 18¹ Закона о защите конкуренции пришли к выводу, что сокращение заказчиком законодательно установленного десятидневного срока на обжалование в антимонопольный орган действий организаторов торгов, аукционной или конкурсной комиссии является нарушением ч. 4 ст. 18¹ Закона о защите конкуренции.

При этом положение о закупках должно соответствовать требованиям, установленным Законом о закупках и Законом о защите конкуренции, в соответствии с которыми порядок заключения договоров направлен на обеспечение участникам закупки возможности реализации их права на обжалование действий заказчика (организатора торгов) в антимонопольный орган в процедуре, установленной ст. 18¹ Закона о защите конкуренции и ч. 10 ст. 3 Закона о закупках.

Суд кассационной инстанции не согласился с позицией судов нижестоящих инстанций, указав, что наличие в положении о закупках какого-либо срока заключения договора само по себе не изменяет срока, установленного в п. 4 ст. 18¹ Закона о защите конкуренции для подачи жалобы на действия (бездействие) организатора торгов, оператора электронной площадки, конкурсной или аукционной комиссии, и не свидетельствует о соблюдении либо нарушении заказчиком требований Закона о защите конкуренции.

Верховный Суд РФ, отменяя постановление суда кассационной инстанции, указал следующее.

Из положений ст. 1 Закона о закупках следует, что целью регулирования данного Закона является в том числе расширение возможностей участия юридических и физических лиц в закупке товаров, работ, услуг для нужд заказчиков и стимулирование такого участия, развитие добросовестной конкуренции, обеспечение гласности и прозрачности закупки, предотвращение коррупции и других злоупотреблений.

Для достижения названных целей (ч. 10 ст. 3 Закона о закупках) участникам закупки предоставлено право в порядке, установленном антимонопольным органом, обжаловать действия (бездействие) заказчика при закупке товаров, работ, услуг.

Согласно ч. 4 ст. 18¹ Закона о защите конкуренции обжалование действий (бездействия) организатора торгов, оператора электронной площадки, конкурсной или аукционной комиссии в антимонопольный орган в порядке, установленном названной статьей, допускается не позднее десяти дней со дня подведения итогов торгов либо в случае, если предусмотрено размещение результатов торгов на сайте в информационно-телекоммуникационной сети “Интернет”, со дня такого размещения, за исключением случаев, предусмотренных названным Законом.

Частями 18, 19 ст. 18¹ Закона о защите конкуренции предусмотрено, что со дня направления уведомления, предусмотренного ч. 11 указанной статьи, торги приостанавливаются до рассмотрения жалобы на действия (бездействие) организатора торгов, оператора электронной площадки, конкурсной или аукционной комиссии по существу. В случае принятия жалобы к рассмотрению организатор торгов, которому в порядке, установленном ч. 11 названной статьи, направлено уведомление, не вправе заключать договор до принятия антимонопольным органом решения по жалобе. Договор, заключенный с нарушением данного требования, является ничтожным.

Следовательно, установление в положении о закупках срока заключения договора по результатам закупки, не учитывающего закрепленной в Законе о закупке и Законе о защите конкуренции процедуры административного контроля со стороны антимонополь-

ного органа, фактически исключает применение оперативных мер, предусмотренных ст. 18¹ Закона о защите конкуренции, лишает обращение с жалобой какого-либо юридического смысла, а потому направлено против прав участников закупки.

Разрабатываемое участником закупки положение о закупках не должно вступать в противоречие с Законом о защите конкуренции в соответствующей части, а, напротив, призвано обеспечивать реализацию права на защиту в административном порядке путем установления соответствующего порядка заключения договоров по результатам торгов.

Сокращение либо исключение указанного срока направлено на снижение эффективности защиты гражданских прав.

(По материалам судебной практики Верховного Суда РФ, Арбитражного суда Уральского округа)

13. Под доходом, подлежащим взысканию в федеральный бюджет с лица, чьи действия (бездействие) признаны монополистической деятельностью или недобросовестной конкуренцией и являются недопустимыми в соответствии с антимонопольным законодательством, следует понимать доход, полученный от таких противоправных действий (бездействия).

Общество обратилось в арбитражный суд с заявлением о признании незаконным предписания антимонопольного органа, в котором заявителю на основании подп. "к" п. 2 ч. 1 ст. 23 Закона о защите конкуренции предписано перечислить в федеральный бюджет доход, представляющий собой всю полученную обществом выручку от реализуемой с нарушением положений Закона о защите конкуренции продукции.

Как следует из материалов дела, общество, занимающее на рынке реализации молочной продукции доминирующее положение, реализовывало свою продукцию торговым сетям по монопольно высокой цене, что было квалифицировано антимонопольным органом как нарушение п. 1 ч. 1 ст. 10 Закона о защите конкуренции.

По мнению заявителя, антимонопольным органом допущена ошибка при расчете суммы дохода, полученного в результате осуществления им монополистической деятельности.

Арбитражный суд, удовлетворяя заявленное требование, исходил из следующего.

В соответствии с ч. 3 ст. 51 Закона о защите конкуренции лицо, чьи действия (бездействие) признаны монополистической деятельностью или недобросовестной конкуренцией и являются недопустимыми в соответствии с антимонопольным законодательством, по предписанию антимонопольного органа обязано перечислить в федеральный бюджет доход, полученный от таких действий (бездействия).

Следовательно, в контексте указанного положения перечислению в федеральный бюджет подлежит доход общества, полученный им от неправомерных действий (бездействия), а не вся полученная от реализации такой продукции выручка.

(По материалам судебной практики Арбитражного суда Волго-Вятского округа, Арбитражного суда Поволжского округа, Второго арбитражного апелляционного суда)

14. Запрос антимонопольного органа о представлении хозяйствующим субъектом необходимой информации, документов, объяснений по возбужденному в отношении его делу о нарушении антимонопольного законодательства признается мотивированным при указании в нем на процессуальный повод истребования информации, нормативно-правовое основание истребования информации и положение Закона о защите конкуренции, которое, по

мнению антимонопольного органа, могло быть нарушено хозяйствующим субъектом.

Антимонопольный орган в рамках рассмотрения дела о нарушении антимонопольного законодательства на основании ст. 25 Закона о защите конкуренции запросил у общества необходимые ему документы, объяснения и информацию.

Общество отказалось представить запрашиваемые антимонопольным органом документы и информацию, поскольку в соответствии со ст. 25 Закона о защите конкуренции требование (запрос) антимонопольного органа должно быть мотивированным. По мнению общества, наличие в запросе общей формулировки со ссылкой на полномочия антимонопольного органа с указанием номера дела и положения Закона о защите конкуренции, которое, по мнению антимонопольного органа, могло быть нарушено хозяйствующим субъектом, является недостаточным: запрос должен содержать конкретные вопросы, возникшие у антимонопольного органа при рассмотрении дел, для разрешения которых необходима запрашиваемая информация.

За непредставление в антимонопольный орган запрашиваемых документов и информации общество было привлечено к административной ответственности, предусмотренной ч. 5 ст. 19.8 КоАП РФ.

Общество обратилось в арбитражный суд с заявлением о признании незаконным постановления антимонопольного органа о привлечении общества к административной ответственности.

Арбитражный суд отказал в удовлетворении заявленного требования, указав следующее.

Статья 25 Закона о защите конкуренции не обязывает антимонопольный орган детально раскрывать в запросе цели и обстоятельства проводимых проверок, а также вопросы, возникшие при рассмотрении дел о нарушении антимонопольного законодательства. Мотивирование требования антимонопольного органа не означает, что перед лицом, которому направлен соответствующий запрос, должна быть раскрыта полная информация о существе дела, целях и задачах истребования документов. Объем запрашиваемых сведений, порядок и сроки их представления определяются антимонопольным органом в каждом конкретном случае в зависимости от предмета проверки и иных существенных обстоятельств.

Запрос, содержащий указание на объективную необходимость представления запрашиваемых документов и информации, на процессуальный повод истребования информации (например, ссылку на конкретное дело), нормативно-правовое основание (ст. 25 Закона о защите конкуренции) и положение Закона о защите конкуренции, которое, по мнению антимонопольного органа, могло быть нарушено хозяйствующим субъектом, является мотивированным. Так, например, если хозяйствующий субъект подозревается в совершении нарушения, предусмотренного ч. 1 ст. 10 Закона о защите конкуренции, то в запросе антимонопольного органа должно содержаться указание на действие (бездействие) хозяйствующего субъекта, которое приводит или может приводить к недопущению, ограничению, устранению конкуренции и (или) ущемлению интересов других лиц (хозяйствующих субъектов) в сфере предпринимательской деятельности либо неопределенного круга потребителей.

Запрашиваемые документы и информация должны быть относимы и взаимосвязаны с нарушением антимонопольного законодательства, в совершении которого подозревается общество.

Как установлено судом, антимонопольный орган запрашивал у общества документы и информацию, которые входят в предмет рассмотрения по делу о нарушении антимонопольного законодательства, запрос

содержал достаточную мотивировку необходимости их представления.

Таким образом, антимонопольный орган сделал правильный вывод о наличии в действиях общества состава административного правонарушения, ответственность за которое предусмотрена ч. 5 ст. 19.8 КоАП РФ.

(По материалам судебной практики Арбитражного суда Поволжского округа, Арбитражного суда Волго-Вятского округа, Арбитражного суда Восточно-Сибирского округа)

15. Предписание антимонопольного органа, обязывающее хозяйствующего субъекта провести открытый конкурс (аукцион) на право заключения договора, незаконно, поскольку является вмешательством в хозяйственную деятельность организации.

Федеральное государственное унитарное предприятие (далее — предприятие), являющееся субъектом естественной монополии, обратилось в арбитражный суд с заявлением о признании незаконными решения антимонопольного органа, которым его действия, развившиеся в выборе финансовой организации без проведения торгов, признаны незаконными и нарушающими требования ч. 1 ст. 18 Закона о защите конкуренции, а также предписания, обязывающего заявителя осуществить отбор финансовых организаций путем проведения открытого конкурса или открытого аукциона.

При рассмотрении дела установлено, что предприятие, в нарушение требований законодательства о размещении заказов на поставки товаров, выполнение работ, оказание услуг для государственных и муниципальных нужд, заключило с банком договоры об оказании финансовых услуг, в том числе договор банковского счета, договор на кассовое обслуживание предприятия, без проведения открытого аукциона или открытого конкурса по отбору финансовой организации.

Решением суда первой инстанции заявление предприятия удовлетворено частично: признано незаконным предписание антимонопольного органа.

Суд указал, что в соответствии с ч. 1 ст. 18 Закона о защите конкуренции федеральные органы исполнительной власти, органы исполнительной власти субъектов Российской Федерации, органы местного самоуправления, государственные внебюджетные фонды, субъекты естественных монополий осуществляют отбор финансовых организаций путем проведения открытого конкурса или открытого аукциона в соответствии с положениями федерального закона о размещении заказов на поставки товаров, выполнение работ, оказание услуг для государственных и муниципальных нужд для оказания услуг по открытию и ведению банковских счетов юридических лиц, осуществлению расчетов по этим счетам. Такое нарушение было допущено предприятием, ввиду чего решение антимонопольного органа является законным.

Что касается предписания, обязывающего заявителя осуществить отбор финансовых организаций путем проведения открытого конкурса или открытого аукциона, то суд отметил, что согласно ст.ст. 39, 41 и 50 Закона о защите конкуренции предписания должны выдаваться антимонопольным органом в пределах предоставленных ему полномочий.

Перечень возможных предписаний, выдаваемых хозяйствующим субъектам и обязательных для исполнения, содержится в п. 2 ч. 1 ст. 23 Закона. По смыслу указанной нормы у антимонопольного органа отсутствует право возлагать на юридические лица дополнительные обязанности, не предусмотренные законом, вмешиваться без надлежащих на то оснований в его хозяйственную деятельность, в частности обязывать юридическое лицо осуществлять к определенному сро-

ку отбор финансовых организаций для оказания финансовых услуг путем проведения открытого конкурса или аукциона.

При этом в соответствии с п. 2 ст. 1 ГК РФ гражданские права могут быть ограничены на основании федерального закона и только в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства.

Защита прав лиц, чьи права и законные интересы нарушены вследствие непроведения торгов или их организации, проведения с нарушениями законодательства, обеспечивается не посредством выдачи предписаний, а путем признания судом соответствующих торгов или сделок, заключенных по результатам таких торгов (в отсутствие торгов), недействительными, в том числе по иску антимонопольного органа (ч. 5 ст. 18 Закона о защите конкуренции).

(По материалам судебной практики Арбитражного суда Северо-Кавказского округа, Арбитражного суда Волго-Вятского округа)

16. Предписание, вынесенное антимонопольным органом по результатам рассмотрения дела о нарушении антимонопольного законодательства, может содержать требования, направленные на недопущение в будущем действий, аналогичных выявленному нарушению.

Общество обратилось в арбитражный суд с заявлением о признании недействительным предписания антимонопольного органа в части, касающейся содержания п. 3, как противоречащего положениям п. 2 ст. 22, п. 2 ч. 1 ст. 23, ч. 1 ст. 39, пп. 2 и 3 ч. 3 ст. 41, ч. 1 ст. 50 Закона о защите конкуренции в их системном толковании.

Общество, занимающее доминирующее положение на рынке оказания услуг автовокзалов, в договорах с перевозчиками установило дополнительные условия об оплате перевозчиками обществу услуг, оказываемых льготным категориям пассажиров, о проведении обществом проверок наличия у пассажиров кассовых билетов, об уплате штрафов за незаезд на тарифную остановку, где осуществляется кассовая продажа билетов, за отклонение от маршрута и посадку пассажиров без билета.

Как следует из материалов дела, антимонопольный орган, вынося предписание об устранении нарушения, выраженного в навязывании условий договора, не относящихся к его предмету (п. 3 ч. 1 ст. 10 Закона о защите конкуренции), указал дополнительно на необходимость не допускать в будущем действий, которые могут являться препятствием для возникновения конкуренции и (или) могут привести к ограничению, устранению конкуренции и нарушению антимонопольного законодательства при заключении договоров.

По мнению заявителя, предписание антимонопольного органа в указанной части выходит за рамки его компетенции, не соответствует закону и нарушает права в сфере хозяйственной деятельности.

Кроме того, по мнению заявителя, возможность направления предписания, содержащего абстрактные формулировки, не относящиеся к конкретной правовой ситуации, рассмотренной в рамках дела о нарушении антимонопольного законодательства, может приводить к тому, что каждый впоследствии выявленный случай нарушения антимонопольного законодательства, возникший при иных обстоятельствах, может быть квалифицирован антимонопольным органом в соответствии со ст. 19.5 КоАП РФ (невыполнение в срок законного предписания (постановления, представления, решения) органа (должностного лица), осуществляющего государственный надзор (контроль), муниципальный контроль).

Арбитражный суд первой инстанции отказал в удовлетворении заявленного требования, указав, что по смыслу п. 2 ч. 1 ст. 23 Закона о защите конкуренции выдаваемые антимонопольным органом предписания могут затрагивать и те правоотношения, которые на момент рассмотрения дела о нарушениях антимонопольного законодательства не возникли.

Отменяя решение суда первой инстанции и удовлетворяя заявленные требования, суд апелляционной инстанции указал следующее.

В соответствии с п. 2 ст. 22, ч. 1 ст. 39 Закона о защите конкуренции антимонопольный орган выявляет нарушения антимонопольного законодательства, принимает меры по прекращению нарушения антимонопольного законодательства и привлекает к ответственности за такие нарушения, в том числе в пределах своих полномочий возбуждает и рассматривает дела о нарушении антимонопольного законодательства, принимает по результатам их рассмотрения решения и выдает предписания.

На основании пп. 2 и 3 ч. 3 ст. 41 Закона в решении по делу о нарушении антимонопольного законодательства должны содержаться выводы о наличии или об отсутствии нарушения антимонопольного законодательства в действиях (бездействии) лица; выводы о наличии или об отсутствии оснований для выдачи предписания и перечень действий, включаемых в предписание и подлежащих выполнению.

Согласно ч. 1 ст. 50 Закона по результатам рассмотрения дела о нарушении антимонопольного законодательства (на основании решения по делу) комиссия выдает предписание ответчику по делу.

Исходя из системного толкования указанных норм, выдаваемые антимонопольным органом предписания должны быть направлены на устранение выявленных нарушений, отраженных в решении антимонопольного органа.

Выдача общего предписания на будущее время без указания вида действий, которые должен совершить или не совершать хозяйствующий субъект, занимающий доминирующее положение, не отвечает требованиям определенности и законности и может привести к вторжению в различные виды хозяйственной деятельности лица, в отношении которого такое предписание вынесено.

В случае, когда нарушение состоит в навязывании контрагенту условий, не относящихся к предмету договора, предписание в части требований, направленных на предупреждение аналогичных нарушений в будущем, должно содержать конкретные указания о недопустимости включения таких условий в договор, а если договор является типовым, то требование об их исключении.

В том случае, если антимонопольным органом будет выявлено, что на момент рассмотрения антимонопольного дела договор, содержащий нарушающие права условия, также был заключен с иными лицами, то антимонопольный орган при отсутствии ходатайств этих лиц вправе во исполнение вынесенного им ранее решения обязать хозяйствующего субъекта, занимающего доминирующее положение, направить предложения своим контрагентам об изменении или о расторжении таких договоров (п. 6 постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 30 июня 2008 г. № 30 “О некоторых вопросах, возникающих в связи с применением арбитражными судами антимонопольного законодательства”).

В то же время если нарушение со стороны хозяйствующего субъекта связано с установлением, поддержанием монопольно высокой или монопольно низкой цены товара, то предписание не может содержать требования о заключении в будущем договоров по определенной антимонопольным органом расчетным мето-

дом цене, поскольку такой расчет не может учитывать будущих, в том числе экономических, условий осуществления хозяйственной деятельности.

(По материалам судебной практики Арбитражного суда Поволжского округа, Арбитражного суда Уральского округа)

17. При привлечении лица к административной ответственности, предусмотренной ч. 5 ст. 19.8 КоАП РФ, за непредставление или несвоевременное представление сведений (информации) по требованию антимонопольного органа подлежит применению годичный срок давности.

Антимонопольный орган в соответствии со ст. 25 Закона о защите конкуренции запросил у общества документы, связанные с рассматриваемым антимонопольным органом делом.

Поскольку общество не представило запрашиваемую информацию в установленный запросом срок, антимонопольный орган привлек общество к административной ответственности, предусмотренной ч. 5 ст. 19.8 КоАП РФ.

Общество обратилось в арбитражный суд с заявлением о признании незаконным и об отмене постановления антимонопольного органа по делу об административном правонарушении.

Удовлетворяя заявленные требования общества, суд первой инстанции исходил из следующего.

В соответствии с п. 6 ч. 1 ст. 24.5 КоАП РФ одним из обстоятельств, исключающих производство по делу об административном правонарушении, является истечение сроков давности привлечения к административной ответственности.

Постановление по делу об административном правонарушении не может быть вынесено по истечении двух месяцев со дня совершения административного правонарушения, а за нарушение антимонопольного законодательства — по истечении одного года со дня совершения административного правонарушения (ч. 1 ст. 4.5 КоАП РФ).

Статья 19.8 КоАП РФ включена законодателем в главу 19 КоАП РФ, объединяющую правонарушения, родовым объектом которых являются правоотношения в сфере установленного порядка управления.

Объективную сторону административного правонарушения, предусмотренного ч. 5 ст. 19.8 КоАП РФ, образует непредставление или несвоевременное представление в федеральный антимонопольный орган, его территориальный орган сведений (информации) по требованию указанных органов либо представление заведомо недостоверных сведений (информации).

Невыполнение требований антимонопольного органа посягает, прежде всего, на установленный порядок реализации полномочий данного органа исполнительной власти и не представляет само по себе нарушение норм антимонопольного законодательства.

Таким образом, срок давности привлечения общества к административной ответственности за совершение административного правонарушения, ответственность за которое предусмотрена ч. 5 ст. 19.8 КоАП РФ, составляет два месяца.

Следовательно, поскольку общество было привлечено к административной ответственности за пределами срока, установленного ч. 1 ст. 4.5 КоАП РФ, заявленные требования подлежат удовлетворению.

Суд апелляционной инстанции отменил решение суда, указав следующее.

Обязанность коммерческих организаций и ряда других лиц представлять в антимонопольный орган (его должностным лицам) по его мотивированному требованию в установленный срок необходимые антимонопольному органу в соответствии с возложенными на него полномочиями документы, объяснения, ин-

формацию предусмотрена ст. 25 Закона о защите конкуренции.

Таким образом, ответственность на основании ч. 5 ст. 19.8 КоАП РФ за непредставление в антимонопольный орган сведений (информации) по требованию указанного органа наступает при несоблюдении обязанности, установленной антимонопольным законодательством, в связи с чем к такому правонарушению подлежит применению годичный срок давности привлечения к административной ответственности.

(По материалам судебной практики Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ, Арбитражного суда Волго-Вятского округа)

18. Минимальный предел санкции, установленный ч. 2 ст. 14.31 КоАП РФ, в размере 100 тыс. рублей может быть назначен судом только в том случае, когда сумма штрафа при его исчислении окажется меньше указанного размера.

Решением антимонопольного органа общество, занимающее на товарном рынке доминирующее положение, признано нарушившим п. 6 ч. 1 ст. 10 Закона о защите конкуренции, как устанавливающее различные цены (тарифы) на один и тот же товар без надлежащего обоснования.

По факту выявленного нарушения постановлением антимонопольного органа общество было привлечено к административной ответственности, предусмотренной ч. 2 ст. 14.31 КоАП РФ, с наложением административного штрафа в размере 1 004 805 руб.

Общество обратилось в арбитражный суд с заявлением о признании незаконным и об отмене постановления антимонопольного органа о привлечении заявителя к административной ответственности.

По мнению заявителя, антимонопольным органом неверно был установлен размер полученной им выручки и, следовательно, ошибочно рассчитан размер

штрафа, определяемый в виде предусмотренного ч. 2 ст. 14.31 КоАП РФ процента от полученной хозяйствующим субъектом выручки.

Судом при рассмотрении дела был выявлен факт нарушения антимонопольным органом расчета полученной заявителем выручки и определяемого по ней размера административного штрафа, что послужило основанием для признания оспариваемого постановления незаконным в части назначенного административного штрафа.

Судом был назначен минимальный предел санкции, установленный ч. 2 ст. 14.31 КоАП РФ, в размере 100 тыс. рублей.

Суд апелляционной инстанции отменил указанное решение суда, указав следующее.

Как следует из санкции ч. 2 ст. 14.31 КоАП РФ, размер административного штрафа подлежит исчислению исходя из суммы выручки правонарушителя (“оборотный” штраф). При этом минимально установленная санкцией сумма штрафа в размере 100 тыс. рублей может быть назначена только в том случае, когда определенная расчетным методом сумма штрафа окажется меньше указанного размера.

Однако суд первой инстанции, вопреки установленным в деле обстоятельствам, счел возможным назначить обществу минимальный размер штрафа, установленный ч. 2 ст. 14.31 КоАП РФ, без проведения соответствующих расчетов, чем нарушил положения закона.

(По материалам судебной практики Арбитражного суда Волго-Вятского округа, Арбитражного суда Поволжского округа, Второго арбитражного апелляционного суда)

(Обзор утвержден Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 16 марта 2016 г.)

ОБЗОР ПРАКТИКИ РАССМОТРЕНИЯ В 2015 ГОДУ ОБЛАСТНЫМИ И РАВНЫМИ ИМ СУДАМИ ДЕЛ ОБ УСЫНОВЛЕНИИ ДЕТЕЙ ИНОСТРАННЫМИ ГРАЖДДАНАМИ ИЛИ ЛИЦАМИ БЕЗ ГРАЖДАНСТВА, А ТАКЖЕ ГРАЖДДАНАМИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ, ПОСТОЯННО ПРОЖИВАЮЩИМИ ЗА ПРЕДЕЛАМИ ТЕРРИТОРИИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Верховным Судом РФ проведено обобщение практики рассмотрения судами в 2015 году дел об усыновлении детей иностранными гражданами или лицами без гражданства, а также гражданами Российской Федерации, постоянно проживающими за пределами территории Российской Федерации (далее — международное усыновление).

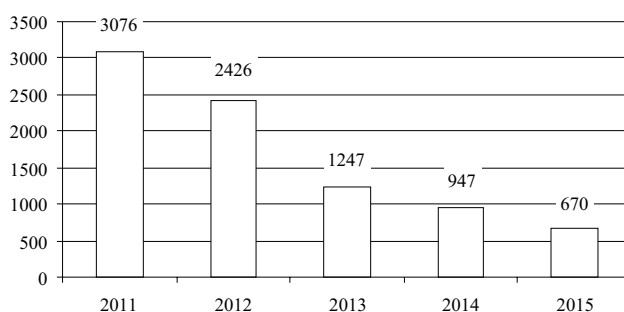
Обобщение судебной практики показало, что при рассмотрении указанной категории дел судами в целом соблюдаются требования действующего законодательства, регулирующего вопросы усыновления детей, а также учитываются разъяснения, данные Верховным Судом РФ в постановлении Пленума от 20 апреля 2006 г. № 8 “О применении судами законодательства при рассмотрении дел об усыновлении (удочерении) детей” с изменениями, внесенными постановлением Пленума от 17 декабря 2013 г. № 37.

Статистические данные

Результаты проведенного обобщения свидетельствуют о том, что тенденция к снижению количества дел указанной категории, которая имела место в предыдущие годы (2011—2014 годы), в 2015 году сохранилась.

Так, в 2015 году с вынесением решения областными и равными им судами рассмотрено 670 дел о международном усыновлении (из них с удовлетворением требования — 663 дела), что на 29,3% меньше, чем в 2014 году, и на 46,3% меньше, чем в 2013 году. По сравнению с 2012 годом в 2015 году количество дел о международном усыновлении, рассмотренных с вынесением решения, уменьшилось на 72,4%, а по сравнению с 2011 годом — на 78,2%.

Количество дел о международном усыновлении, рассмотренных с вынесением решения

При этом следует отметить, что количество дел об усыновлении детей российскими гражданами остается стабильно высоким.

Так, в 2015 году с вынесением решения судами рассмотрено 14 185 дел по заявлениям граждан Российской Федерации об усыновлении детей, из которых с удовлетворением требования — 14 085 дел, что в 21 раз больше, чем за этот же период рассмотрено с удовлетворением заявления дел о международном усыновлении детей (663 дела).

В 2015 году наибольшее количество дел о международном усыновлении с вынесением решения рассмотрено Санкт-Петербургским городским судом (71 дело), Кемеровским областным судом (70 дел), Приморским краевым судом (59 дел), Пермским краевым судом (40 дел), Ленинградским областным судом (30 дел), Челябинским областным судом (29 дел).

Как и в предыдущие два года (2013—2014 годы), в 2015 году чаще всего российских детей усыновляли граждане Италии (57% дел, рассмотренных с удовлетворением заявления), граждане Испании (17,5%) и граждане Франции (5,9%).

Абсолютное большинство дел данной категории рассмотрены в установленный ч. 1 ст. 154 ГПК РФ двухмесячный срок со дня поступления заявления в суд, и только по 6 делам (из 692 дел, оконченных в 2015 году) этот срок был нарушен.

Принятие заявления об усыновлении

Обобщение судебной практики свидетельствует о том, что судьями правильно разрешается вопрос о возможности принятия заявления об усыновлении к производству суда.

Как показало обобщение судебной практики, заявления о международном усыновлении, с которыми усыновители обращались в суды в 2015 году, нередко по форме и содержанию не отвечали как общим требованиям, предъявляемым ст. 131 ГПК РФ к исковому заявлению, так и специальным требованиям, закрепленным в ст. 270 ГПК РФ, а также положениям ст. 271 ГПК РФ, устанавливающим перечень необходимых документов, которые должны быть приложены к заявлению об усыновлении.

Такие заявления оставались судьями без движения, заявителям предоставлялся срок для устранения недостатков. При невыполнении в установленный срок указаний судьи заявление возвращалось заявителю на основании ч. 2 ст. 136 ГПК РФ.

Например, на основании указанной нормы судьями Волгоградского областного суда 17 раз возвращались заявления об усыновлении. При этом заявление одной супружеской пары возвращалось 5 раз, другой пары — 3 раза, третьей пары — 2 раза, остальные 7 заявлений — по одному разу. Впоследствии, после повторного обращения в суд и устранения недостатков, 9 ранее возвращенных заявлений об усыновлении были приняты к производству суда и рассмотрены по существу (всею Волгоградским областным судом в 2015 году с вынесением решения рассмотрено 26 дел о международном усыновлении).

Основаниями для оставления заявлений без движения в 2015 году, как и в 2014 году, как правило, являлись непредставление заявителями (их представителями) вместе с заявлением всех необходимых документов, предусмотренных ст. 271 ГПК РФ (в частности, разрешения компетентного органа соответствующего государства на въезд усыновляемого ребенка в это государство и его постоянное жительство на территории этого государства; документа о постановке на учет граждан в качестве кандидатов в усыновители; справок с места работы на везд усыновляемого ребенка; копии декларации о доходах или иного документа о доходах; заключения компетентного органа государства, гражданами которого являются усыновители, об условиях их жизни и о возможности быть усыновителями; документа о прохождении в

установленном порядке подготовки лиц, желающих принять на воспитание в свою семью ребенка, оставшегося без попечения родителей), либо представление документов, не отвечающих установленным требованиям (например, несоблюдение порядка проставления апостиля, предусмотренного ст. 4 Конвенции, отменяющей требование легализации иностранных официальных документов (Гаага, 5 октября 1961 г.); представление документов с истекшими сроками их действия, не в подлинниках, а в копиях, не переведенных на русский язык либо содержащих неправильный перевод).

С учетом того, что международное усыновление, как правило, осуществляется при содействии представительства иностранного государственного органа или организации по усыновлению (удочерению) детей на территории Российской Федерации или представительства иностранной некоммерческой неправительственной организации, получивших соответствующие разрешения на осуществление деятельности по усыновлению (удочерению) детей на территории Российской Федерации, указанные выше недостатки заявлений об усыновлении и документов, прилагаемых к ним, свидетельствуют об имеющихся недочетах в работе данных представительств по надлежащей подготовке необходимых материалов иностранных граждан для обращения в суд с заявлением об усыновлении ребенка.

При принятии заявления об усыновлении детей судьи учитывали положения ст. 4 Федерального закона от 28 декабря 2012 г. № 272-ФЗ “О мерах воздействия на лиц, причастных к нарушениям основополагающих прав и свобод человека, прав и свобод граждан Российской Федерации”, согласно ч. 1 которой запрещается передача детей, являющихся гражданами Российской Федерации, на усыновление (удочерение) гражданам Соединенных Штатов Америки, а также осуществление на территории Российской Федерации деятельности органов и организаций в целях подбора и передачи детей, являющихся гражданами Российской Федерации, на усыновление (удочерение) гражданам Соединенных Штатов Америки, желающим усыновить (удочерить) указанных детей.

Так, в 2015 году на основании п. 1 ч. 1 ст. 134 ГПК РФ со ссылкой на ст. 4 названного выше Федерального закона правильно отказано в принятии двух заявлений, поданных лицами, имеющими гражданство США (Верховный Суд Республики Татарстан, Ростовский областной суд).

Соблюдение судами положений ст. 273 ГПК РФ. Учет мнения ребенка (ст. 57 СК РФ)

Согласно ст. 273 ГПК РФ дела об усыновлении ребенка должны рассматриваться с обязательным участием усыновителей (усыновителя), представителя органа опеки и попечительства, прокурора, а также ребенка, достигшего возраста четырнадцати лет.

Обобщение судебной практики показало, что указанное требование закона в 2015 году (как и в 2014 году) неукоснительно соблюдалось областными и равными им судами.

Исходя из положений ст. 57 СК РФ, которыми закреплено право ребенка выражать свое мнение при решении в семье любого вопроса, затрагивающего его интересы, а также быть заслушанным в ходе любого судебного разбирательства, суды во всех случаях выясняли мнение детей, достигших возраста десяти лет, по вопросу усыновления непосредственно в судебном заседании. При этом суды учитывали, что в соответствии со ст. 57 и п. 1 ст. 132 СК РФ для усыновления ребенка, достигшего указанного возраста, необходимо его согласие.

Например, при рассмотрении Владимирским областным судом дела об усыновлении гражданами Италии двоих детей (брата и сестры) старше десяти лет девочка дала согласие на ее удочерение при условии, что она будет удочерена вместе с братом, поскольку разлучаться с ним не хочет, между тем мальчик выразил несогла-

сие на его усыновление. Учитывая данные обстоятельства и приняв отказ усыновителей от заявленных требований, суд прекратил производство по делу.

В случае, когда усыновители желали изменить фамилию, имя и отчество усыновленного ребенка, достигшего возраста десяти лет, суды, исходя из положений п. 4 ст. 134 СК РФ, выявляли также и согласие ребенка на возможность внесения указанных изменений.

По ряду дел в судебном заседании опрашивались дети младше десятилетнего возраста, если суд приходил к выводу о том, что усыновляемый ребенок достиг достаточной степени развития и способен в силу этого сформулировать свои собственные взгляды по вопросу его усыновления.

С этой целью Иркутским областным судом, в частности, выяснялось мнение руководителя детского учреждения, где находится ребенок, представителя органа опеки и попечительства. Позиция данных лиц по указанному вопросу основывалась на результатах проведенного в детском учреждении тестирования ребенка, заключениях врачей, педагога-психолога и социального педагога относительно того, достиг ли ребенок достаточной степени развития и способен ли он сформулировать свои собственные взгляды, а также не отразится ли негативно опрос ребенка в суде на его психическом или физическом состоянии.

Мнение детей в возрасте до десяти лет по вопросу их усыновления путем их опроса в судебном заседании выяснялось, в частности, также Верховным Судом Республики Коми, Приморским краевым судом, Владимирским, Волгоградским, Калининградским, Нижегородским и Смоленским областными судами, судом Еврейской автономной области.

Например, Верховным Судом Республики Коми из 15 детей указанного возраста в судебном заседании было опрошено 5 детей (всего в 2015 году на основании решения Верховного Суда Республики Коми усыновлен 21 ребенок).

Указанная практика является правильной, поскольку она согласуется с положениями ст. 57 СК РФ и ст. 12 Конвенции о правах ребенка (Нью-Йорк, 20 ноября 1989 г.) и позволяет рассмотреть дело об усыновлении максимально с учетом интересов конкретного ребенка.

Соблюдение условий передачи детей на международное усыновление (п. 4 ст. 124 СК РФ)

Учитывая, что в соответствии с п. 4 ст. 124 СК РФ иностранные граждане и лица без гражданства вправе усыновить российских детей, если невозможно передать усыновляемого ребенка на воспитание в семьи граждан Российской Федерации, постоянно проживающих на территории Российской Федерации, либо на усыновление родственникам этого ребенка независимо от гражданства и места жительства этих родственников, а также если истекли двенадцать месяцев со дня поступления сведений о таком ребенке в федеральный банк данных о детях, оставшихся без попечения родителей, суды проверяли указанные обстоятельства при рассмотрении каждого дела об усыновлении.

С этой целью суды, в частности, проверяли, какие меры были приняты органами опеки и попечительства, региональным и федеральным операторами по устройству детей, оставшихся без попечения родителей, в семьи родственников детей, если таковые имелись, а также в семьи граждан Российской Федерации, когда и кому из российских граждан предлагался ребенок, по каким причинам указанные лица отказались от принятия ребенка на воспитание в семью (на усыновление, под опеку (попечительство), в приемную семью), с какого времени сведения о ребенке находятся в федеральном банке данных о детях, оставшихся без попечения родителей, и правильно ли были указаны сведения о ребенке (о его возрасте, состоянии здоровья), размещались ли сведения о ребенке в средствах массовой информации.

Указанные обстоятельства, как правило, устанавливались судом путем исследования письменных доказательств, представляемых органами опеки и попечительства, федеральным и региональным операторами.

В необходимых случаях суд опрашивал в судебном заседании лиц, которые знакомились со сведениями о ребенке и отказались от его усыновления или семейного воспитания в иных формах, а также родственников ребенка.

Названные лица в целях их опроса вызывались в судебное заседание, в частности, Верховным Судом Республики Коми, Верховным Судом Республики Бурятия, Забайкальским и Красноярским краевыми судами, Санкт-Петербургским городским судом, Волгоградским, Иркутским, Калининградским, Ленинградским и Смоленским областными судами, судом Еврейской автономной области.

При рассмотрении ряда дел суд, рассматривающий дело об усыновлении, в соответствии со ст. 62 ГПК РФ поручал суду по месту жительства родственников усыновляемых детей либо лиц, которые знакомились со сведениями о ребенке и отказались от его усыновления или семейного воспитания, опросить этих лиц по обстоятельствам рассматриваемого дела.

Например, Верховным Судом Республики Коми в 2015 году по 6 из 19 дел о международном усыновлении, рассмотренных этим судом в 2015 году с вынесением решения, направлялись судебные поручения о допросе родственников усыновляемого ребенка по месту их жительства.

В тех случаях, когда суды выясняли, что до подачи усыновителями заявления в суд об усыновлении надлежащие меры по установлению родственников ребенка приняты не были, суды предлагали органам опеки и попечительства принять меры к установлению родственников ребенка.

Например, при рассмотрении Липецким областным судом дела об усыновлении ребенка гражданами Италии суд предложил органу опеки и попечительства установить родственников (совершеннолетних братьев, сестер, дедушек, бабушек, прабабушек, прадедушек, тетей, дядей) ребенка и опросить их о возможности устройства ребенка в их семьи. Органы опеки и попечительства представили суду списки установленных родственников (совершеннолетние брат и сестра, два дяди и одна тетя), а также их письменные заявления, в которых родственники ребенка указали на невозможность взять ребенка в свои семьи, а также на то, что они не возражают против усыновления ребенка.

Обобщение судебной практики свидетельствует о том, что, как и в предыдущие годы, в большинстве случаев отказ российских граждан от принятия детей на воспитание в свои семьи был обусловлен состоянием здоровья передаваемых на усыновление детей, наличием у них отягощенной наследственности. В некоторых случаях на такой отказ влияли возраст детей, его внешние данные, пол, неблагополучный социальный статус его родителей.

Родственники детей, как правило, отказывались взять ребенка на воспитание в свою семью со ссылкой на тяжелое материальное положение, отсутствие надлежащих жилищных условий, преклонный возраст, наличие собственных несовершеннолетних детей, а также на состояние здоровья усыновляемых детей.

При установлении судом обстоятельств, свидетельствующих о том, что имеется возможность передать детей на воспитание в семьи граждан Российской Федерации, постоянно проживающих на территории Российской Федерации, либо на усыновление родственникам детей, суды принимали решение об отказе в удовлетворении заявления об усыновлении детей иностранными гражданами либо прекращали производство по делу в связи с отказом заявителей от заявления.

Так, Смоленский областной суд по одному из дел об усыновлении ребенка гражданами Италии отказал в удовлетворении заявления об усыновлении, поскольку при рассмотрении дела судом в том числе была установлена возможность устроить ребенка в семью его

тети — родной сестры отца ребенка, которая в судебном заседании выразила намерение взять ребенка на воспитание в свою семью. В этих целях указанный родственник ребенка подала заявление на установление опеки над ребенком и ею получены необходимые для этого документы, она забирала ребенка к себе на каникулы и в выходные дни. Кроме того, она пояснила, что родители ребенка в конце августа 2015 г. навещали его в доме-интернате, планируют восстановиться в родительских правах, они подарили ему мобильный телефон и перезваниваются с ребенком. Ребенок, со слов родственников, не хочет уезжать за границу, о чем заявил родителям и тете. Другая тетя ребенка в судебном заседании также пояснила, что неоднократно навещала ребенка в детском учреждении, последний раз вместе с его родителями. Ребенок узнал маму, был рад встрече, спрашивал, когда родители его заберут, плакал, говорил, что не хочет уезжать за границу, в Италию. Данный родственник также подтвердила, что сестра отца ребенка приняла решение оформить опеку над ним и ее супруг не возражает против этого.

Решением Забайкальского краевого суда также отказано в удовлетворении заявления граждан Испании об усыновлении несовершеннолетнего в связи с тем, что в ходе судебного разбирательства было установлено, что не все предусмотренные законом условия для передачи ребенка на воспитание в семью иностранных граждан были соблюдены, а именно не исчерпаны все возможные меры и способы к устройству усыновляемого в семьи российских граждан, поскольку сведения о ребенке активно предлагались для ознакомления российским гражданам лишь в 2012 году. Кроме того, в судебном заседании был опрошен гражданин Российской Федерации, в семье которого воспитывается родная сестра усыновляемого, который пояснил, что они с супругой на протяжении длительного времени обсуждают возможность взять этого ребенка под опеку и в настоящее время они собирают документы на установление опеки. С учетом названных обстоятельств суд правильно пришел к выводу о том, что передача несовершеннолетнего на усыновление гражданам Испании в указанном случае не будет соответствовать интересам ребенка и повлечет нарушение как его прав, так и прав граждан Российской Федерации.

При рассмотрении Красноярским краевым судом дела об усыновлении ребенка гражданами Испании было установлено, что у несовершеннолетней есть родственник — ее дядя, сведений о котором в материалах личного дела ребенка не имелось, и его мнение относительно возможности принять ребенка на воспитание органами опеки и попечительства до обращения заявителей в суд не выяснялось. Поскольку дядя несовершеннолетней в судебном заседании выразил твердое намерение принять девочку в свою семью на воспитание и удочерить ее, каких-либо препятствий для этого судом установлено не было, а также учитывая, что органом опеки и попечительства дано заключение о том, что удочерение либо установление над несовершеннолетней опеки дядей ребенка и его супругой будет отвечать интересам ребенка, суд, приняв отказ граждан Испании от заявления об удочерении ребенка, прекратил производство по делу.

Иркутским областным судом был выявлен факт обращения (после возбуждения судом дела по заявлению граждан Испании об усыновлении несовершеннолетнего) тети усыновляемого ребенка в органы опеки и попечительства с заявлением о передаче племянника на воспитание в ее семью. В связи с этим по ходатайству представителя органа опеки и попечительства определением Иркутского областного суда производство по делу было приостановлено до разрешения вопроса об установлении опеки над усыновляемым ребенком указанным лицом. Впоследствии производство по делу было прекращено ввиду отказа граждан Испании от заявления об усыновлении. Причиной, послужившей основанием для отказа от заявления, явилось установ-

ление над ребенком опеки с назначением ему в качестве опекуна его тети.

В другом случае Иркутский областной суд, рассматривая одно из дел об усыновлении ребенка гражданами Италии, выяснил, что после возбуждения гражданского дела об усыновлении в отношении усыновляемого ребенка установлено отцовство гражданином Российской Федерации и мальчик из детского учреждения передан на воспитание в семью своего биологического отца. Приняв отказ заявителей от заявления, суд также прекратил производство по данному делу.

По двум делам, находившимся в производстве Забайкальского краевого суда, об усыновлении детей гражданами Испании усыновители также отказались от заявленных требований в связи с устройством усыновляемых детей в семьи их родственников. В одном случае усыновляемого ребенка пожелал взять на воспитание его старший брат, а в другом случае намерение взять ребенка в свою семью выразил дядя ребенка.

Указанные факты свидетельствуют о том, что на момент подачи заявления об усыновлении в суд органами опеки и попечительства не были приняты исчерпывающие меры для выявления всех родственников ребенка и устройства ребенка в семьи этих родственников.

При рассмотрении дел об усыновлении суды проверяли, имеется ли согласие родителей на усыновление ребенка, а также в какой форме дано такое согласие (ст. 129 СК РФ). Усыновление без согласия родителей допускалось судами с соблюдением требований ст. 130 СК РФ, при этом в случае усыновления ребенка, родители которого были лишены родительских прав, суды, исходя из требований п. 6 ст. 71 СК РФ, также проверяли, истек ли шестимесячный срок со дня вынесения решения суда о лишении родителей родительских прав.

Так, Кемеровским областным судом было приостановлено производство по делу об усыновлении ребенка гражданами Италии, поскольку на момент рассмотрения дела в областном суде не истек шестимесячный срок со дня вынесения решения суда о лишении его родителей родительских прав.

Алтайский краевой суд, установив, что мать усыновляемых детей обратилась в районный суд с заявлением о восстановлении в родительских правах, также приостановил производство по делу об усыновлении детей гражданами Италии (до разрешения гражданского дела по заявлению матери усыновляемых о восстановлении ее в родительских правах).

Разрешение вопроса о возможности усыновления детей отдельно от их братьев и сестер (п. 3 ст. 124 СК РФ)

Обобщение судебной практики показало, что при рассмотрении заявления об усыновлении ребенка, имеющего братьев и сестер, также оставшихся без попечения родителей, в отношении которых вопрос об усыновлении заявителями не ставился, суды исходили из положений п. 3 ст. 124 СК РФ, согласно которым усыновление братьев и сестер разными лицами не допускается, за исключением случаев, когда усыновление отвечает интересам детей.

В связи с этим суды, в частности, проверяли, имеются ли у усыновляемого ребенка несовершеннолетние братья и сестры (как полнородные, так и неполнородные), относятся ли они к категории детей, оставшихся без попечения родителей, проживал ли усыновляемый ребенок совместно с братьями и сестрами, находятся они на время рассмотрения дела в одном либо в разных детских учреждениях, знает ли усыновляемый ребенок о существовании у него братьев и сестер, общаются ли дети между собой, испытывают ли они взаимную привязанность друг к другу, могут ли дети по состоянию здоровья жить и воспитываться вместе.

Имели место случаи, когда усыновители, узнав о существовании у усыновляемого ребенка брата или сестры, принимали решение об усыновлении обоих детей.

Так, при рассмотрении судом Еврейской автономной области дела об усыновлении двух братьев гражданами Испании было установлено, что первоначально заявители хотели усыновить одного ребенка. Ожидая заседание суда, они получили информацию о том, что у мальчика есть брат. Поскольку они всегда хотели иметь больше одного ребенка, то решили усыновить двух братьев. После знакомства со вторым ребенком и посещения детей в детском доме желание усыновить обоих детей у них укрепились. Суд, исследовав обстоятельства дела и установив, что усыновление двух братьев отвечает интересам детей, препятствий для их воспитания в одной семье не имеется, принял решение об удовлетворении заявления об усыновлении этих детей.

Если у усыновляемого ребенка имелись несовершеннолетние братья (сестры), находящиеся на воспитании в семье опекуна, суды проверяли, предлагали ли органы опеки и попечительства гражданам Российской Федерации, являющимся опекунами братьев (сестер) усыновляемого ребенка, принять усыновляемого на воспитание в свою семью (в том числе на усыновление). Если указанные лица отказывались принять ребенка на воспитание, суды выясняли причины такого отказа, в том числе и путем допроса указанных лиц в судебном заседании.

Например, Верховным Судом Республики Бурятия при рассмотрении одного из дел об усыновлении было установлено, что у усыновляемого ребенка имеется сестра, которая взята под опеку. В целях проверки возможного устройства ребенка в семью, в которой воспитывается его сестра, опекун был вызван в судебное заседание, однако в суд он не явился, представив письменное заявление об отказе взять ребенка в свою семью.

Калининградским областным судом по одному из дел об усыновлении ребенка гражданами Италии было установлено, что в письменном заявлении бабушка усыновляемого ребенка отказалась принять его на воспитание в свою семью в связи с преклонным возрастом и материальным положением. Вместе с тем, поскольку судом было установлено, что у усыновляемого имеется старший брат, который ранее находился вместе с усыновляемым в одном детском учреждении и затем был передан под опеку указанной бабушке, что, по мнению суда, свидетельствовало о том, что последняя, несмотря на возраст и имущественное положение, согласилась взять в свою семью старшего внука, суд принял решение о вызове бабушки в судебное заседание в целях выяснения обстоятельств, связанных с причинами ее отказа взять на воспитание младшего внука. В судебном заседании бабушка подтвердила, что забрала из детского дома лишь старшего внука, оформив над ним опеку, и отказалась взять в семью младшего внука, так как в силу возраста и состояния здоровья ни физически, ни материально не сможет вырастить двоих детей, просила органы опеки и попечительства передать младшего внука в хорошую семью. При этом она пояснила, что ей были разъяснены все меры социальной поддержки, предоставляемые в связи с приемом в семью ребенка. Из ее пояснений также следовало, что старший внук не испытывает привязанности к младшему брату и не навещает его в детском учреждении, она не возражает против усыновления младшего внука заявителями — иностранными гражданами.

Суд, установив, что не имеется возможности передать ребенка на воспитание его бабушке либо в семьи других его родственников, а также граждан Российской Федерации, не являющихся родственниками ребенка, братья не испытывают взаимной привязанности друг к другу, принял решение об удовлетворении заявления об усыновлении.

Таким образом, как свидетельствует обобщение судебной практики, заявление об усыновлении ребенка, имеющего братьев и сестер, удовлетворялось судом

только в том случае, если суд приходил к выводу о том, что усыновление ребенка отдельно от братьев и сестер отвечает интересам детей и не причинит им психологической травмы.

Применение судами положений ст. 127 СК РФ

При рассмотрении всех дел о международном усыновлении суды проверяли, не имеется ли обстоятельств, предусмотренных ст. 127 СК РФ, в силу которых заявители не могут быть усыновителями.

С этой целью суды, в частности, исследовали финансовое и материальное положение усыновителей, их жилищные условия, проверяли обстоятельства, связанные с наличием у них судимости, выясняли, как они характеризуются по месту их жительства, не лишались ли они родительских прав, не отстранялись ли от обязанностей опекуна (попечителя) за ненадлежащее выполнение возложенных на них обязанностей, не прерывали ли ранее процесса усыновления в связи с добровольным отказом от усыновления.

Оценивая финансовое и материальное положение усыновителей, суды, в частности, выясняли, какие должности занимают усыновители, каковы условия их трудового контракта, каков их годовой доход за вычетом всех необходимых налогов и сборов, имеются ли у заявителей какие-либо долговые обязательства.

При оценке личности усыновителей в необходимых случаях в целях разрешения вопроса о том, не окажут ли те или иные личностные качества усыновителей негативное влияние на воспитание детей, к участию в деле привлекались психологи, а также проводилось дополнительное психологическое обследование усыновителей.

Так, в ходе рассмотрения Самарским областным судом одного из дел об усыновлении ребенка гражданами Италии суду было представлено заключение о результатах психологического обследования усыновителей, проведенного на территории Российской Федерации, в котором было указано на ряд имеющихся у усыновителей психологических проблем и дана рекомендация о необходимости проведения расширенного психологического тестирования. Учитывая данное заключение, а также принимая во внимание, что ранее у супругов, проходивших психологическое тестирование, таких психологических проблем выявлено не было, суд принял решение о проведении повторного психологического обследования усыновителей, в ходе которого у усыновителей не было установлено каких-либо психологических проблем, наличие которых могло бы явиться препятствием для усыновления ими ребенка. Заявление об усыновлении ребенка данными усыновителями судом было удовлетворено.

При решении вопроса об отсутствии у заявителей заболеваний, препятствующих усыновлению ими ребенка, суд руководствовался приказом Минздрава России от 18 июня 2014 г. № 290н “Об утверждении Порядка медицинского освидетельствования граждан, намеревающихся усыновить (удочерить), взять под опеку (попечительство), в приемную или патронатную семью детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, а также формы заключения о результатах медицинского освидетельствования таких граждан” и Перечнем заболеваний, при наличии которых лицо не может усыновить (удочерить) ребенка, принять его под опеку (попечительство), взять в приемную или патронатную семью, утвержденным постановлением Правительства РФ от 14 февраля 2013 г. № 117.

Также судами проверялось, не истек ли с момента выдачи медицинских заключений о состоянии здоровья заявителей шестимесячный срок (п. 6 Правил подбора, учета и подготовки граждан, выразивших желание стать опекунами или попечителями несовершеннолетних граждан либо принять детей, оставшихся без попечения родителей, в семью на воспитание в иных установленных семейным законодательством Российской Федерации формах, утвержденных постановле-

нием Правительства РФ от 18 мая 2009 г. № 423, п. 6 Правил передачи детей на усыновление (удочерение) и осуществления контроля за условиями их жизни и воспитания в семьях усыновителей на территории Российской Федерации, утвержденных постановлением Правительства РФ от 29 марта 2000 г. № 275).

В тех случаях, когда заявители в качестве доказательств отсутствия у них заболеваний, препятствующих усыновлению ими ребенка, представляли медицинские заключения, выданные в стране их проживания, отвечающие требованиям российского законодательства (как по форме, так и по содержанию), ряд судов признавал такие заключения в качестве допустимых и достаточных доказательств отсутствия у заявителей заболеваний, препятствующих усыновлению ими ребенка.

Так, Архангельский областной суд исследовал вопрос о состоянии здоровья заявителей и об отсутствии у них заболеваний, препятствующих им быть усыновителями, на основании заключений, составленных медицинскими учреждениями по месту жительства усыновителей, поскольку представленные заявителями заключения о состоянии здоровья соответствовали требованиям российского законодательства, оснований не доверять указанным заключениям у суда не имелось и каких-либо возражений от лиц, участвующих в деле, относительно их необъективности и несоответствия действительности в суд не поступало (по всем делам из 21 дела, рассмотренного данным судом с вынесением решения, заявители являлись гражданами Италии).

Рязанский и Иркутский областные суды также придерживались указанной практики.

Например, в 2015 году Иркутским областным судом по 13 из 26 дел, рассмотренных этим судом с удовлетворением заявлений, заявители представили медицинские заключения, выданные врачами-специалистами в стране их проживания, отвечающие требованиям российского законодательства. В остальных случаях заявители прошли медицинское освидетельствование на территории Российской Федерации. При этом по всем делам суд отражал в решениях дату, полное наименование и место нахождения медицинского учреждения, выдавшего заключение о состоянии здоровья заявителей.

Полагаем, что, если заявители представили медицинское заключение о состоянии своего здоровья, отвечающее требованиям российского законодательства, суды вправе в необходимых случаях (например, в целях уточнения тех или иных диагнозов) предложить усыновителям пройти дополнительное медицинское обследование в медицинском учреждении Российской Федерации.

Наиболее распространенными недостатками представляемых усыновителями медицинских заключений являлись их выдача либо подписание не уполномоченными на то лицами.

Например, при принятии Верховным Судом Чувашской Республики заявления об удочерении, поданного гражданами Италии, было установлено, что медицинское заключение о состоянии здоровья усыновителей и об отсутствии у них заболеваний, препятствующих удочерению, подписано лишь одним врачом — хирургом, в связи с чем заявление было оставлено без движения и заявителям предоставлен срок для устранения недостатков.

В случае, когда заявители проживали одной семьей со своими родителями или другими родственниками, а также если в семье воспитывались другие несовершеннолетние дети, при подготовке дела к судебному разбирательству суды улагали на заявителей обязанность представить медицинские заключения компетентных врачей государства, где они имеют постоянное место жительства, о состоянии здоровья также и указанных лиц в целях установления отсутствия у них заболеваний, которые бы делали невозможным проживание с ними в семье малолетних детей.

Учитывая, что в соответствии с подп. 12 п. 1 ст. 127 СК РФ усыновителями не могут быть лица, которые не

прошли подготовку в порядке, установленном п. 6 данной статьи (за исключением близких родственников ребенка, а также лиц, которые являются или являлись усыновителями и в отношении которых усыновление не было отменено, и лиц, которые являются или являлись опекунами (попечителями) детей и которые не были отстранены от исполнения возложенных на них обязанностей), судами выяснялся вопрос о прохождении заявителями психолого-педагогической и правовой подготовки лиц, желающих принять на воспитание в свою семью ребенка, оставшегося без попечения родителей.

Обобщение судебной практики показало, что иностранные граждане проходили подготовку кандидатов в приемные родители на территории государства, в котором они постоянно проживают.

Решая вопрос о том, надлежащим ли образом пройдена указанная подготовка, суды исследовали программу, по которой проводилась подготовка кандидатов в приемные родители, в том числе на предмет соответствия содержания ее разделов и трудоемкости требованиям, утвержденным приказом Минобрнауки России от 20 августа 2012 г. № 623 “Об утверждении требований к содержанию программы подготовки лиц, желающих принять на воспитание в свою семью ребенка, оставшегося без попечения родителей, и формы свидетельства о прохождении такой подготовки на территории Российской Федерации”.

Представленные заявителями документы о прохождении ими подготовки кандидатов в приемные родители, как правило, отвечали требованиям российского законодательства. Однако имели место случаи, когда заявители не представляли документы о полномочиях организаций, проводивших подготовку, на проведение подготовки лиц, желающих принять на воспитание в свою семью ребенка, оставшегося без попечения родителей, и выдачу свидетельства о прохождении такой подготовки. В такой ситуации судьи предлагали заявителям устранить указанный недостаток.

Разрешение вопроса о возможности усыновителей обеспечить детям полноценное физическое, психическое, духовное и нравственное развитие (п. 2 ст. 124 СК РФ)

В соответствии с п. 2 ст. 124 СК РФ усыновление допускается в отношении несовершеннолетних детей и только в их интересах с соблюдением требований абз. 3 п. 1 ст. 123 СК РФ, а также с учетом возможностей обеспечить детям полноценное физическое, психическое, духовное и нравственное развитие.

В целях соблюдения интересов усыновляемых детей суды при рассмотрении дел о международном усыновлении выясняли, какие условия будут созданы усыновителями для гармоничного развития ребенка, готовы ли заявители усыновить ребенка с теми или иными заболеваниями, особенно в тех случаях, когда усыновляемый ребенок является инвалидом (7,5% усыновленных иностранными гражданами в 2015 году детей на время вынесения решения суда об усыновлении имели инвалидность).

В связи с этим суды учитывали рекомендации, данные усыновителям в отношении возраста и состояния здоровья усыновляемого ребенка, содержащиеся в заключениях компетентного органа иностранного государства, в социально-психологических отчетах по результатам обследования условий жизни кандидатов в усыновители, в постановлениях суда о пригодности граждан Итальянской Республики к усыновлению детей.

Вопрос о соответствии возраста и состояния здоровья усыновляемого ребенка рекомендованным усыновителям проверялся судами, как правило, на стадии принятия заявления. В случае выявления несоответствия возраста или состояния здоровья ребенка рекомендациям, данным заявителям, им в порядке ст. 136 ГПК РФ предоставлялся разумный срок для представления суду дополнительного заключения соответствующего

компетентного органа иностранного государства о возможности усыновления ими ребенка указанного возраста и состояния здоровья.

Например, судьей Верховного Суда Республики Башкортостан на стадии принятия заявления к производству суда было установлено, что заявители просят усыновить мальчика, который имеет ряд заболеваний. Между тем из отчета о пригодности к национально-международному усыновлению, составленного психологом-психотерапевтом, следовало, что супруги не чувствуют себя готовыми взять детей с тяжелыми физическими или психическими патологиями из-за опасения неизвестности будущего, супруги желают удочерить девочку в возрасте от 0 до 6 лет. Судья правильно оставил указанное заявление без движения, предложив заявителям представить обновленные сведения о том, ребенка какого пола рекомендуют социально-медицинские службы им для усыновления, а также представить заключение о готовности заявителей к усыновлению ребенка с указанными заболеваниями.

Судья Волгоградского областного суда, установив при принятии одного из заявлений об усыновлении к производству суда, что возраст и состояние здоровья усыновляемого заявителями ребенка не соответствуют рекомендациям, данным усыновителям в стране их проживания (заявителями ставился вопрос об усыновлении ребенка в возрасте 9 лет 4 мес. и имеющего ряд заболеваний, в то время как согласно отчету о психосоциальном обследовании семьи заявителей супругам рекомендован для принятия в семью ребенок в возрасте от 0 до 7 лет, с легкими, поддающимися лечению заболеваниями), также оставил заявление об усыновлении без движения, указав заявителям на необходимость устранить его недостатки, в том числе представить заключение компетентного органа страны проживания заявителей о возможности усыновления ими ребенка указанного возраста и с имеющимися у него заболеваниями.

В судебном заседании судьи опрашивали усыновителей о готовности усыновить ребенка с имеющимися у него заболеваниями в том числе и в случаях, когда состояние здоровья усыновляемого ребенка отвечало рекомендациям, которые были даны усыновителям. При этом усыновителям задавались, в частности, вопросы относительно того, что им известно об имеющихся у ребенка заболеваниях, их тяжести и о последствиях, а также о методах лечения, понятен ли им диагноз, установленный ребенку, были ли переведены медицинские документы детей на родной язык заявителей, каковы прогнозы на излечение данных заболеваний, в каком объеме и на каких условиях (бесплатно, страховка и т.п.) будет оказана медицинская помощь ребенку в стране проживания усыновителей (проведение необходимой операции, приобретение лекарственных препаратов и т.п.), как относятся члены семьи усыновителей, в том числе несовершеннолетние дети, если таковые имеются у усыновителей, к усыновлению ребенка с тяжелыми заболеваниями.

Так, при рассмотрении Волгоградским областным судом дела об усыновлении ребенка гражданами Италии было установлено, что ребенок имеет серьезное заболевание, ему на постоянной основе назначен прием лекарственных средств. В судебном заседании заявители пояснили, что не обладали информацией о наименовании лекарственных препаратов, принимаемых ребенком. Учитывая указанное обстоятельство, тяжесть поставленных ребенку диагнозов, а также данные истории развития ребенка и прогнозы его дальнейшего развития, суд обязал заявителей представить обновленный социально-психологический отчет компетентного органа иностранного государства с описанием готовности заявителей усыновить ребенка с имеющимися у него заболеваниями, а также с изложением сведений о наличии физической и финансовой возможности супругов оказывать ребенку надлежащий уход.

Поскольку у заявителей имелось двое биологических детей, суд также обязал заявителей представить

обновленную информацию о психологической и эмоциональной готовности биологических детей стать братом и сестрой усыновляемого ребенка с имеющимися у него заболеваниями, а также медицинские заключения о состоянии здоровья биологических детей и об отсутствии у них заболеваний, которые делали бы невозможным проживание с ними в семье усыновляемого ребенка. Кроме того, с учетом заболевания усыновляемого ребенка суд обязал заявителей представить информацию от компетентного органа иностранного государства о том, имеются ли по месту жительства усыновителей медицинские учреждения по профилю заболевания, которым страдает усыновляемый ребенок, возможно ли обеспечить ему медицинское наблюдение, а также немедленное оказание медицинской помощи в случае необходимости ребенка в ней.

В целях всестороннего исследования вопроса о возможности и готовности заявителей к усыновлению ребенка, страдающего теми или иными заболеваниями, судами принимались и иные меры.

Так, Саратовским областным судом при рассмотрении дел о международном усыновлении в судебном заседании оглашались диагнозы ребенка, содержащиеся в медицинском заключении экспертной медицинской комиссии органа управления здравоохранения области, и у заявителей выяснялось, данный ли перечень заболеваний им был сообщен при знакомстве с ребенком, а также заслушивался врач детского учреждения, в котором воспитывался усыновляемый. Если ребенка не представилось возможным устроить в семью российских граждан в связи с их отказом от усыновления этого ребенка из-за его медицинских диагнозов, суд ставил в известность об этом иностранных усыновителей. По вопросам умственного и физического развития ребенка в судебном заседании также заслушивались представители детского учреждения, в котором находится усыновляемый ребенок.

В ряде случаев усыновителям предлагалось пройти психологическое исследование на территории Российской Федерации.

Например, Иркутским областным судом по делам, где заявители усыновляли детей, имеющих проблемы со здоровьем, либо усыновители имели биологических или усыновленных детей, а также в ряде иных случаев в порядке подготовки дела об усыновлении к судебному разбирательству заявителям предлагалось пройти на территории г. Иркутска психологическое исследование и представить заключение государственного автономного учреждения Иркутской области "Центр психолого-педагогической, медицинской и социальной помощи". Заключение, сделанные специалистами указанного учреждения по результатам психологического исследования, как правило, содержали выводы относительно готовности иностранных граждан быть усыновителями детей, имеющих отклонения в состоянии здоровья, установления детско-родительских отношений между усыновителями и усыновляемым ребенком (детьми), о готовности со стороны заявителей приложить все усилия для обеспечения лечения, воспитания усыновляемого ребенка (детей). Указанные заключения отражены и проанализированы в решениях Иркутского областного суда.

В тех случаях, когда заявители ранее усыновляли детей (в том числе российских детей) и вновь желают усыновить ребенка, судами исследовались обстоятельства того, насколько успешно такие кандидаты в усыновители справляются со своими родительскими обязанностями в отношении ранее усыновленных детей.

В этих целях усыновители представляли сведения об условиях жизни и воспитания усыновленных детей в их семье, составленные компетентным органом иностранного государства. Если ранее заявителями был усыновлен ребенок, являющийся гражданином Российской Федерации, судами проверялось, своевременно ли представлялись отчеты об условиях жизни и воспитания ребенка.

Иркутским областным судом по одному из дел об усыновлении ребенка гражданами Италии в судебном

заседании был опрошен несовершеннолетний сын заявителей, достигший десятилетнего возраста, который был ранее усыновлен заявителями. Ребенок подтвердил тот факт, что он знает о процедуре международного усыновления, осуществляемого его родителями, не возражает против появления у него младшей сестры, с которой они очень хорошо общаются. Ему очень нравится роль старшего брата, и он вместе с родителями готовил комнату для будущей сестры.

Исследованные в судебном заседании документы содержали информацию о том, что между супругами и ребенком установилась прочная детско-родительская привязанность, у мальчика есть все необходимое для благополучного и счастливого детства, он окружен любовью, заботой и вниманием родителей. Заявители готовы к усыновлению второго ребенка в семейном, воспитательном, образовательном и психологическом плане, поскольку успешно справляются со своими родительскими обязанностями в отношении сына. Решением областного суда заявление граждан Италии об удочерении было удовлетворено.

При рассмотрении дел о международном усыновлении суды исследовали вопрос об установлении психологического контакта между заявителями и усыновляемым ребенком.

В этих целях суды, в частности, выясняли вопросы о том, какова была длительность и периодичность общения заявителей и ребенка на территории Российской Федерации, поддерживали ли заявители связь с ребенком в период своего отъезда (например, посредством интернета, телефона).

Свердловский областной суд при исследовании указанного вопроса истребовал также письменное мотивированное заключение педагога-психолога (специалиста детского учреждения по месту нахождения ребенка, непосредственно наблюдавшего за общением ребенка и кандидатами в усыновители) и выводы в этой части отражал в своих решениях по делам о международном усыновлении детей.

По одному из дел о международном усыновлении, рассмотренных Иркутским областным судом, несмотря на то, что усыновители — граждане Испании ранее общались с усыновляемыми детьми (двумя братьями), руководитель детского учреждения, где воспитывались дети, в судебном заседании заявил ходатайство о предоставлении дополнительного времени для общения детей с усыновителями, которое судом было удовлетворено. Сами заявители также не возражали против предоставления дополнительного времени для общения, поскольку за полгода, пока они не видели детей, те сильно изменились, подросли, стали более активными, усыновителям заново пришлось устанавливать контакт с каждым из братьев. Убедившись по результатам общения, что усыновление отвечает интересам детей, руководитель детского учреждения дал письменное согласие на усыновление братьев. Решением областного суда заявление об усыновлении двух братьев было удовлетворено.

В другом случае Иркутский областной суд, рассматривая дело об усыновлении гражданами Италии двоих детей (брата и сестры), также принял решение о необходимости предоставления дополнительного времени общения для установления более тесного контакта между усыновляемыми детьми и заявителями, в связи с чем судебное заседание было отложено. После дополнительного общения на территории детского учреждения установление детско-родительских отношений, а также психологическая совместимость и личностный интерес кандидатов в усыновители и усыновляемых друг к другу были подтверждены показаниями педагога-психолога детского учреждения, актами общения, фотографиями и детскими рисунками. С учетом установленных по делу обстоятельств суд удовлетворил заявление об усыновлении детей.

В ряде случаев, в результате дополнительного общения усыновителей с детьми в период, когда заявление об усыновлении было принято судом к своему

производству, суд выявлял, что заявители фактически не установили контакта с детьми, что делало невозможным усыновление.

Так, определением Иркутского областного суда был принят отказ граждан Испании от заявления об усыновлении двух братьев (четырех и пяти лет), причиной которого послужило неустановление ими контакта с детьми при личном общении. Данное обстоятельство нашло свое подтверждение в суде. Так, в первом судебном заседании представителем детского учреждения, в котором воспитывался младший брат, было заявлено ходатайство об отложении рассмотрения дела по существу и предоставлении супружеской паре дополнительного времени для общения с обоими детьми, поскольку, согласно его пояснениям, несмотря на то, что младший ребенок ранее шел на общение с заявителями, радовался их приезду, он все же не воспринимал их как будущих родителей — тех лиц, которые пользуются у него авторитетом. Ребенок баловался, убегал из комнаты, где проходило общение, на просьбы и замечания супругов не реагировал, кандидаты с поведением ребенка справиться не могли, не проявляли родительских навыков, нервничали.

Указанное ходатайство судом было удовлетворено, судебное заседание отложено для возможности более тесного и продолжительного общения кандидатов в усыновители с обоими детьми с целью формирования привязанности и установления детско-родительских отношений. Однако и в дальнейшем взаимопонимания между детьми и заявителями достигнуть не удалось. Супруги не смогли расположить к себе детей, не нашли к ним подход, в силу чего руководители детских учреждений, где воспитывались дети, не дали письменного согласия на усыновление своих воспитанников данной супружеской парой. При этом и сами заявители не отрицали, что контакт с детьми не установлен и что они переоценили свои возможности относительно принятия в свою семью сразу двух детей указанного возраста. Производство по делу судом было прекращено.

Всестороннее исследование вопроса о характере общения кандидатов в усыновители и ребенка руководителем детского учреждения, где находится ребенок, органом опеки и попечительства, а также судом, рассматривающим дело об усыновлении, необходимо в целях выяснения обстоятельств, свидетельствующих о том, что заявители установили контакт с ребенком, изучили характер ребенка, оценили свои возможности по воспитанию ребенка с учетом его личностных особенностей, возраста и состояния здоровья, их желание усыновить именно этого ребенка является осознанным и обдуманном.

Ненадлежащее исследование указанных обстоятельств может привести к отмене решения суда об усыновлении.

Так, в сентябре 2015 г. Волгоградским областным судом принято решение об удовлетворении заявления граждан Испании об усыновлении ребенка. Однако после вступления указанного решения суда в законную силу усыновители ребенка из детского учреждения не забрали и в октябре 2015 г. обратились в Волгоградский областной суд с заявлением об отмене усыновления, в обоснование которого сослались на то, что после вынесения судом решения об усыновлении ребенка отношения между ними и мальчиком стали более холодными и отдаленными, мальчик игнорировал их, проявлял независимый и сильный характер, который они не могли контролировать, что привело их к мысли о том, что они не смогут справиться с воспитанием этого ребенка.

Представитель граждан Испании в судебном заседании пояснил, что на протяжении девяти месяцев, с момента знакомства заявителей с мальчиком и до вынесения судом решения об усыновлении, супруги выражали желание усыновить мальчика. Решение об отмене усыновления ими было принято по истечении нескольких дней общения с ребенком после вынесения судом решения об усыновлении. При этом поведение ребенка при встречах с заявителями, как во время знакомства, так и после вынесения судом решения об

усыновлении, не изменялось, соответствовало его возрасту и уровню развития. Претензии супругов относительно характера мальчика касались, в частности, обстоятельств несовпадения интересов супругов с интересами ребенка. Так, если супруги предлагали мальчику порисовать или поиграть в настольные игры, он выражал желание бегать или играть в мяч.

Согласно пояснениям представителя детского учреждения во время нахождения ребенка в детском учреждении он проявил себя с положительной стороны, как здоровый, жизнерадостный, энергичный ребенок, в его поведении с заявителями не наблюдалось ничего необычного, позволяющего усомниться в возможности справиться с его воспитанием, однако после вынесения судом решения об усыновлении граждане Испании, пообщавшись несколько дней с мальчиком, отказались от него и не забрали его из детского дома.

Исследовав обстоятельства дела и установив, что после вынесения решения об усыновлении заявители отказались забрать мальчика из детского учреждения и выразили нежелание воспитывать ребенка и исполнять свои родительские обязанности, суд отменил усыновление ребенка.

Поскольку, по мнению Волгоградского областного суда, указанный факт свидетельствует о ненадлежащей подготовке представительством иностранной ассоциации в области международного усыновления заявителей к усыновлению, судом в адрес Министерства образования и науки Российской Федерации направлена соответствующая информация.

**Приведение решений об усыновлении
к немедленному исполнению (ст. 212 ГПК РФ).
Вынесение судами частных определений
(ст. 226 ГПК РФ)**

Обобщение судебной практики показало, что в 2015 году три решения суда о международном усыновлении приведены к немедленному исполнению (Верховный Суд Республики Калмыкия, Ставропольский краевой суд и Оренбургский областной суд).

В двух случаях приведение решения к немедленному исполнению было вызвано необходимостью незамедлительного обследования и лечения усыновленных детей в связи с их состоянием здоровья. По третьему делу суд удовлетворил ходатайство о приведении решения к немедленному исполнению с учетом конкретных обстоятельств дела, а также того факта, что один из усыновителей является родным дядей усыновленного ребенка.

В 2015 году по делам о международном усыновлении судами вынесено 8 частных определений: по одному частному определению вынесено Алтайским краевым судом и Иркутским областным судом, по два частных определения — Пермским краевым судом, Санкт-Петербургским городским судом и Челябинским областным судом.

Частные определения, например, были вынесены: в адрес территориальных подразделений соответствующих региональных министерств в связи с нарушением требований закона в части сроков постановки на учет детей, оставшихся без попечения родителей, нарушениями, допущенными при заполнении анкеты ребенка (невнесение в названный документ данных о близких совершеннолетних родственниках ребенка);

в адрес регионального государственного бюджетного учреждения здравоохранения (специализированный дом ребенка) в связи с непринятием данным учреждением своевременных мер, направленных на защиту прав несовершеннолетнего, находящегося в данном учреждении, что привело к невозможности в течение длительного времени осуществить устройство ребенка в семью путем его усыновления;

в адрес начальника отдела опеки и попечительства управления социальной защиты населения в связи с непредставлением сведений о наличии у усыновляемого ребенка совершеннолетних родственников, а также их письменных заявлений о согласии (несогласии) на усыновление ребенка, сведений о принятых мерах по устройству усыновляемого ребенка в семье граждан Российской Федерации с приложением подтверждающих документов, заключения органа опеки и попечительства по месту проживания братьев усыновляемого ребенка о возможности (невозможности) усыновления ребенка отдельно от его братьев, согласия брата усыновляемого ребенка на его усыновление;

в адрес главы администрации муниципального образования в связи с недостоверными сведениями, изложенными в заключении об обоснованности и о соответствии усыновления интересам усыновляемого ребенка, об обстоятельствах личного общения заявителей с ребенком, а также в связи с ненадлежащей организацией учета кандидатов в усыновители и процесса предоставления им сведений о детях, которые могут быть переданы на усыновление.

*(Обзор утвержден Президиумом
Верховного Суда Российской Федерации
27 апреля 2016 г.)*

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Серков П.П. (главный редактор), **Борисова Е.Е., Горшков В.В., Давыдов В.А., Журавлева Е.М., Момотов В.В., Нечаев В.И., Петрова Т.А., Пчелинцева Л.М., Рудаков С.В., Свириденко О.М., Хаменков В.Б., Харламов А.С., Хомчик В.В., Шиловост О.Ю.**

**Государственное учреждение —
издательство “Юридическая литература”
Администрации Президента Российской Федерации**

Адрес редакции: 121069, г. Москва, ул. Малая Никитская, д. 19, стр. 1.
Телефоны: 495-691-57-40, 495-690-44-00.

За справками по вопросам подписки и распространения обращаться
по телефону 495-690-10-55.

E-mail: Yurizdat@gov.ru
<http://www.jurizdat.ru>

Подписано в печать 25.08.2016.

Формат 60 × 84 1/8. Бумага офсетная. Гарнитура “Таймс”. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 6,51. Уч.-изд. л. 8,74. Тираж 9397 экз. Заказ 3631-2016.

Отпечатано в АО “Красная Звезда”.
123007, г. Москва, Хорошевское шоссе, д. 38.
Телефоны: 495-941-28-62, 495-941-34-72, 495-941-31-62.
E-mail: kr_zvezda@mail.ru
<http://www.redstarph.ru>